

• БЕЛАЯ АРМИЯ • БЕЛОЕ ДЕЛО •

3

**БЕЛАЯ АРМИЯ
БЕЛОЕ ДЕЛО**

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АЛЬМАНАХ**

№ 3

ЕКАТЕРИНБУРГ

97

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР "БЕЛАЯ РОССИЯ"

БЕЛАЯ АРМИЯ БЕЛОЕ ДЕЛО

**Исторический
научно-популярный
АЛЬМАНАХ**

№3

ЕКАТЕРИНБУРГ

1997

Очередной номер альманаха «Белая армия. Белое дело» продолжает освещение различных аспектов истории Белого движения в годы Гражданской войны в России. Авторы статей и материалов вводят в оборот многие неизвестные ранее факты и документы и на их основе предпринимают попытку правдивого воссоздания исторических картин прошлого. Специальный раздел альманаха посвящен раскрытию малоизученных страниц белоэмиграции. Издание рассчитано на всех, кому не безразлична судьба России.

***Научный редактор альманаха
ДМИТРИЕВ Н.И.***

- Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов публикаций
- Перепечатка только с разрешения редакции

©НИЦ «БЕЛАЯ РОССИЯ»
©Дмитриев Н.И. Составление, редакция.
Екатеринбург, 1997
©Сакнынь Ю.П. Оформление. 1995

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели! В своих руках вы держите третий номер альманаха. Он состоялся, несмотря на невероятные финансовые трудности, с которыми пришлось столкнуться издателям в наше непростое время бедности и неплатежей. Перерыв, предшествовавший этому номеру, составил практически год. Но для нашего издания он не прошел даром. Сегодня читатели альманаха проживают более чем в сорока городах России. В редакцию поступают интересные, подчас уникальные материалы от новых, ранее неизвестных нам авторов. Первые контакты наметились с российским Зарубежьем. Все это - свидетельства растущей заинтересованности в издании. Мы ее высоко ценим и не оставляем надежды на выход в свет в ближайшие месяцы еще, как минимум, одного номера с тем, чтобы выполнить взятые на себя обязательства по выпуску двух-трех номеров альманаха в год.

Именно финансовые и некоторые организационные проблемы заставили нас отказаться (будем надеяться временно) от публикации документов и материалов к биографии А.В. Колчака, подготовленной профессором И.Ф. Плотниковым и заявленной во втором номере.

В настоящем издании альманаха полностью обновился авторский коллектив, который мы счастливы приветствовать. Редакция выражает надежду, что публикуемые статьи и документы найдут живой отклик у читателей. В свою очередь мы заявляем, что сотрудничество с новыми авторами вовсе не означает прекращения контактов с нашими прежними, испытанными друзьями. Просто, на взгляд редакции, было бы несправедливо не предоставить им наши страницы, которых некоторые дожидались без малого десять месяцев. Мы были бы рады опубликовать все имеющиеся у нас достойные материалы, но к сожалению наши возможности пока ограничены. Однако редакция по-прежнему стремится развивать сотрудничество со всеми заинтересованными в дружественных связях и восстановлении исторической правды о Белом движении лицами. С целью решения этой задачи в третьем номере появились новые рубрики, которые будут появляться и впредь.

Всех желающих установить с редакцией контакты, высказать свои отзывы и пожелания, сделать заявки на номера альманаха или публикацию в нем просим обращаться по адресу: Россия, 620002, г.Екатеринбург, до востребования. Дмитриеву Николаю Ивановичу.

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ЗАБЫТАЯ ДИВИЗИЯ

Сформированная в боях

В последнее время появилось множество литературы мемуарного характера о гражданской войне 1918-1920 гг. в России. Особым интересом пользуются воспоминания тех, кто «стоял по ту сторону баррикад», то есть руководителей Белого движения. Но вот что вызывает недоумение: в основном это мемуары лидеров белых юга России - А.И.Деникина, П.Н.Врангеля, П.Н.Краснова, Я.А.Слащева и т.д. Между тем событиям, имевшим место на Восточном фронте внимания уделяется мало. А ведь этот фронт на протяжении почти всей истории Гражданской войны был главным. Судите сами, если начало Белого движения на юге России связано с «Ледяным походом» двухтысячного отряда Л.Г.Корнилова, пусть даже имевшим громкое название Добровольческой армии, то на востоке основные боевые действия начались с мощного выступления сорокатысячного чехословацкого корпуса, в течение двух-трех месяцев отрезавшего своими штыками от центральной части советской России ее восточные территории - Сибирь и Дальний Восток. Под прикрытием этого корпуса была сформирована армия адмирала А.В.Колчака в четыреста тысяч штыков и сабель - самая многочисленная из всех Белых армий. Вплоть до конца лета 1919 года В.И.Ленин видел спасение советской власти в изгнании колчаковцев за рубеж Уральских гор, настолько велика была для нее опасность этого движения.

Однако было бы ошибкой думать, что до выступления чехов войск восток России проявлял по отношению к советской власти полную лояльность. Уже 1-го ноября 1917 года объявляет войну диктатуре большевистского произвола Оренбургское казачье войско атамана А.И.Дутова, в Забайкалье постепенно наращивает свои силы атаман Г.М.Семенов. В городах Сибири, Южного Урала и Поволжья спешно создаются подпольные организации, причем членами их становятся не только офицеры старой армии и «сынки буржуев», как это было принято считать еще совсем недавно, но и рабочие, учащаяся молодежь, представители интеллигенции. Вспыхивают мощные крестьянские восстания, только в одной Башкирии самыми крупными из них были январское восстание 1918 года в Белебеевском уезде (Казангуловская волость) и мартовское восстание в Златоустовском уезде (Месягутовская, Дуванская и Тастубинская волости). Несмотря на то, что эти восстания подавлялись советской властью, они способствовали накоплению крестьян-

янской массой опыта активного сопротивления большевикам, а главное - успешному выступлению в мае 1918 г. частей чехословацкого корпуса.

Как известно, эшелоны корпуса к концу этого месяца были разбросаны по всей длине Сибирской железнодорожной магистрали - от Пензы до Владивостока. Четыре главные группировки чехословаков (Самаро-Пензенская под командованием С.Чечека, Челябинская - С.Н.Войцеховского, Новониколаевская - Р.Гайды и Владивостокская - М.К.Дитерихса), получив приказ о выступлении, захватили в мае-июне основные города восточной части России. Ими были Челябинск, Новониколаевск, Омск, Златоуст, Красноярск, Владивосток и Самара¹. Захвату Самары предшествовал бой под станцией Липяги, где против легионеров дрались красногвардейские отряды из Уфы. Эти отряды, или «боевые отряды народного вооружения» (БОНВ), имели опыт боевых действий против атамана А.И.Дутова и крестьянских восстаний в Уфимской губернии, но против чехословацкого корпуса оказались бессильны².

Разгром под Липягами, по всей видимости, произвел сильное впечатление на настроение советских войск, располагавшихся к концу мая - началу июня в Уфе. Несмотря на то, что для защиты города их было предостаточно, до 10 тысяч штыков (сформированы 1 и 2 Уфимские советские полки), личный состав красногвардейских отрядов не отличался высокими боевыми качествами, и захват чехокорпусом столицы Башкирии был вопросом времени.

Уфа встретила чехословаков с облегчением. Отступавшие из города красноармейцы, как и подобает разложившимся частям, дебоширили, отнимали у крестьян для бегства лошадей и подводы, хватали заложников³. До прихода чехов уфимским железнодорожникам пришлось сформировать батальон в 230 человек для поддержания порядка в городе⁴. Так было положено начало формированию антибольшевистских вооруженных отрядов в Уфе.

И каких только частей не повидал уфимский обыватель на улицах своего родного города. Попав в сферу влияния Самарского Комуча, Уфа становится одним из центров по набору добровольцев в «батальоны-дружины Учредительного собрания». Формировались различные национальные части, например, в газете «Армия и народ» можно было обнаружить объявления о создании подъесаулом Кулешевым «Донской казачьей особой сотни»⁵, о записи в «Гусарский дивизион корнета Глушкова»⁶ и т.д. Осенью 1918 года по улицам маршировали роты одного из французских экспедиционных войск⁷. Был даже печально знаменитый своими карательными акциями «Партизанский отряд полковника Щеголихина».

Однако наиболее значительным и известным соединением для города стала 4 Уфимская дивизия. Ее формирование началось сразу после вступления чехословаков в Уфу, и основой дивизии послужило образование 1 Народного полка, впоследствии переименованного в 13 Уфимский полк. Из четырех полков дивизии этот полк был наиболее связан с Уфой, и не случайно. Местная газета «Уфимский вестник» от 15(28) июля 1918 года уделила факту его рождения целую статью: «...Всеобщий

подъем настроения, сознание гражданского долга, жажда подвига во имя спасения родины и свободы привлекли в 13 полк наиболее чутких и сознательных граждан из всех слоев общества.

Состав полка в настоящее время таков. Половина людей в полку - уже обученные, побывавшие на фронте солдаты, из которых много георгиевских кавалеров и раненых по нескольку раз.

Четвертая часть полка состоит из добровольцев, бывших офицеров, а одна рота исключительно из учащейся молодежи: студентов и учеников средних учебных заведений (из 6,7,8 классов)». Это была 5 рота полка, имевшая, в отличие от остальных рот, некоторое преимущество: ее бойцы отпускались по местам учебы, когда на фронте бывало затишье, и становились в строй, когда этого требовала боевая обстановка⁸. Вошел в состав полка и упомянутый батальон железнодорожников.

«Командный состав очень молодой. К кадровому офицерству принадлежат: командир полка, его помощник, командиры батальонов и часть ротных...

Командир полка, Гавриил Иванович Сахаров, - боевой офицер, прослуживший всю войну в строю.

Свою карьеру Г.И.Сахаров начал в Уфе в 1908 году (жил по адресу ул. Гоголевская,81, ныне ул. Гоголя - С.Ш.⁹), когда по окончании Тифлисского военного училища, был назначен в Златоустовский батальон. На войну Г.И.Сахаров выступил в 1914 году в чине поручика 190 Очаковского полка, причем ему было поручено командование батальоном. При Керенском командовал «батальоном смерти» 48 дивизии. Последний год войны Г.И.Сахаров провел на Румынском фронте, в должности командира Очаковского полка... За время войны он был дважды ранен, получил все награды до Владимира 4-й степени включительно и произведен в чин полковника». Свои последующие ранения и награды полковник Сахаров получал уже во время войны Гражданской. Уже в сентябре 1918 года он был ранен « ружейной пулей в правое бедро» при отражении красного десанта у Пьяного Бора¹⁰. Десант пыталась осуществить Волжская флотилия Ф.Ф.Раскольников. Красные потеряли в бою канонерскую лодку «Ваня-коммунист» с комиссаром флотилии Маркиным. По всей видимости, после этого боя Сахаров не был в состоянии возглавлять полк , и командование 13 Уфимским перешло к его однополчанину по Очаковскому полку Семену Карпову, георгиевскому кавалеру. Для уфимцев это был также известный им человек: в 1917 году, вследствие ранения на фронте Первой мировой, офицер Карпов служил в квартировавшемся в Уфе 144 запасном полку¹¹. Среди солдат и офицеров он пользовался заслуженным авторитетом. Что касается полковника Сахарова, то есть сведения, что поправившись по всей видимости от ранения, он возглавлял в 1919 году 13 Казанскую стрелковую дивизию из 1 Волжского корпуса В.О.Каппеля¹².

Но вернемся к газетной статье. Численность личного состава полка «Уфимский вестник» не раскрывает, поэтому приходится довериться сведениям некоего А.М.Кулагина, свидетеля разгрома красных в Стерлитамаке. Он оценил численность антибольшевистских сил в Уфе в 2000 человек, из них 500 чехов¹³. Сколько из оставшихся приходилось на

Капитан С. Чечек - командир Самаро-Пензенской группировки чехословаков.

13 полк можно только гадать, да и сама цифра, данная Кулагиным, не может быть достоверной хотя бы потому, что в «Уфимском вестнике» есть сведения о размещении в городе лишь трети 13 полка. Большая же его часть была разбросана по губернии, занимаясь ликвидацией разбежавшихся красных отрядов.

Размещался 13 Уфимский полк в зданиях Епархиального женского училища (сейчас это госпиталь для ветеранов по ул. Тукаева) и Уфимской духовной семинарии (ныне административный корпус концерна БЭТО). В последнем находилась канцелярия части¹⁴.

На протяжении всей истории своего существования 13 полк Уфимской дивизии считался полком добровольческим и, как подобало добровольческому соединению, отличался большой стойкостью. Поэтому, когда части армии Самарского Комуча, набираемые ранее на добровольной основе, стали пополняться взятыми по мобилизации, часть офицеров уфимского гарнизона выступила против подобного эксперимента, справедливо указывая на разлагающее влияние мобилизуемых на добровольцев. Последние воевали по убеждению, знали, за что шли в бой, и не случайно обе враждующие стороны, как красные, так и белые, относились к добровольцам противника одинаково беспощадно. Зачастую преследованию подвергались семьи добровольцев.

Возраст первых добровольцев 13 Уфимского полка сильно варьировался, рядом с 50-летними почтенными отцами семейств в бой шли 17-летние юноши, прозванные из-за мальчишески тонких фигур «карандашами», различались они по социальному составу и по политическим убеждениям, но это не удивительно: неоднородность для армии времен Гражданской войны явление обычное. По воспоминаниям И.М.Майского (в рассматриваемое время меньшевик, член Самарского Комуча, впоследствии видный советский дипломат), в Народной армии прослеживалось два течения: монархическое, представленное в основном офицерами, и либерально-демократическое. Вот что он писал в своей работе «Демократическая контрреволюция»:

«Наряду с монархическими офицерами (в армии - С.Ш.) имелось достаточное количество интеллигенции, учащейся молодежи, крестьян и даже рабочих, в районе Вольска и Николаевска на фронте оперировали отряды, составленные, главным образом, из крестьян. В Уфе существовал рабочий отряд Шеломинцева (лидер уфимских эсеров, погибший в бою под Ижевском, куда был направлен для связи с восставшими рабочими - С.Ш.), состоящий преимущественно из уфимских железнодорожников, в Ижевском и Воткинском районах оперировали довольно многочисленные пролетарские части, вербовавшиеся из среды рабочих здешних заводов... Далее имелись небольшие эсеровские отряды и некоторые другие, стоящие на платформе де мократии»¹⁵.

В борьбе за молодые формирующиеся части Народной армии между двумя течениями возникали сильные трения. Промонархически настроенные офицеры предпочитали уходить в армию Временного Сибирского правительства, где были сильны правые тенденции, или же занимали позицию прямого неподчинения приказам Самарского Комуча. Постепенно «правые» стали брать верх, и это, видимо, подтолкнуло командо-

вание чехословацкого корпуса, стоявшего на позициях демократизации, вмешаться в дело формирования армии. Было решено формировать русско-чехословацкие полки, которые комплектовались бы из русских добровольцев, но находились под командованием чешских офицеров. В чехокорпусе солдаты обращались к своим офицерам на «ты», друг друга называли «братше» («братьями»), и не случайно в Уфе, городе «с сильным эсеровским уклоном», идея создания таких полков нашла большую популярность. Еще далеко было до осени 1919 года, когда полностью раскрылась предательская сущность «братьев-чехов», но летом 1918 года в Уфе был сформирован первый русско-чешский полк¹⁶.

Монархическое офицерство забило тревогу, военное ведомство Комуча стало саботировать формирование таких частей, задерживая снабжение оружием и продовольствием и т.д. Дело дошло до того, что в Уфу, с целью пресечения «излишней демократизации» прибыл тогдашний главнокомандующий генерал В.Г.Болдырев, и 1 русско-чешский полк оказался первым... и единственным.

Для нас же будет интересно отметить следующее. Состав Народной армии был крайне неоднороден, термин «белогвардейцы» к некоторым ее частям мог быть применен с большой натяжкой и даже более того, попытка ношения отдельными «монархистскими» отрядами белых бантов и повязок на правом рукаве рассматривалась правительством «учредилки» как отступление от основ демократии. Не случайно в период создания армии адмирала А.В.Колчака, да и за все время существования оной, между двумя главными ее составляющими - Сибирской армией Р.Гайды и Западной армией М.В.Ханжина, царила атмосфера вражды и недоверия, «сибиряки» не могли простить последователям Народной армии их «эсеровское прошлое».

Но вернемся к 13 полку. Одним из законов Гражданской войны было формирование частей противоборствующих сторон одновременно с ведением боевых действий. 13 Уфимский полк не был бы первым полком дивизии, если бы ему не выпало первым принять боевое крещение, и таким крещением стал бой за Стерлитамак, второй после Уфы крупнейший город в губернии. Уже 13-го июля (а в Уфу чехи вступили 4-го июля) отряд уфимских народоармейцев при поддержке чехов повел наступление по Белебеевскому тракту на Стерлитамак. Из воспоминаний А.М.Калугина:

«Около шести часов вечера, на северо-западной окраине города, началась редкая беспорядочная стрельба. Приняв ее за стрельбу недисциплинированных бойцов отряда, я выехал, чтобы прекратить ее. Однако оказалось, что, несмотря на сообщение разведчиков о том, что противник не обнаружен на 40 верст в окружности, это и было наступление противника, который успел уже занять часть окраин города. Уже под огнем я проехал к казармам, находившимся на краю города. В казармах почти никого не было, большинство боевиков и красноармейцев разошлись по домам. В течение 10-15 минут я собрал около 40 боевиков, но к этому времени уже почти половина города была занята противником, который начал устанавливать пулеметы на соборе, мечети и некоторых больших зданиях города...

В городе началась паника, вызванная носящимися кавалеристами, открылась беспорядочная стрельба. Боевики бежали через мост р.Ашкадар и вышли за черту города. Пулеметы удалось вывезти, воспользовавшись проезжавшими извозчиками. Во время боя выяснилось, что противник наступал силой 500-700 человек, среди которых была рота чехов при 9-ти пулеметах. Противник пользовался разрывными пулями, вечером были видны на месте падения пуль синие вспышки. Этим и объясняется малый процент раненых при большом количестве убитых: 12 раненых и 20-25 убитых. Потери отряд понес, главным образом, при защите моста, который подвергся перекрестному огню пулеметов чехов, установленных на соборе и мечети¹⁷.

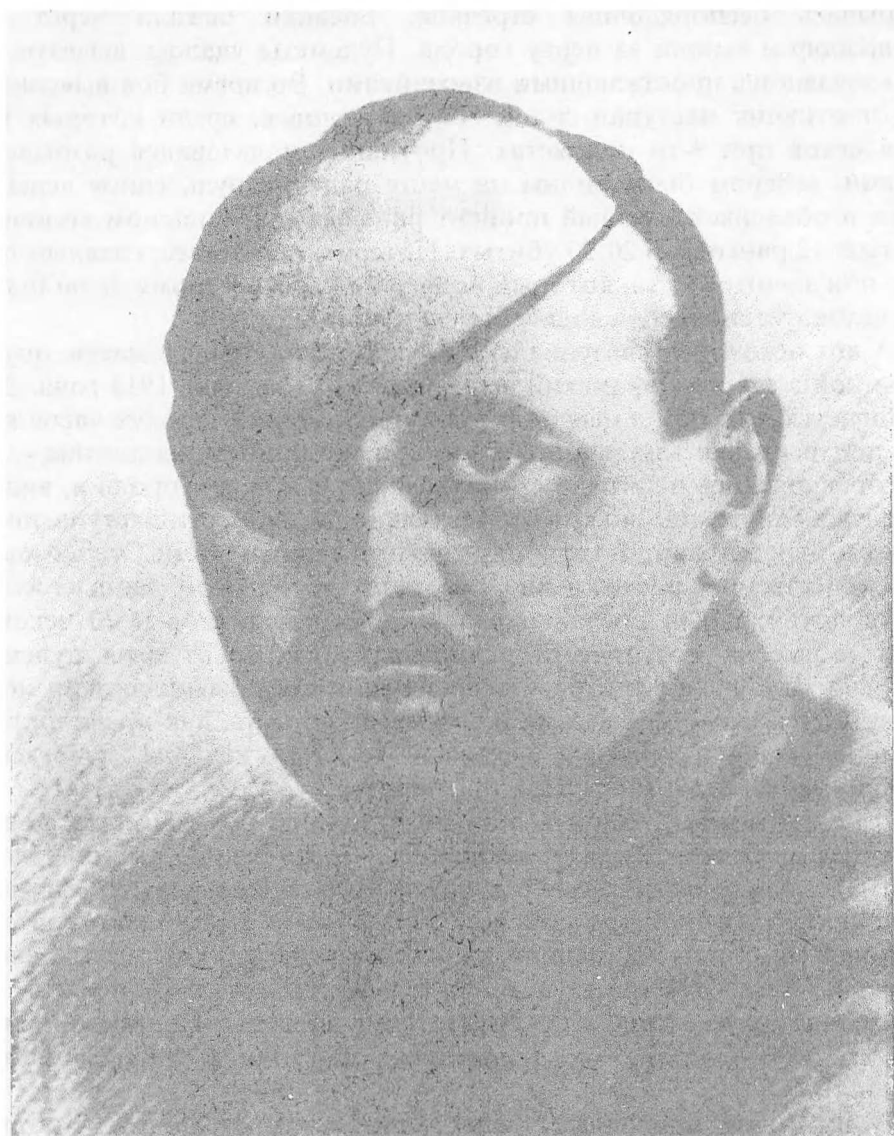
А вот некоторые сведения из статьи «Бой в Стерлитамаке», опубликованной в газете «Уфимский вестник» № 110 за июль 1918 года. В ней сообщается, что бой в центре города продолжался до двух часов ночи. Это подтверждает замечание Калугина о внезапности нападения - часть красногвардейцев не успела организованно выйти из города и, видимо, дралась в окружении, но вот относительно численности наступавших на город и относительно потерь, понесенных защитниками Стерлитамака, есть существенное расхождение. Газета приводит такие данные: из Уфы в Стерлитамак был послан отряд в 120 дружинников и 70 чехов, во время обстрела моста через р.Ашкадар красные от огня пулеметов потеряли до 70 человек. Сразу оговорюсь, к цифровым данным читателю придется отнестись весьма и весьма осторожно, как правило, враждующие стороны всячески искажали их, приуменьшая собственные потери и преувеличивая потери противника.

В целом можно говорить об успехе первого боя уфимских народоармейцев, ставшего «боевым крещением» 13 полка. Со стороны отряда было всего двое убитых - один чех и ученик 6-го класса Уфимского коммерческого училища Анатолий Балаев (ныне здание коммерческого училища занимает Уфимский авиационный техникум). Тело Балаева, «первой жертвы Народной армии», перевезли для захоронения в Уфу. Впоследствии уфимские кладбища станут последним прибежищем для многих участников Белого движения на Восточном фронте Гражданской войны...

Будут на них покоиться и белогвардейцы-мусульмане. Вот объявление, напечатанное в газете «Уфимская жизнь» от 5(18) сентября 1918 года:

«Сегодня в 12 часов дня, у соборной мечети (вероятно имеется в виду соборная мечеть на нынешней ул. Тукаева - С.Ш.) состоятся похороны мусульманских воинов, погибших в бою с большевиками - одного офицера и 9-ти солдат 16 Татарского полка. Просим все мусульманские организации принять участие в похоронах.»

16 Татарский полк за все свое существование имел несколько названий, его именовали Мусульманским полком, так как основу части составляли мусульмане; Бирским, так как полк был набран из татар Бирского уезда; и наконец Уфимским - этот полк входил в состав 4 Уфимской дивизии.

**Генерал-майор Я.Сыровы - командующий
Чехословацким армейским корпусом**

Первоначально штаб полка размещался в Бирске, но затем перенесся в Уфу. Благодаря «Уфимскому вестнику», частенько предлагавшему свои страницы для объявлений этого полка, известно точное местонахождение штаба полка в городе - угол Большой Казанской (ныне ул. Октябрьской революции) и Центральной (ул. Ленина), дом Блохина, верхний этаж¹⁸.

16 Татарским командовал некий Курушкин, причем этот офицер возглавлял и объединенное командование 16 и 13 полков во время ведения боевых действий частей уфимского гарнизона против партизанской армии В.К.Блюхера. За прорыв Блюхера на соединение с войсками регулярной Красной армии Курушкин был отдан под суд, а командование 16 полком было передано полковнику Акраму Мухамеджановичу Биглову¹⁹. Интересно отметить, после смерти Биглова в феврале 1919 г. Курушкин вновь возглавил Татарский, но судебное разбирательство по его делу тянулось аж до осени 1919 года... Относительно Биглова есть сведения, что Акрам Мухамеджанович жил в Уфе, в родительском доме на пересечении улиц Спасской (Новомостовая) и Ильинской (Фрунзе). В период Государственного совещания в Уфе, в результате которого была создана Директория, Биглов встречался с лидером башкирского национального движения Ахмет-Заки Валидовым и спорил с ним по вопросу государственного строительства в новой России. По воспоминаниям Валидова, татарские офицеры во главе с Бигловым не поддержали его идею создания тюркского государства и стояли за принцип «единой и нерушимой России»²⁰.

До встречи с партизанской армией Блюхера 16 Татарский полк принял участие в боевых действиях совместно с 13 Уфимским против отряда А.Чевырева. Отряд был арьергардом основных сил красных, отступивших из Уфы. На некоторое время уфимской группировке удалось задержаться в селе Николо-Березовка, а чевыревцы закрепились в Дюртюлях. 8-го и 9-го августа у этого села 13 и 16 полки Уфимской дивизии атаковали красный арьергард. Бой был исключительно упорен с обеих сторон, особенно 9-го числа, когда народоармейцы обрушили на позиции отряда Чевырева тринадцать безрезультатных атак. Всякий раз полки откатывались назад, усеивая поле боя убитыми и ранеными, и лишь к исходу дня последняя четырнадцатая атака принесла успех - чевыревцы отступили. Подмечу один маленький штрих этого боя. Чтобы отличать своих бойцов от солдат противника, Чевырев приказал надеть фуражки козырьком назад, из чего можно сделать вывод: по форме, а точнее по одежде, враги друг от друга на отличались²¹.

Ко времени боя под Дюртюлями народоармейцы носили на своих головных уборах кокарду из георгиевской ленточки, погон тогда в армии Комуча не было, отличительные же шевроны на правом рукаве одежды, введенные летом 1918 года, не прижились и были далеко не у всех. Лишь в октябре 1918 г. приказом главкома В.Г.Болдырева военнослужащим предписывалось носить походную форму с погонями защитного цвета, с обозначением чинов и с шифровкой части. Кокарда, перевитая георгиевской ленточкой, заменялась кокардой, окрашенной в цвета российского национального флага: бело-сине-красный²².

В деле одного из архивных фондов Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан я находил данные о запросе командиром 16 Татарского полка Бигловым сукна со складов Уфы зеленого и малинового цветов, из чего можно сделать вывод о попытке командного состава 4 Уфимской дивизии пошить защитные гимнастерки с малиновыми погонами. Малиновые погоны носили стрелковые части старой русской армии.

После боя под Дюртюлями 16 Татарский полк понес серьезные потери, в боях против блухеровцев участия не принимал и окончательно был сформирован чуть ли не к концу 1918 года.

С партизанской армией Блюхера, вместе с 13 добровольческим, успел поехать 14 полк - следующая составная часть дивизии. Командиром полка был Александр Капитонович Слотов, отставной штабс-капитан 243 Златоустовского батальона, участник еще русско-японской войны. До 1917 года Слотов работал в Уфимском земском собрании и жил в Уфе, по адресу ул. Спасская, 20²³, то есть на той же улице, что и А.М.Биглов. Александр Капитонович принадлежал к числу старых кадровых офицеров, которых в Белых армиях Восточного фронта было крайне мало. 14 полк также имел название Уфимский, хотя в нем больше служили крестьяне Златоустовского уезда.

Вообще надо отметить, что названия полков Белых армий Восточного фронта являлись точным указанием места их формирования, чего не было в старой русской армии. Например, бывшая в корпусе Ранненкампа Уфимская дивизия никакого отношения к Уфе не имела, хотя в день юбилея и получала от властей города денежные подарки. Белогвардейские же соединения были «на полном довольствии» за счет своего родного города или уезда. Колчаковский генерал К.В.Сахаров приводит такой пример:

«30 стрелковый Аскинский полк, сформированный из жителей волости этого названия..., дрался выше похвалы, а волость давала не только пополнение людьми, она снабжала полк одеждой, обувью, обозом и пищевыми продуктами... Или другой полк, 15 стрелковый Михайловский, стяжавший себе боевую славу как один из первых, он был сформирован и пополнялся жителями Михайловского уезда, посылавшими подкрепления по первому слову²⁴.

15 Михайловский был третьим полком дивизии. Ядром полка стали рабочие небольшого Михайловского завода из одноименного уезда Уфимской губернии, а основу части заложил партизанский отряд прапорщика Преснова, действовавший в начале лета 1918 г. близ завода²⁵. Наряду с 13 Уфимским полком 15 Михайловский также считался лучшим в дивизии, а впоследствии и во всей армии. Его сравнивали со знаменитыми полками Ижевской бригады. Командовавший к тому времени «михайловцами» А.И.Егоров, по окончании Гражданской войны, уже находясь в эмиграции, написал несколько статей о своем полке в журнале «Луч Азии». Эти статьи являются уникальными по той простой причине, что это единственное воспоминание об Уфимской дивизии, оставленное «уфимцем».

Общее командование 4 Уфимской дивизией, а точнее сказать, координацией действий разрозненных ее соединений, осуществлял генерал-майор Михаил Иванович Тимонов, он же начальник штаба формирования войск Уфимской губернии, командированный для этой цели Самарским Комучем. Кстати, весьма деятельное участие в деле формирования войск Народной армии принял епископ Уфимский и Мензелинский владыка Анатолий²⁶.

6-го сентября 1918 г. из штаба войск Народной армии Уфимской губернии был сформирован штаб 4 дивизии, а 30 сентября «из всех частей Уфимского района» образован Уфимский армейский корпус, в котором 4 Уфимская стала составной частью. Кроме нее в корпус вошли 8 Камская стрелковая и Уфимская кавалерийская дивизии.

Общая картина формирования Народной армии была такова. 8-го июня 1918 г. Комитет членов Учредительного собрания в Самаре объявил о создании армии на добровольной основе, со сроком службы три месяца. Видимо посчитали, что за это время удастся скинуть большевистскую диктатуру. Однако приток добровольцев был незначительный, удалось набрать немногим более 10 тысяч человек. Поэтому 30-го июня Комуч объявил мобилизацию мужчин 1897-1898 гг. рождения, что позволило к осени довести состав армии до 30 тысяч штыков и сабель.

Механизм образования частей был прост. В городах и населенных пунктах Поволжья, освобождаемых чехословаками и частями Народной армии Комуча от большевиков, сначала организовывались роты, которые затем сводились в батальоны. В конце июня 1918 г. они были развернуты в восемь пехотных полков (переименованных в июле в стрелковые). Кроме отряда подполковника В.О.Каппеля, развернутого в Отдельную стрелковую бригаду, все части Поволжской Народной армии в середине августа вошли в состав трех стрелковых дивизий. Через полмесяца было сформировано еще три²⁷.

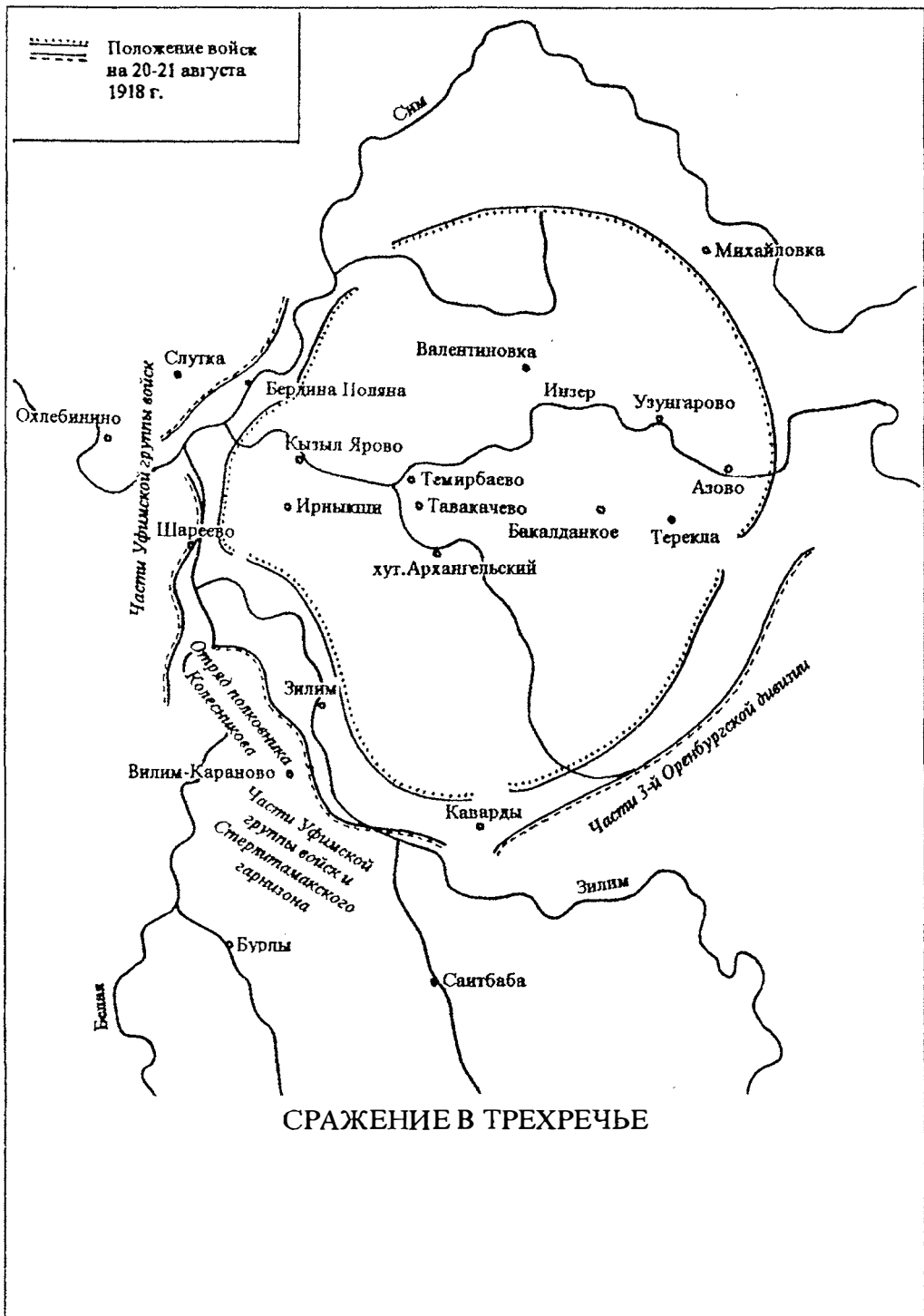
3-го октября 1918 г. в связи с передачей власти Директории Самарский Комуч, равно как и Поволжская Народная армия, перестали существовать. Части армии соединились с другими силами антибольшевистского фронта, действовавшими на востоке России. Из них самыми существенными были Сибирская армия Временного Сибирского правительства в Омске и Оренбургская казачья армия атамана А.И.Дутова. Существенным подспорьем для Белого движения явилось восстание против большевистской диктатуры рабочих Ижевска и Воткинска. Соединения, созданные «ижевцами» и «воткинцами», отличались большой стойкостью в бою, и, что являлось редкостью для Белого лагеря Восточного фронта, наибольшей сознательностью.

Как известно, новый орган власти, каким являлась Директория, был детищем Государственного совещания в Уфе в сентябре 1918 г. Участники собрания отмечают, что город в это время походил на растревоженный муравейник, каким был Петроград образца 1917 г. В трактирах и ресторанах преобладали люди, одетые в военную форму, по улице Центральной (Ленина) дефилировали празднующиеся офицеры, столь необходимые на фронте. Лишь близ здания «Сибирской гостиницы», где проходило совещание, стояли часовые²⁸.

Для частей 4 Уфимской дивизии это время пришлось на боевые действия с партизанской армией Блюхера. Возникновение этой партизанской армии стало следствием внезапности выступления на громадном пространстве от Волги до тихого океана войск чехокорпуса. Во многом неожиданное для красных оно привело к так называемому эффекту «слоеного пирога», когда районы, занимаемые белыми, чередовались с районами, находящимися под контролем красных. К числу последних принадлежал район близ Белорецка, где сосредоточилась довольно сильная группировка красных в 10 тысяч штыков. Весной 1918 г. она действовала против белоказаков Дутова, и в результате начала боевых действий войсками чехокорпуса оказалась отрезанной от центральной части России. Возглавляемая сначала бывшим казачьим офицером Н.Д.Кашириным, а после его ранения В.К.Блюхером, эта партизанская армия к концу лета - началу осени 1918 г. имела боевой опыт, к тому же партизаны отлично знали, что поражение от белых равносильно их разгрому и смерти: марш совершался в окружении белых войск. Все это в совокупности сделало небольшую блюхеровскую армию трудным противником для белых.

Первый бой уфимцев с красными партизанами произошел 19-го августа. Блюхеровцы занимали район Трехречья: река Белая - запад, реки Сим и Зилим - соответственно север и юг. Действуя с другими белыми отрядами, охватившими красных по периметру рек,, с юга - 3 Оренбургская дивизия, с юго-запада - отряд полковника Колесникова и части Стерлитамакского гарнизона, уфимцы переправили через реку Белую батальон при двух орудиях. Командовал батальоном подполковник Курушкин. Переправа прошла незаметно для красных, и поэтому артиллерийская подготовка и последовавшая атака посеяли среди блюхеровцев панику. От артогня уфимцев запылало занимаемое партизанами село Ирныкши, снаряды ложились на его центральную площадь, где была сосредоточена артиллерия блюхеровцев. Последние занимали оборону, не успев даже одеться, в нижнем белье, и в таком виде бросились отражать атаку уфимцев. Те успели подойти к позициям красных на 150 шагов, причем наступление велось организовано, короткими перебежками. Последовал огневой бой, атаки уфимцев чередовались с контратаками блюхеровцев. Ввиду существенной численности противника и опасаясь за переправу, подполковник Курушкин дал приказ отойти на свой берег. Позади пылали дома Ирныкшей. Потери с обеих сторон были незначительны, и вот по какой причине. В начале Гражданской войны, когда с обеих сторон, помимо фронтовиков, прошедших через горнило Первой мировой, воевали люди, впервые взявшие винтовки, бой редко заканчивался рукопашной схваткой. Противоборствующие стороны больше обстреливали друг друга, атаки рассчитывались скорее на испуг противника, по принципу - беги, или сам побегу. То есть, если сопротивление было более-менее значительным, атакующая сторона тут же отказывалась от атаки²⁹.

На следующий день блюхеровцы прорвались сквозь кольцо окружения, и очередная встреча уфимцев с партизанами имела место близ железнодорожной станции Иглино. Красные прорвались через полотно

железной дороги. Кстати, из-за этого боя было перенесено начало Государственного совещания в Уфе: часть делегатов не могла проехать в город, в том числе знаменитая «бабушка русской революции» Е.К.Брешко-Брешковская. В Уфе была объявлена срочная мобилизация всех проживающих в ней офицеров, подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров. В 5 роту 13 полка Уфимской дивизии призывались юнкера и гимназисты. Общее руководство боевыми действиями было возложено на начдива-4 генерал-майора Тимонова.

Общая картина боя была такова. На направлении главного удара блохеровцам противостояли части чеховойск - батальон 2 чешского им. Юрия из Подебрада полка, польский легион и кавэскадрон. Восточнее их располагались части 22 Златоустовского полка из 6 Уральской дивизии. С юго-восточной стороны против партизан действовал отряд полковника Колесникова. Уфимская же группа, а это были 13 и 14 Уфимские полки, нанесла удар с юго-запада, в тыл красным. 29-го августа, во время боя блохеровцев с чехами за овладение станцией Иглино, уфимцы ударили из района Новых и Старых Юрмашей в направлении Калтыманово - Михайловский хутор. В последнем находился штаб Блохера. На этот раз силы уфимцев исчислялись в семь стрелковых рот и два кавэскадрона при двух трех- и пяти полуторадьюмовых орудиях. Удар опять получился для противника неожиданным, паника охватила обозников партизанской армии, но своевременная переброска Блохером части своей армии из-под Иглино (Троицкий отряд) против наступающих уфимцев спасло положение красных. В немалой степени блохеровцам помогла слабая подгтовка мобилизованных в Уфе гимназистов, те в полной растерянности при виде контратакующих партизан просто-напросто бросали винтовки. В полной мере противодействие красным смогли оказать лишь бывшие фронтовики, но это не могло остановить начавшееся отступление уфимцев. Блохеровцы же, отразив нападение с тыла, сумели прорваться и у станции Иглино, опять разрушив кольцо белого окружения³⁰.

Итоги боя для полков Уфимской дивизии были неутешительными. Местные газеты вынуждены были опубликовать списки убитых и раненых бойцов 13 и 14 полков. Причем большая часть потерь пришлась на пропавших без вести, из чего можно сделать вывод, что многих уфимцев не удалось вынести с поля боя³¹. В 13 полку было замечено возмущение против руководителей боевыми действиями, желание присоединиться к частям Сибирской армии³².

Третья и последняя встреча 13 и 14 Уфимских полков с блохеровцами произошла во время переправы красных через реку Уфимка у Красной Горки. 3-го сентября уфимцы столкнулись с Верхнеуральским отрядом партизан и опять проиграли бой, потеряв до 400 людей убитыми и пленными, два орудия и восемь пулеметов. Все командиры белых отрядов, действовавших против Блохера, в том числе и командир уфимцев подполковник Курушкин, были преданы суду и отстранены от командования. Курушкину было предъявлено обвинение, «что он не проявил никакого стремления исполнять даваемые ему приказы, вместо того, чтобы вступать в бой, всегда уклонялся и в конце коцов отвел свой

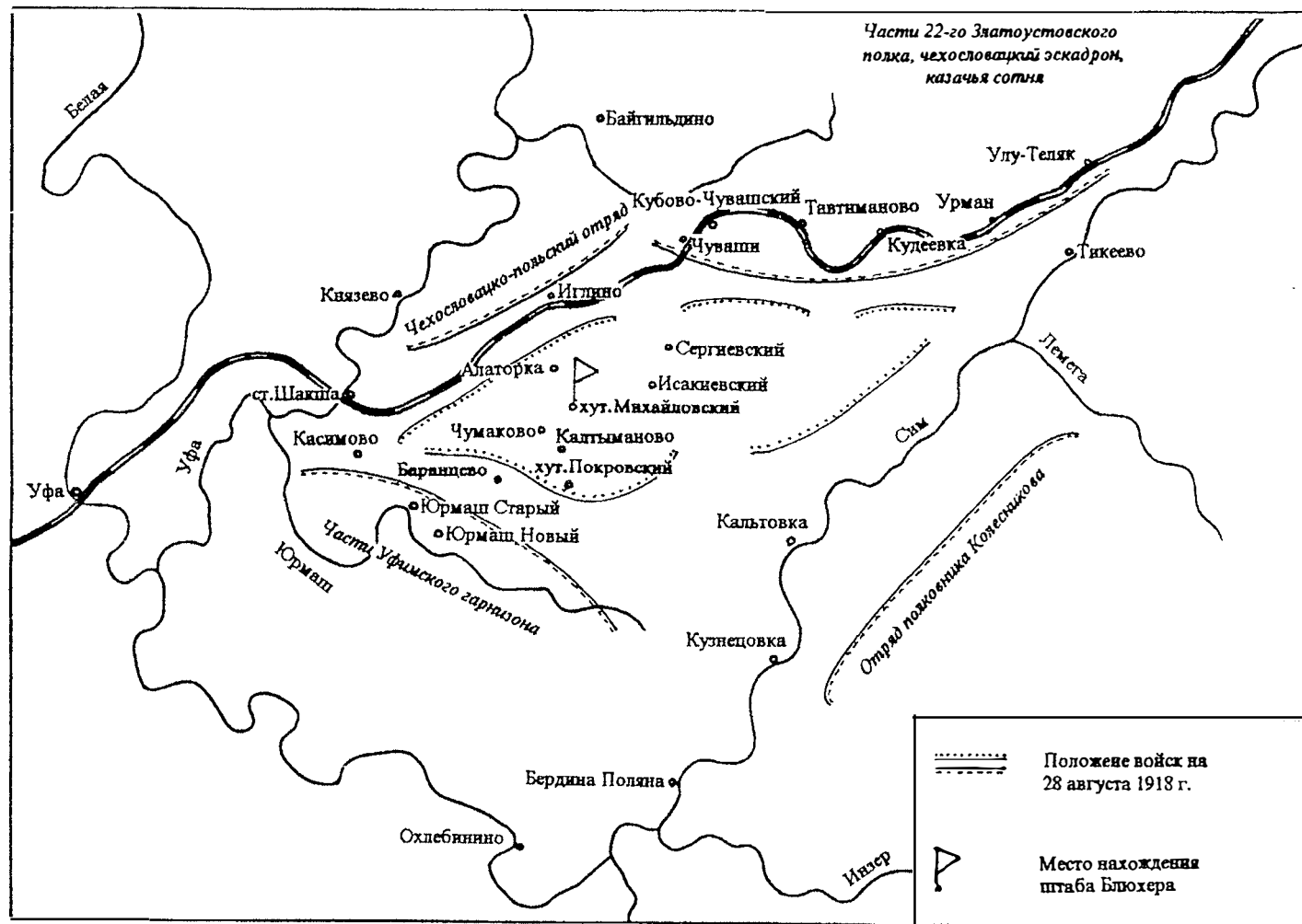
отряд в Уфу». Что ж, в какой-то степени можно понять действия командира уфимцев, по всей вероятности, у его подчиненных проявилась боязнь перед «неуязвимыми» блохеровцами³³.

К этому времени инициатива на главном фронте Народной армии, теперь уже Директории, постепенно стала переходить к Красной армии. После неудачного для нее августовского наступления красное командование завершило формирование армий Восточного фронта - 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й. На 28-е сентября они имели в общей численности 67,5 тысяч штыков и сабель, 264 орудия, 1130 пулеметов, 8 бронепоездов, 17 броневых автомобилей и 31 самолет. Волжская военная флотилия - 3 миноносца и 15 вспомогательных судов. Противостоящие им силы Директории - Поволжская армия, Прикамская и Екатеринбургская группировки, Оренбургское и Уральское казачество и Ижевско-Воткинская повстанческая армия насчитывали от 53 до 64 тысяч штыков и сабель, около 220 орудий, около 720 пулеметов, 4-5 бронепоездов, 6-8 самолетов. Волжская флотилия белых - 16-20 вооруженных пароходов и около 30 вспомогательных судов³⁴. Как видно, небольшое преимущество было на стороне красных, но главное преимущество их было в том, что белое командование наносило два разрозненных удара. Екатеринбургская группировка Войцеховского наступала на Пермь - Вятку, имея цель соединиться с англо-американскими войсками, высадившимися на севере, а Поволжская армия Чечека продолжала движение на Свияжск - Нижний Новгород - Вольск - Саратов с целью соединения с донским казачеством. Поэтому в районах, где красные наносили главные удары - на Казань, Симбирск, Сызрань и Самару, против 37 тысяч штыков белые имели всего 17 тысяч. Попытка отряда Каппеля (всего 3 тысячи штыков) внезапным ударом 28-го августа захватить Свияжск была отражена войсками 5 Красной армии. После взятия Вольска была остановлена Хвалынская группа Махина. Активизация белых на пермском направлении не получила развития.

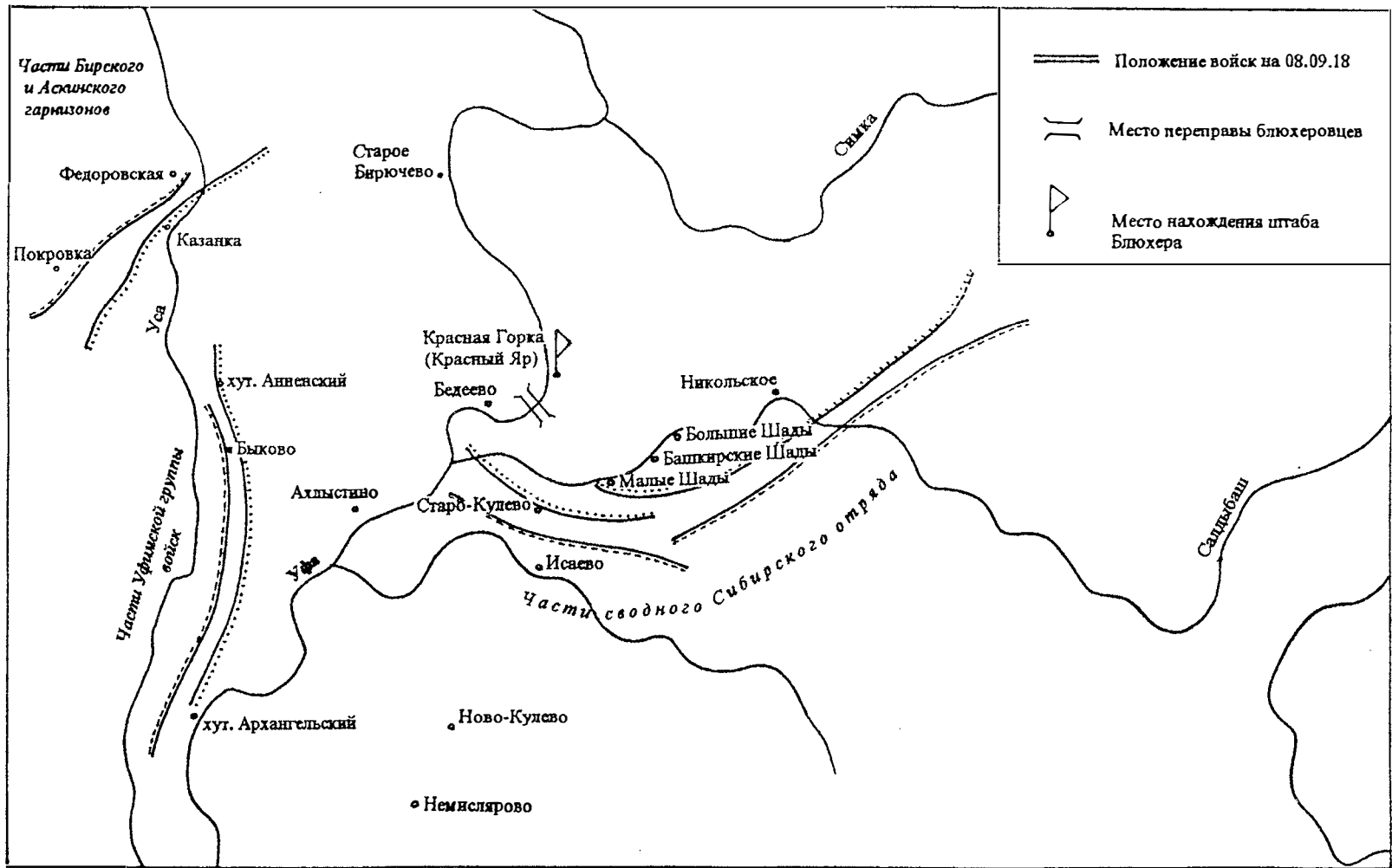
5-го сентября 5 Красная армия перешла в наступление на казанском направлении, и 10-го числа город был взят. Затем последовали проведенные друг за другом Симбирская и Сызрань-Самарская операции, и Восточный фронт, словно оправдывая свое название, покатился на восток.

В середине октября 1918 г. в дневнике главнокомандующего войсками Директории генерала В.Г.Болдырева появилась такая запись: «На Самарском фронте плахо. Чехи деморализованы, наши тоже. Опять появились офицеры-«беженцы». Очень тяжелое положение создается для Уральского войска и Оренбурга. Помочь почти нечем»³⁵.

Среди личного состава Народной армии наблюдалось разложение. В октябре 1918 г. уфимская газета «Армия и народ» дважды помещала объявления о привлечении к суду и расстрелах солдат 14 Уфимского полка, дезертировавших из своей части, находившейся в то время в Самаре³⁶. По всей вероятности, эти побегі стали следствием большевистской агитации, имевшей место как раз в 14 Уфимском полку. Кроме дезертирства наблюдались случаи мародерства и распушенности. Вот что писала эсеровская газета «Народ» от 19 ноября 1918 г.:

СРАЖЕНИЕ В РАЙОНЕ ИГЛИНО

«В течение нынешнего лета на Черкасскую волость Уфимского уезда делал налеты конный отряд 13 Уфимского полка под командой поручика Немчинова - уфимца, служившего ранее в советских войсках. Отряд без предъявления всяких документов, под угрозой штыков незаконно отбирал у крестьян лошадей, нередко единственных, лишь бы понравились. Всего было взято поручиком Немчиновым от крестьян Черкасской волости около 30 лошадей...

Поручик Немчинов в августе месяце лично выпорол секретаря и старосту дер. Степановки Богородской волости за неподачу крестьянами подвод. Он же в деревне Шаланы Турушлинской волости со своим мимо проходящим конным отрядом устроил возмутительную пирушку-попойку солдат. Для этого приказал старосте... доставить отряду несколько бочонков меду, а бабам наварить несколько ведер самогона. После всего приготовленного начался бесшабашный разгул солдат. Бабы и девки были заставлены печь блины и улаживать пьяных солдат пением и пляскою. И этот пир длился до рассвета...»³⁷.

Вскоре после этого поручик Немчинов и шесть человек из его команды конной разведки также дезертировали - объявление о розыске дал в местные газеты штаб Уфимского корпуса³⁸.

После овладения Самарой красные повели наступление на восток широким фронтом. Разбитые остатки Народной армии оказывали сопротивление лишь на линии Самаро-Златоустовской ж.д., где фронт долгое время держался в 70 км восточнее Самары. Но на более северных к Уфе направлениях наступление Красных армий продолжало развиваться успешно, и в период между 20 и 25 октября они вышли на фронт Бугульма - Мензелинск. В ноябре закончилось сопротивление рабочих Ижевска и Воткинска, и лишь на пермском направлении бои шли с переменным успехом: здесь силы были примерно равны.

В этот момент, когда положение на фронте становилось для белых все более и более катастрофическим, в тылу начинали понимать, что время митинговщины и бесполезных собраний давно прошло, что Директория, больше занятая межпартийной борьбой за несуществующие министерские посты не способна противостоять большевистской диктатуре, что нужна другая, более реальная сила. И таковой оказалось правительство адмирала А.В.Колчака, названное в советской историографии «диктатурой Колчака». Что ж, безусловно, с этим можно и даже нужно согласиться, так как одной диктатуре, в данном случае большевистской, сумевшей крепко спаять тыл и фронт советской России, белые могли противопоставить только диктатуру военных.

Итак, 18 ноября 1918 г. в Омске имел место государственный переворот с последовавшим арестом членов Директории, и перед отрядами Народной армии встал вопрос: за кем идти? За низложенной Директорией и тем самым открыть фронт перед наступающими Красными армиями, или пойти за «диктатором» и в этом случае иметь возможность вести дальше борьбу против худшей диктатуры...

4 Уфимская дивизия всецело поддержала адмирала Колчака... О настроении личного состава дивизии красноречиво свидетельствует уже упомянутый генерал Болдырев: «Гарнизон Уфы, особенно офицеры,

открыто тянули сторону Сибири и даже переменяли георгиевскую ленту Комуча на бело-зеленые цвета Сибири»³⁹. Комментарий, как говорится, здесь не нужен. Многие, в том числе и восставшие рабочие Ижевска и Воткинска, видели кризис правительства.

Самые громкие дела «ижевцев» и «воткинцев», равно как и полков 4 Уфимской, были еще впереди, а пока, в ноябре 1918 г., остатки Народной армии продолжали откатываться назад на восток.

Но если в центре красного фронта и на его правом крыле продвижение вперед было успешным, то левый фланг - пермское направление - явно забуксовало. Бои здесь шли с переменным успехом, а в первых числах декабря обозначился успех зарождавшейся колчаковской армии, а именно 1 Среднесибирского корпуса под командованием генерала А.Н.Пепеляева и 2 дивизии чехокорпуса Р.Гайды (вместе они составляли Екатеринбургскую группу войск). Действуя в разрез соединениям 3 Красной армии, группа 21-го декабря захватила Кунгур, а 24-го - Пермь, получив таким образом важнейший промышленный центр Урала с его военными заводами, сетью водных, железных и грунтовых дорог, наконец захватив 33 орудия в Перми, практически всю резервную артиллерию 3 армии. По оценкам Гражданской войны это было много.

Да и в центре наступления красных войск, на самаро-уфимском направлении, продвижение красных стало встречать возрастающее сопротивление. Белое командование, с целью выигрыша времени для эвакуации Уфы, предприняло локальное контрнаступление. В районе Белебея завязались упорные бои, причем город советскими войсками был временно потерян.

Конец зимней кампании 1918 г. ознаменовался потерей белыми столицы Башкирии. Однако вступление в Уфу было последним крупным успехом для красных. Вскоре после этого фронт стабилизировался на линии Стерлитамак - Иглино - Явгельдино - Пермь. Активных действий в январе-феврале 1919 г. с обеих сторон не было, что, по всей вероятности, создало у красного командования уверенность в столь же успешной летней кампании, каким было осенне-зимнее наступление в 1918 году. Прямым следствием этого была переброска им ряда частей с Восточного фронта на юг против активизировавшегося Деникина и в Прибалтику. Даже падение Перми не послужило предостережением, что противник уже не тот.

Между тем предоставленную передышку белое командование использовало для перегруппировки своих сил, создав против самой ослабленной 5 Красной армии, а именно таковой оказалась весной 1919 г. «виновница» новогоднего взятия Уфы, мощный кулак в виде Западной армии генерала М.В.Ханжина. Кстати, приказ о ее формировании был отдан Колчаком как раз в день падения Уфы, то есть 31-го декабря 1918 г. Ядром Западной армии стали: Камская группа генерала Люпова, 3 и 6 Уральские корпуса и Самарская группа генерала Войцеховского. В последнюю входили Волжская и 4 Уфимская дивизии⁴⁰. Два зимних месяца армия Ханжина использовала для реорганизации и к началу марта, то есть к началу весеннего наступления Колчака, представляла внушительную силу. Сразу надо оговориться, что определение числен-

ности белых войск Восточного фронта является одним из наиболее трудноразрешимых вопросов. Причем не только советская историография, но и само командование белых армий зачастую не могло ответить на вопрос, сколько штыков и сабель у него было в наличии на такой то день, сколько из них является надежными, а сколько перейдет к противнику после первого выстрела, наконец, какая доля невооруженных солдат приходится на вооруженных. Не стоит удивляться: наличие в колчаковской армии бойцов, не имеющих оружие, не было большой редкостью. Все это реалии Гражданской войны на востоке...

Поэтому к цифрам, характеризующим численность войск колчаковской армии, следует относиться осторожно, и если уж не пренебрегать ими полностью, то хотя бы рассматривать как нечто среднее.

Примем общую численность Западной армии вместе с Южной группой в 39,4 тысяч штыков, 12,1 тысяч сабель, 713 пулеметов и 113 орудий. Эти цифры дает энциклопедия по Гражданской войне в России⁴¹.

Противостоящая Западной армии на самаро-уфимском направлении 5 армия красных насчитывала до 11 тысяч штыков, 300 сабель, 52 орудия и 274 пулемета. Однако общая численность красных войск Восточного фронта (1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я армии и Туркестанская группа) была такой же, как и у армии Колчака (Западная, Сибирская, Оренбургская казачья и Уральская казачья армии и Южная группа). Более того, красные имели превосходство в артиллерии - 362 орудия против 210, в пулеметах - 1882 против 1330 и в бронепоездах - 9 против 5. Единственное, в чем имели превосходство белые, так это в коннице - 26 тысяч сабель против 9 тысяч⁴². Все-таки для большинства казачества - Оренбургского, Уральского и Сибирского - идея Белого движения оказалась предпочтительнее диктатуры большевиков.

Таким образом, сосредоточение против 5 Красной армии, имевшей почти четырехкратное превосходство, Западной армии Ханжина не было следствием превосходства колчаковцев в силах. Это была превосходная перегруппировка имеющихся сил на направлении главного удара. А именно таковой должна была нанести армия Ханжина. Адмирал А.В.Колчак не отказался также и от северного направления, но противостоящие здесь Сибирской армии генерала Гайды красные войска имели равную с ней численность, и такого успеха как Западная армия, «сибиряки» не имели. Остается только добавить, что планами белого командования были выход армии Ханжина на рубеж Волги, связь с Белыми армиями Краснова-Деникина и соединение армии Гайды с Белыми армиями на севере. При успехе плана вокруг советской России замыкалось бы кольцо белого окружения, и падение власти большевиков явилось бы тогда лишь вопросом времени...

Планы же красного командования сводились больше к противодействию пермскому успеху белых. Против Сибирской армии они сосредоточили 2 и 3 армии. Против Оренбургского и Уральского казачьих войск действовали 1 и 4 Красные армии. 5 армии ставилась задача разгрома Западной армии. Последнее решение было следствием неосведомленности красного командования о соотношении сил двух этих армий. К тому же слабая численно 5 армия оказалась растянутой двумя

своими дивизиями (26-й - правый фланг красного фронта, и 27-й - левый) на фронте в 150-180 км от Стерлитамака до Бирска. Левый фланг 5 армии не являлся достаточно обеспеченным расположением правого фланга 2 армии красных. Между внутренними флангами обеих армий образовался слабо наблюдаемый промежуток в 50-60 км. Именно в этот коридор и ударили главные силы Ханжина...

Небольшое отступление. Возможно, у читателя появится недоумение, как двум дивизиям одной Красной армии могли противостоять целые корпуса белогвардейцев. Все очень просто. Если в Белых армиях дивизия состояла из четырех полков, а две дивизии составляли корпус, то в Красной армии в одной дивизии было девять полков, разделенных на три бригады. Таким образом, одна дивизия красных могла спокойно противостоять «целому» корпусу белых - соотношение в этом случае было девять полков к восьми.

(Продолжение в следующем номере).

-
- ¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР / Энциклопедия. - М., 1983. - С.657.
 - ² Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии / Хроника событий. - Куйбышев, 1973. - С.129
 - ³ Уфимский вестник. - 1918. - 17 июля.
 - ⁴ Земля и воля (Уфа). - 1918. - 4 авг.
 - ⁵ Армия и народ (Уфа). - 1918. - 14 сент.
 - ⁶ Там же. - 1918. - 14 нояб.
 - ⁷ Там же. - 1918. - 23 нояб.
 - ⁸ Отечественные записки (Екатеринбург). - 1918. 16 окт.
 - ⁹ Справочная книга г.Уфы на 1911 год. - Уфа, 1911. - С.215.
 - ¹⁰ Уфимский вестник. - 1918. - 5 окт.
 - ¹¹ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф.1201р. Оп.1. Д.1. Л.5.
 - ¹² Известия (Москва). - 1919. - 27 июля.
 - ¹³ За Советы / Странички из гражданской войны в Башкирии. - Уфа, 1936. - С.85-86.
 - ¹⁴ Отечественные ведомости. - 1918. - 16 окт.
 - ¹⁵ Майский И.М. Демократическая контрреволюция. - Пг.; М., 1923. - С.158.
 - ¹⁶ Всегда вперед (Уфа). - 1919. - 12 февр.
 - ¹⁷ За Советы. - С.85-86.
 - ¹⁸ Уфимский вестник. - 1918. - 24 окт.
 - ¹⁹ Голос рабочего (Уфа). - 1918. - 8 сент.
 - ²⁰ Тоган З.В. Воспоминания. - Уфа, 1994. - С.285.
 - ²¹ Железные комбриги. - Уфа, 1978. - С.285.
 - ²² Армия и народ. - 1918. - 5 окт.
 - ²³ Справочная книга г.Уфы на 1908 год. - Уфа, 1908. - С.199.
 - ²⁴ Сахаров К.В. Белая Сибирь. - Мюнхен, 1923. - С.48.
 - ²⁵ Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы. - Сан-Франциско, 1974. - С.28.
 - ²⁶ ЦГИА РБ. Ф.1177р. Оп.2. Д.2. Л.88.
 - ²⁷ Дерябин А. Белые армии в гражданской войне в России. - М., 1994. - С.24.
 - ²⁸ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. - М., 1883. - С.78.

-
- ²⁹ Плотников И.Ф. Героическая эпопея Уральской партизанской армии Блохера. - Уфа, 1986. - С.263-264.
- ³⁰ Там же. - С.286-306.
- ³¹ Армия и народ. - 1918. - 4 сент.
- ³² Там же. - 3 сент.
- ³³ Плотников И.Ф. Героическая эпопея... - С.322-342.
- ³⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. - С.376.
- ³⁵ Болдырев В.Г. Директория.Колчак.Интервенты. - Новониколаевск, 1925. - С.73.
- ³⁶ Армия и народ. - 1918. - 17 окт.
- ³⁷ Народ (Уфа). - 1918. - 19 нояб.
- ³⁸ Армия и народ. - 1918. - 14 дек.
- ³⁹ Болдырев В.Г. Директория... - С.45.
- ⁴⁰ Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака (март - апрель 1919 г.). - М., 1960. - С.49.
- ⁴¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. - С.213.
- ⁴² Там же. - С.281.
-

ЖУРНАЛ «НАША СТИХИЯ» - ИЗДАНИЕ АВИАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Гражданская война разбросала авиаторов, как и многих других, по разную сторону баррикад. Она заставила их, совсем недавних соратников по оружию и борьбе с кайзеровской Германией, обучавшихся летному делу в одних и тех же авиашколах, у одних и тех же инструкторов, воевавших рука об руку и крылом к крылу, деливших вместе горечь утрат погибших товарищей и радость совместных воздушных побед, спасавших друг другу жизни на фронтах Первой мировой войны, уже на войне Гражданской нещадно уничтожать друг друга в небе родного Отечества.

Сегодня мы можем приоткрыть одну из страничек далекого прошлого в истории авиации, связанную с изданием авиационного журнала в русской армии. Культурное наследие Белой России из-за «идеологической опасности» долгое время было скрыто от нас. Попытки найти, хотя бы один номер журнала в фондах государственного архива Российской Федерации и Российской государственной библиотеки, пока успехом не увенчались. Единственным источником на сегодняшний день является рукописный вариант отдельных статей журнала «Наша стихия», хранящийся в государственном архиве Краснодарского края, в фонде генерал-майора В.М.Ткачева - бывшего начальника управления авиации вооруженных сил юга России в 1920 г.

В августе 1920 г. в Севастополе вышел первый номер журнала «Наша стихия» -журнала авиации, воздухоплавания и воздушного спорта, издания управления авиации ВС ЮР. Сведения об этом издании в отечественной историографии очень скудны. В частности известно, что эскиз обложки для него делал военный летчик К.К.Арцеулов, служивший в тот период инструктором в Севастопольской (Качинской) военной авиационной школе. Отдельные выдержки из статей журнала приводит в своей работе «5 лет строительства и борьбы воздушного флота. 1917-1922.» А.В.Сергеев, начальник управления РККВФ периода Гражданской войны.

Материалы Российского государственного военного архива дают возможность несколько шире представить роль и значение этого печатного органа. Издание его было предпринято по инициативе В.М.Ткачева ввиду полного отсутствия на рынке книг по авиации и воздухоплаванию. Целью журнала «Наша стихия», как отмечалось в рапорте начальника авиации в вышестоящий штаб, являлось:

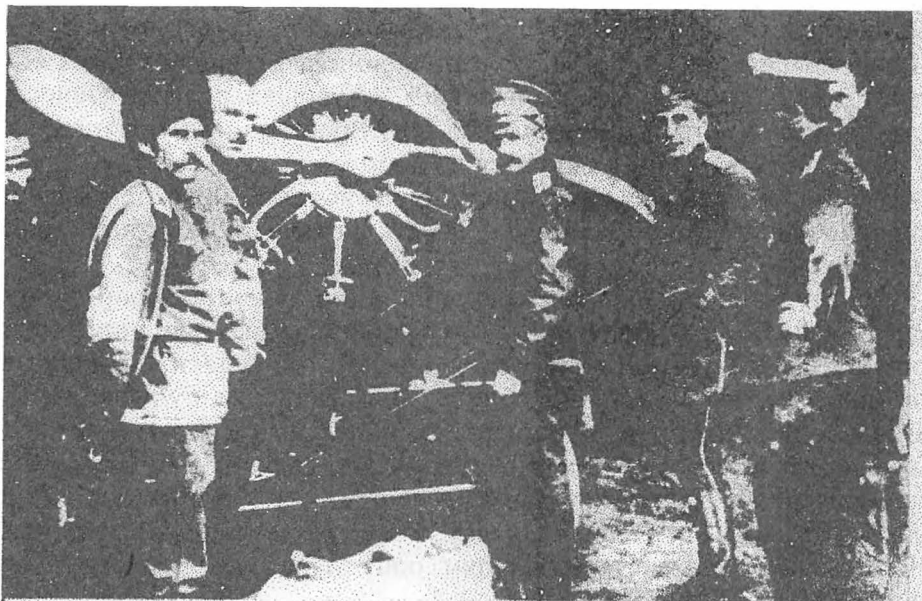
- «1) систематически давать служащим в авиации материалы, освещающие многообразные вопросы авиационной техники, новейшие проблемы аэропланостроения и применения авиационных средств в обстановке военной и мирной жизни;
- 2) содействовать распространению, в популярной форме, точных сведений об авиации, как одном из действительнейших родов оружия и одном из могущественнейших факторов культурной жизни. С этой целью помещаемый в журнале материал, за исключением только специальных очерков, Включающих в себя математические формулы и расчеты аэродинамического или конструктивного характера, излагается в общепонятной форме, благодаря которой журнал становится доступным самым широким слоям населения;
- 3) систематизировать исторический материал, рисующий развитие и роль авиации в России, особенно в сфере использования авиации в обстановке Гражданской войны;
- 4) содействовать сплочению летчиков фронта и тыла путем сотрудничества в журнале, обмена мнений по различным вопросам авиационной жизни и т.п.;
- 5) наконец, ввиду отсутствия на рынке даже чисто литературного материала в журнале отведен отдел, к сотрудничеству в котором удалось привлечь лучшие литературные силы, находящиеся ныне не территории Крыма: как, например, Евг.Чирина, Арк.Аверченко, Н.С.Шмелева, К.А.Тренева, Н.Д.Сургучева и проч.»

Журнал, таким образом, должен был не только удовлетворять потребностям самих летчиков, но и популяризировать авиацию в широких кругах общества.

Обязанности его редактора были возложены на военного летчика полковника Е.В.Руднева, одного из первых военных летчиков русской авиации, бывшего начальника Московской школы авиации в годы, предшествовавшие революции 1917 года. Двух военных летчиков, поручиков Климова и Шилова, как склонных к литературной деятельности, назначили для исполнения обязанностей по изданию журнала. Они обеспечивали сбор и литературную обработку поступающего материала, составляли хронику истории создания авиации вооруженных сил на юге России и ее отдельных отрядов для будущих номеров «Нашей стилии»

Редакция журнала помещалась в редакции газеты «Военный голос» (г.Севастополь), а его первый номер был напечатан в типографии «Труд» (г.Симферополь) в количестве 705 экземпляров. Всего было выпущено два номера журнала, а третий только подготовлен к печати.

К сожалению, на сегодня в нашем распоряжении имеются лишь только отдельные материалы, напечатанные в первом номере, но по их содержанию можно судить о культурном значении издания для Белой армии, осажденной в Крыму. Журнал начинался статьей военного летчика М.Гартмана «К грядущему», В которой давалась оценка состояния авиации того периода и ставились задачи на перспективу ее развития. В память о военном летчике А.А.Казакове, командире русского авиадивизиона, входившего в состав Славяно-британского

**Военный летчик В.М.Ткачев (держит руку на воздушном винте) -
начальник управления авиации вооруженных сил юга России в 1920 г.**

авиакорпуса, был помещен рассказ о боевой деятельности авиации в Гражданской войне на севере. В статье «Вестник краслетов» говорилось об отношении к летчикам в Красной армии и о журнале РККВФ «Вестник воздушного флота». Раздел «Хроника русской авиации» давал отчет о перелете военного летчика полковника Веселовского из Новочеркасска в Сибирь для связи с армией А.В.Колчака, а также извлечения из сводок и приказов штаба генерала П.Н.Врангеля и начальника авиации о боевой работе Белой авиации в Крыму.

Все это, безусловно, поднимало дух и вселяло надежду на лучшие времена, а для потомков оставляло память о годах суровых испытаний в судьбе России.

Следует отметить, что этот журнал, как плод энергичной деятельности генерала В.М.Ткачева на посту начальника авиации являлся исключительным явлением в российской военной печати. Первый опыт издательской деятельности пригодился В.М.Ткачеву в будущем. В годы эмиграции он десять лет проработал техническим редактором югославского авиационного журнала «Воздухоплавни гласник». Следствием его первой литературной работы в последующем, уже в сталинских лагерях, стали написанные труды «Крылья России» и «Русский сокол» о П.Нестерове. Предлагаем читателям одну из статей первого номера журнала «Наша стихия».

АВИАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА ДАЛЬНОМ СЕВЕРЕ

С начала мая 1918 года, когда в Москве стало уже определено известно о прибытии английских экспедиционных сил на русскую территорию Дальнего Севера и о занятии ими Мурман, начинается определенная тяга на Север русского офицерства, не могшего выносить тягот советской власти.

Само собой разумеется, что пробираться на Север приходилось с крайней осторожностью¹, дабы не возбуждать подозрений среди агентов советской власти, уже встревоженной появлением на Севере «прислужников империализма, и не без основания, как казалось тогда, оставшихся возможностей создания на Севере белогвардейской базы».

Тяга на Север захватила, конечно, и авиационные круги. В числе первых благополучно пробрались на Север, отчасти с мыслью проехать отсюда за границу, штабс-капитан Шебалин, полковник Казаков, капитан Модрах, капитан Свешников, есаул Качурин и капитан Коссовский. 30-го июня они съехались на Мурмане, где встретили служившего ранее в России и говорившего по-русски английского полковника Моунда.

Нужно отметить, что большинство перечисленных летчиков, уезжая из Москвы, вступило в связь с членом английской миссии капитаном Хиллом, который снабдил их шифрованными явками к английскому командованию на Севере, что и помогло нашим летчикам сразу

¹ Так летчики братья Листратовы, пробравшиеся на Мурман, были арестованы и расстреляны.

установить связь с англичанами и легко определить направление взаимоотношений с ними.

Такие же явки капитан Хилл выдавал впоследствии и другим офицерам, с его ведома пробиравшимся на Север.

Полковник Моунд предложил нашим летчикам сформировать «Славяно-британский авиационный корпус», так как в то время англичане формировали у нас на Севере нечто вроде своих колониальных войск, перестраивали собравшиеся русские воинские силы на свой лад, вводили свои должности, назначая англичан на высшие командные посты и т.д.

Сформированные таким образом части существовали за английский счет и пользовались английским довольствием. Предложение полковника Моунда было принято.

Полковник Казаков и капитан Модрах, несколько позже капитаны Шебалин и Свешников получили звания лейтенантов английской службы, остальные были временно зачислены рядовыми - при условии производства в офицерские чины по сформировании отряда.

К этому времени из Швеции приехали штабс-капитан Слюсаренко, поручик Кравец, пилот-авиатор (штатский) Слюсаренко-старший, из Архангельска - подпоручики Байдак, Туманов, Толстов и летчик-солдат Кропинов, из Москвы в это время пробирались еще подполковник Барбле и капитан Андреев. Несколько мотористов удалось найти на Мурмане. Сюда же вскоре прилетел английский авиационный отряд капитана Робинзена.

Второго августа Архангельск был занят союзниками, преимущественно английскими войсками, и туда перелетел из Мурманска отряд капитана Робинзена, а также и все наши летчики, к которым в Архангельске присоединился бежавший сюда из Москвы капитан с наблюдателем корнетом Абрамовичем.

В Архангельске полковник Казаков приступил к формированию авиаотряда, в который были приняты находившиеся до этого времени на службе в местной морской авиации наблюдатели Бодатов, Львов и инженеры братья Дербизовы. Так как наблюдателей в отряде было недостаточно, то принято было несколько офицеров из числа служивших до этого времени в пехотных частях - подпоручики Луту, Олсон и военный летчик - поручик Карелин, также принятый пока наблюдателем, так как он в течение долгого времени не тренировался в полетах, обучавшиеся ранее в Гатчинской школе штабс-капитан Воскресенский и поручик Майер, а также военный чиновник Анисимов. Последний еще во время русско-германской войны состоял в Архангельске членом комиссии по приемке и переправке авиационного имущества для Румынии и был поэтому превосходно ориентирован во всех местных авиационных складах. При его помощи было разыскано 18 «Сопвичей» и 2 «Ньюпора», из числа которых и было собрано 16 совершенно исправных. Полковник Казаков получил в полное свое распоряжение «Конно», который был ему подарен с гидропланной лодки.

Первый авиационный отряд полковником Казаковым был сформирован² и выступил на фронт 15 августа на ст. Обозерскую, в 123 верстах к югу от Архангельска. В конце августа перелетели от большевиков летчики Бодасеров и Бобаненко на «лодке Щетинина». Они спустились в Архангельске и также были приняты на службу.

Отряд полковника Казакова работал совместно с английским, у которого, однако, машины выбывали из строя одна за другой, ввиду непригодности англичан к местной, столь своеобразной во всех отношениях, обстановке.

11 сентября закончил свое формирование 2-й авиационный отряд капитана Белоусовича³, который выступил на так называемый «речной фронт», аэродром отряда находился в Двинском Березняке, в 300 верстах по Двине от Архангельска. 17 сентября сюда потом перешел и 1-й авиаотряд. На «железнодорожном фронте» остались только летчики-англичане.

Деятельность на «речном фронте» быстро закипела. Помимо множества одиночных разведывательных полетов, было вскоре же организовано несколько групповых бомбометаний на речную флотилию красных, состоявшую тогда приблизительно из 40 пароходов и барж. В таких налетах принимало обычно участие 9-11 самолетов. Эффекты получались превосходные.

В начале сентября начато было наступление союзных сил на Севере против большевиков и оба отряда были передвинуты на 70 верст к югу в Сельцо, где до этого времени находился красный аэродром, и куда со стороны большевиков вскоре перелетели лейтенант Бересневич (на Ньюпоре) и солдат Даугул с мотористом (на Фармане 30), при посадке, однако, разбившемся вдребезги. Авиация принимала деятельное участие в наступательной операции, но в 20-х числах октября началось контр наступление большевиков вдоль линии железной дороги Вологда - Архангельск, вследствие чего отряд полковника Казакова снова был переброшен на «железнодорожный» участок фронта.

Здесь отряду пришлось пережить несколько затруднений и даже опасных моментов. Большевики предприняли удавшийся им обход союзных сил в районе с. Большие Озерки, и отряд оказался отрезанным, равно как и английская пехотная колонна полковника Хагейтона.

Полковник Казаков, вооружив все наличные силы отряда пулеметами, винтовками и прочим, предпринял пехотную операцию с целью воссоединения с союзными силами, причем аэропланы все время выясняли наблюдением боевую обстановку и местонахождение красных.

² Командир полковник Казаков, военные летчики: капитан Модрах, штабс-капитан Шебалин, капитан Свешников, поручик Коссовский, старший унтер-офицер Кропинов и наблюдатель корнет Абрамович.

³ Командир штабс-капитан Белоусович, военные летчики: штабс-ротмистр Лерхе, поручики Кравец и Слосаренко, подпоручики Гайдах и Толстов, корнет Туманов; наблюдатели: братья Дерезиновы, подпоручик Львов, подпоручик Луту, капитан Лутцф, поручик Олсон, мичман Попов, подпоручик Карелин, подпоручик Ренгюк (некоторая путаница в военных званиях присутствует в оригинале статьи - ред.).

Военный летчик полковник А.А.Казаков.

Воздушная разведка была крайне трудна, так как из-за лесов почти ничего не было видно. Ориентироваться также было очень трудно, и, например, капитан Модрах, отыскивая путем воздушной разведки колонну Хагейтона, едва не опустился у большевиков, приняв их за англичан.

Полковнику Казакову с его отрядом, после довольно продолжительной «отсидки» в Сийском монастыре, вскоре удалось соединиться с основными союзными силами, и он получил от командного состава массу лестных писем, а также - «за отличную службу» - был награжден английским орденом «D.S.O.».

Ввиду осложнившейся боевой обстановки на железнодорожном участке, англичане перебросили сюда почти все главные силы, совершенно оголив «речной фронт», где была оставлена только одна рота шотландцев и количественно весьма незначительный польско-американский легион. Имевшийся здесь монитор, опасаясь мелководья, также ушел. Воспользовавшись этим красная флотилия незаметно подошла к Сельцу и подвергла его сосредоточенному обстрелу. Союзным отрядам пришлось свернуться, отступить, и фронт переместился до с.Кургомень, в 40 верстах от Березняка. В зависимости от этого 2-й отряд перелетел в Березняк, куда вскоре прибыл отряд полковника Казакова, а также и только что прибывший из Англии отряд с самолетами системы «Аризйт». Из этих трех отрядов был образован дивизион под командованием майора Молпера, превосходного и доблестного английского летчика.

Боевая деятельность отрядов продолжалась прежним темпом. Но в ноябре они были постигнуты первым несчастьем: во время группового бомбардировочного налета на флотилию красных, на высоте 300 метров самолет «Сопвич» с капитаном Коссовским и поручиком Абрамовичем был подбит снарядом и, перейдя в штопор, упал в Двину. По собранным впоследствии сведениям поручик Абрамович был убит или утонул, а капитан Коссовский извлечен живым и, много спустя, расстрелян в Вологде по приговору местного трибунала.

Через два дня после этой катастрофы был сбит «Аризйт» с английскими летчиком и наблюдателем. Пуля попала в мотор, и летчикам удалось спланировать на полянку в лесу, в котором они, скрываясь от красных, проблуждали 4 суток, пока не встретили крестьянина, который и провел их, полумертвых от истощения и сильно обмороженных, в расположение союзных войск.

Со второй половины ноября, главным образом вследствие сильных морозов, наступило затишье, продолжавшееся до половины января 1919 года. Во все это время производились только обыденного характера воздушные разведки, также впрочем, крайне тяжелые вследствие сильных холодов. Летчиками даже вытребовано было у английского командования право не летать при морозе ниже 20 градусов, тем более, что «Аризйты» на лыжах не поднимались, и сами англичане не летали.

24 декабря в районе Обозерской трагически погиб капитан Свешников. Во время разведывательного полета на его аппарате загорелся мотор, вследствие чего опуститься со скольжением пришлось в лес.

Самолет разбился, и обломками настолько сильно придавило капитана Свешникова, что даже наблюдатель-англичанин не мог освободить его из этих обломков. Пока англичанин сходил за подмогой в деревню, найденную лишь за 8 верст от места аварии, пока нашли разбившийся самолет, прошло около полусуток. Свешников замерз

Во второй половине января большевики повели наступление на Шенкурск, и отрядам пришлось часто летать туда, хотя линия фронта от Березняков отстояла на 90 верст. Союзные войска, мало приспособленные к зимним операциям в обстановке суровой зимы Дальнего Севера, показали свою совсем слабую применяемость. Шенкурск пришлось сдать. Незадолго до сдачи, 24 января, полковник Казаков, во время разведки на «Сопвиче», был ранен ружейной пулей в грудь, но благополучно опустился у Шенкурска, где тогда находилась временная база дивизиона и запасной летчик базы Киселев⁴, который и доставил перелетом «Сопвич» полковника Казакова в Березняк.

28 января был убит во время разведки летавший наблюдателем с капитаном Белоусовичем подпоручик Карелин.

Наступление большевиков ограничилось занятием Шенкурска, после чего наступило относительное затишье.

Полковник Казаков ранее чем через месяц оправился от ранения и получил от англичан новый «Конно». В это время из Англии стали получаться новые самолеты. Были получены 2 «Сопвича» и 2 «Кеммеля».

Между тем на «железнодорожном» участке фронта у ст.Обозерской авиационная деятельность совсем прекратилась. Так, все «Говелянды» англичанами были разбиты, а «Ариэйти» не летали по указанной причине. Ввиду этого были выделены из состава обоих русских отрядов 3 «Сопвича» и 1 «Ньюпор», которые и отправились в Обозерскую.

В середине февраля погиб поручик Кравец с наблюдателем-англичанином. Их самолет во время разведки был подбит, и летчикам пришлось опуститься, хотя и недалеко от союзных войск, но в черте неприятельского расположения. В возникшей затем перестрелке с красными летчики были убиты.

Около этого же времени летчик Кропинов с наблюдателем поручиком Сахаровым при перелете из Березняка на ст.Обозерскую заблудился в тумане и попал в бассейн р.Онеги, где вследствие недостатка бензина принужден был сесть в тундре. Стоял сильный мороз, Кругом была пустыня, Взяв с собой несколько гранат, немного бензина и подкрепившись на дороге спиртом из компаса, летчики пустились на удачу разыскивать какое-либо жилище. Около двух суток блуждали они по тундре, не встречая ни одной живой души. Обогревались у костров, для растопки которых приходилось жертвовать кусками собственной полетной одежды. Лишь на третий день набрали они на кочевье самоедов, которые, гостеприимно обогрев и напитав путников, отвезли их на оленях за несколько десятков верст в ближайшее село.

⁴ Вылетел из Казани, но не долетел и пешком добрался до Архангельска. Получил английский военный крест за доставку ценных документов.

При крайне трудных обстоятельствах погибли 5 марта вылетевшие на «Сопвиче» летчик Кропинов с мичманом Смирновым. Стоял пасмурный день. В Березняк приехал новый командир союзной авиации полковник Вандерспой, сменивший на этом посту майора Молпера. По предложению полковника Вандерспой Кропинов вылетел на разведку, но вскоре, вследствие крайне неблагоприятных атмосферных условий, вернулся обратно. Полковник Вандерспой все же заставил летчика вторично подняться для разведки. При вылете на высоте 40 метров самолет перешел в штопор, и оба летчика разбились насмерть. Обстоятельство несколько не подействовало на полковника Вандерспой: он выслал на разведку штабс-капитана Слюсаренко, который также вскоре вернулся, указывая на невозможность полета, тогда был послан поручик Байдак, который должен был опуститься через четверть часа.

Спустя неделю, 11 марта во время группового полета по р.Ваге, принявший участие в этом полете (на «Кеммеле» полковника Казакова) полковник Вандерспой сел у красных. Вылетевший на его поиски полковник Казаков, производивший свои розыски на высоте всего 40 метров и неоднократно обстрелянный красными, ничего сделать не мог. Вандерспой, как стало известно впоследствии, был пойман большевиками в болотах и отправлен куда-то в тыл. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Полковник Казаков командовал Двинским дивизионом вплоть до приезда в середине апреля майора Карра. Новым командующим авиацией был назначен полковник Грей, старый летчик, 55 лет от роду, сидевший во время войны в плену у немцев. Прибыв в Архангельск, он отправился оттуда на Обозерскую летом на аэродром и, идя на огромной высоте, прошел далеко мимо, ввиду чего в погоню за ним и, так сказать, для исполнения функций проводника вылетел на «Ньюпоре» поручик Байдак. В общем полковник Грей оказался очень милым человеком, снискавшим к себе общее уважение в среде летчиков.

В это время самолеты из Англии начали приходить уже в большем количестве, в общем было получено: 21 «Говелянд» с моторами Пума, 12 - с моторами Либерти, 15 «Снайпов», 6 «Авро» и несколько «Аризйтов». Приехали и новые английские летчики. Ввиду этого все авиационные силы Севера были разбиты на 3 дивизиона: первым командовал полковник Казаков⁵, произведенный в это время в чин майора английской службы; вторым - майор Карр и третьим - майор Боуман, известный английский истребитель. Русские летчики получили из числа вновь прибывших машин 4 «Говелянда» и 3 «Снайпа», так что боевая работа производилась главным образом на «Говеляндах», а «Сопвичи» применялись для фотографирования и корректировки; «Ньюпор» возил военную почту, совершая по возможности ежедневные рейсы Березняк - фронт - Архангельск и т.д.

В конце мая красные оборудовали два своих аэродрома на Двине и на Ваге. Красные самолеты начали атаковать «Сопвичей» и «Аризйтов»

⁵ В составе двух отрядов (капитана Модраха и штабс-капитана Белоусовича); предполагалось формирование третьего отряда (штаб-капитана Шебалина), но было отменено из-за недостатка машин.

во время произведения ими фотографирования и корректировки, причем в одном случае самолет поручика Бобаненко был изрядно «потрепан» красными во время воздушного боя.

Решено было ликвидировать красную авиацию. По проекту полковника Казакова, всецело поддержанному Карром и Греем, решено было для этой цели применить следующий способ: в «Сопвичах» первого дивизиона, каждый с шестью 20-фунт. бомбами, с тремя бидонами бензина и факелами из пакли, должны отправиться к аэродрому красных у ст.Пучега, на Северной Двине; «Сопвич», «Кеммель» и «Ньюпор», летая на малой высоте, вскоре должны обстреливать красных из пулеметов; по сигналу с «Кеммеля» майора Карра, 3 «Сопвича» садятся на аэродром красных и при помощи бензина и факелов поджигают палатки-ангары; 6 «Говеляндов» в это время должны наводить панику на красных семипудовыми бомбами.

Налет был назначен на 5 часов вечера. При вылете «Снайп» английского летчика Найта не запустился, то же произошло с «Ньюпором» летчика Бережнева. В общем, задуманная программа в целом своем виде не удалась, но эффект все же был достигнут. «Кеммель» майора Карра опустился совсем низко над аэродромом красных. Вслед за ним опустились и все «Сопвичи», летая на высоте палаток. Стоявший возле одной из них «Ньюпор» красных был зажжен светящимися пулями. Вокруг аэродрома и над флотилией, стоявшей на реке у острова, все время кружили «Говелянды», устроившие своими семипудовыми бомбами целый ад. К сожалению, ни один из «Сопвичей» не заметил сигнала, данного с «Кеммеля», и сожжение палаток поэтому выполнено не было. Тем не менее, большевики на другой день покинули этот изрытый от брошенных бомб аэродром, где во время налета потеряли из состава своего отряда двух убитыми и семерых ранеными.

С наступлением весны на аэродроме союзных дивизионов началась деятельная работа обыденного характера. Утром и вечером производились групповые полеты для бомбометания на Сельцо и флотилию красных, причем одна из неприятельских канонерок была уничтожена семипудовой бомбой. Налеты эти наводили на красных такой ужас, что они даже прислали характерное послание: «Прекратите ... из воздуха!»

Потери в первую половину года были незначительные: был сбит английский летчик Найт, ранен наблюдатель, и сел у большевиков один гидроплан из состава гидроавиационного дивизиона на Двине, существовавшего независимо от сухопутной авиации. Дивизион этот располагал 18 аппаратами (12 «Шортов» и 6 «Ферри» с моторами Ролс-Ройс), которые били нещадно, но работали в общем мало.

В конце июля выяснился скорый уход англичан с Севера. Решено было прикрыть предстоящее отступление наступательной операцией, в которой приняла участие и авиация, сыгравшая огромную роль. Все аппараты дежурили тогда у Кургомены, в 10 верстах от передовой линии противника. По окончании артиллерийской подготовки пехотные части зашли в тыл красных, и одновременно повели атаку с аэропланов.

Полковник Казаков (на «Кеммеле») снизился до 15 метров над окопами красных, обстреливая их из двух пулеметов. Английские летчики, наблюдавшие эту картину, были ошеломлены безумной атакой с самолета. У большевиков в окопах царила форменная паника. Непосредственно вслед за атакой полковника Казакова окопы противника были взяты пехотой.

В июле капитан Модрах получил от капитана Д.А.Борейко, бывшего в то время начальником управления воздушного флота армии адмирала Колчака, предложение занять пост полевого начальника авиации Сибирской армии, вместо оставившего эту должность полковника С.А.Бойно-Родзевича.

1 августа (н.г.) вместе с капитаном Белоусовичем, капитан Модрах уехал в Архангельск, чтобы оттуда, с экспедицией капитана Вилькицкого, добраться до устья Енисея.

Полковник Казаков решил вылететь для проводов своих боевых сотоварищей и, вместе с тем, опробовать только что отремонтированный «Снайп».

С высоты 100 метров, при полном повороте направо, самолет перешел на нос и с полным мотором врезался в землю. На аэродроме возле одной из палаток А.А.Казаков умер на месте, у него оказался сломанным позвоночник...

В чем скрывалась причина катастрофы - выяснить не удалось. Допускалась одна возможность: обморок А.А.Казакова, организм которого после ранения и постоянной напряженной работы был сильно ослаблен.

Погребен А.А.Казаков в Березняке. Отдать последний долг доблестному летчику и редких качеств человеку пришли не только чины авиационных дивизионов и ближайших частей, но и все окрестное население.

Вместо погибшего А.А.Казакова командиром дивизиона был назначен полковник Шебалин.

Работа отрядов по прежней программе продолжалась до 4 сентября⁶, когда англичанами, по настоянию Великобританской рабочей партии, решено было эвакуировать Северную область. Русский авиационный отряд, согласно заключенному при его формировании условию и по желанию летчиков, был эвакуирован на юг России, через Англию в Новороссийск, куда и прибыл 4 октября⁷.

⁶ Вернее до 18 августа, когда началось отступление союзных войск, сопровождавшееся сильными дождями и туманом. О легкой работе русского отряда можно судить по следующим цифрам: за июль налетали 187 час. 47 мин., в том числе поручик Байдак - 34 часа, капитан Белоусович - 31 час. Сброшено бомб - 85 штук по 230 фунт., 174 - по 112 фунт., 4 - по 20 фунт.; всего сброшено взрывчатых снарядов - 39118 фунт.; патронов выпущено - 9400 штук.

⁷ Составлено по рассказу Дербизова и письменным воспоминаниям поручиков Лутина и Майера.

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

ГЕОРГИЙ ТЕЛЬБЕРГ - МИНИСТР РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА А.В.КОЛЧАКА

У этого имени странная судьба. В двадцатые годы имя Георгия Густавовича Тельберга (1881-1954) фигурировало в воспоминаниях «раскаявшихся» и непримиримых сторонников антибольшевистского лагеря Гражданской войны на востоке России. В прошедшие десятилетия его не забывали помянуть советские авторы, писавшие об этой войне. Еще бы! Профессор, министр в Российском правительстве А.В.Колчака. Но поминали формально, не углубляясь в детали биографии. Порою даже многие маститые историки путали профессора с известным политиком Николаем Тальбергом - видной фигурой в эмигрантском монархическом движении, соратником Маркова II-го¹.

В жизни Георгия Тельберга было много дорог и городов. Но на склоне лет, оглядываясь на прожитую жизнь, он, подобно булгаковскому профессору Преображенскому, гордо заявлявшему, что он московский студент, мог сказать о себе: «Я казанский студент!» Именно в Казани, которой было отдано одиннадцать лет жизни и трудов, сформировалась личность человека, несомненно, яркого и одаренного, которому предстояло стать одним из режиссеров, актеров и жертв в политическом спектакле 1918-1919 годов на востоке России.

...Отец Тельберга - Густав Иванович, выходец из Финляндии, сын судьи, недоучившийся студент императорского Александровского Финляндского университета. Двадцатидвухлетним юношей он покинул тогдашнюю окраину Российской империи и переехал на Волгу, начав «карьеру» младшим телеграфистом, и, неспешно переходя со ступеньки на ступеньку российской табели о рангах. Более чем за тридцать лет он дослужился до надворного советника, начальника Саратовской биржевой почтово-телеграфной конторы. За долгие годы жизни в российской глубинке Густав Тельберг обрусел, по некоторым данным даже сменил отцовскую лютеранскую веру на православие, женился на русской девушке Екатерине, но вскоре остался вдовцом с тремя детьми².

Георгий Тельберг был старшим сыном царицынского телеграфиста. Он рос болезненным ребенком, слабым физически. Но, как отмечал директор Царицынской Александровской гимназии Д.Третьяков, эта внешняя слабость сочеталась с сильным, «выдающимся» характером и недожиданными нравственными качествами. В старших классах Георгий постоянно давал уроки, чтобы помочь отцу растить младших брата Германа и сестру Нину. Директор гимназии отмечал несомненную даровитость своего воспитанника, его значительные постоянно развивающиеся «умственные силы», способность «ко всем предметам вообще», начитанность, умение излагать свои мысли и отстаивать их³, то есть качества, прочившие карьеру юриста, политика, общественного деятеля.

Окончив гимназию с золотой медалью в 1899 году, Тельберг отправляется в поволжскую «научную Мекку» - в Казань - и поступает на юридический факультет университета, который заканчивает в 1903 году с дипломом первой степени. Вероятно, в том же 1903 году к нему в Казань перебирается вся семья. Известно, например, что его брат Герман два последних учебных года проучился во II-й Казанской гимназии, по окончании которой с золотой медалью провел год в Нежинском историко-филологическом институте, а затем обучался на историко-филологическом и юридическом факультетах Казанского университета. В 1913 г. присяжный поверенный Герман Густавович Тельберг еще практиковал в Казани.

Сомнений в блестящем будущем Георгия Тельберга - обладателя золотой медали факультета за 1902 год за сочинение по истории русского права, - у казанских профессоров юрфака не было: подающий надежды молодой человек был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Причем, рекомендуя его в «аспирантуру», научный руководитель - известный казанский историк права и автор многих работ по истории Казанского университета профессор Н.П.Загоскин прямо указывал на Тельберга, как на своего будущего преемника по кафедре: «Будучи озабочен подготовлением себе сотрудника и преемника по занимаемой мною кафедре, - писал стареющий профессор, - я остановил свой выбор на Г.Г.Тельберге, изъявившем горячее желание посвятить себя ученой карьере»⁴. Загоскин распахнул перед Тельбергом двери своей личной библиотеки. «Мой даровитый ученик» - называл он Тельберга, и уже в сентябре 1903 г. твердой рукой расписал его научную карьеру по годам на четыре года вперед - вплоть до доцентуры. С небольшой временной поправкой Тельберг полностью выполнил план учителя: в конце 1907 г. он с честью выдержал испытания на степень магистра государственного права, а весной 1908 г. стал приват-доцентом кафедры истории русского права⁵. Таким образом, к двадцативосьми годам Тельберг сделал неплохую академическую карьеру, был автором нескольких работ по истории русского права. Счастлив он был и в семейной жизни с женой Раисой. Казалось, ничто не нарушало ровного течения этой карьеры.

Правда, весной 1905 г. произошел небольшой эпизод, в дальнейшем повлиявший на судьбу Георгия Тельберга. 4 мая 1905 г. в собрании

Казанского юридического общества Тельберг произнес речь, в которой отдал дань охватившим страну революционным настроениям. Год спустя она была издана отдельной брошюрой «Принципы современных реформ и желания русского общества (Хроника современных противоречий в России)». В этой речи Георгий Густавович горячо указывал на насущную задачу «разрушения полицейско-бюрократического строя и замены его строем свободно-общественным», характеризовал существовавший режим как «прогнивший»⁶, бичевал бюрократию, самовластие, политику правительства, выступал за свободы и права человека - неприкосновенность личности, против религиозной и национальной дискриминации нерусских народов России, за свободу печати, народное представительство. Но годы революционного опьянения быстро прошли. А молодому доценту, наговорившему «лишнего» в революцию, припомнили его речь четыре года спустя: в 1909 году дело Тельберга, касающееся злосчастной речи, разбиралось в совете университета⁷. Спасло то, что почти весь этот нелегкий год Тельберг провел в командировке, занимаясь в московских архивах, общаясь с московскими коллегами⁸.

Весной 1910 г. Георгий Густавович был приглашен Московским университетом на должность приват-доцента кафедры истории русского права. Он уезжает в Москву и с октября приступает к работе⁹.

Казалось, Казань навсегда осталась позади. Но в октябре 1911 г. она опять напомнила о себе: профессор Н.П.Загоскин стал членом Государственного совета, и кому-то надо было читать курс лекций по истории русского права. Юридический факультет - конечно, с подачи Загоскина, всегда видевшего Тельберга своим преемником по кафедре, - заручившись согласием Тельберга, ходатайствует о том, чтобы поручить преподавание Георгию Густавовичу. Ректор сразу же дает свое согласие. Но позиция попечителя учебного округа А.Н.Деревицкого оказалась очень жесткой. Он заявил ректору: «Я не могу изъявить согласие на принятие г-на Тельберга в число приват-доцентов Казанского университета», - и рекомендовал поручить чтение лекций кому-либо «из личных преподавателей»¹⁰. Как видно, речь Тельберга шестилетней давности, «смазавшая» его в целом благополучную биографию, не была забыта руководством Казанского учебного округа. Здесь его видеть более не желали. Год спустя умер учитель и покровитель Тельберга профессор Н.П.Загоскин. Все пути в Казань были закрыты.

Два московских года, прожитых Тельбергом на Старой Божедомке, были наполнены интенсивной научной и преподавательской работой: Георгий Густавович публикует ряд статей и большую монографию «Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVIII века», с наслаждением трудится в архивах и библиотеках, читает лекции в Московском университете, в Археологическом институте, на Высших женских и на педагогических курсах. Но московский период его жизни был недолог.

В июле 1912 г. Тельберг переезжает в Томск. Совет местного университета предложил ему место исправляющего должность ординарного профессора по кафедре истории русского права¹¹. Юрфак Томского

университета - одного из самых молодых вузов России (открыт в 1888 г.), - существовал к тому времени еще только четырнадцать лет.

Сибирь встретила приветливо, и Тельберг с головой погрузился в дела юридического факультета. Даже начавшаяся вскоре мировая война не слишком нарушила жизнь самого восточного российского университета. Но вслед за ней последовали события, от которых уже трудно было укрыться под сенью науки. Кроме того, Тельберг по духу своему никогда и не был только кабинетным ученым. Легко представить, как встретил октябрь 1917 г. и слом формировавшихся веками государственных и законодательных структур человек, посвятивший себя праву и его истории, написавший целую монографию о преступлениях против государственности и государства. Право, закон - основа основ, столпы общественной и государственной жизни, - рассыпались в прах перед взбунтовавшейся народной стихией. Поэтому когда в конце 1918 г. в Сибири забрезжил мираж порядка и «твердой руки» в образе адмирала А.В.Колчака, в его лагерь потянулась и интеллигенция - за помощью или с предложением помощи. Ряд сибирских профессоров возглавил колчаковские министерства.

Профессор Тельберг первоначально занял пост управляющего делами совета министров. Причем один из лидеров правых эсеров Н.Д.Авксентьев утверждал в конце декабря 1918 г., что среди лиц, решавших судьбу съезда членов Учредительного собрания, ЦК партии правых эсеров, Директории, был наряду с А.В.Колчаком, П.В.Вологодским, С.С.Старынкевичем, И.А.Михайловым, Г.К.Гинсом и Г.Г.Тельбергом¹².

...За двадцать лет до описываемых событий учитель юного Георгия Тельберга, благословляя своего питомца в путь до Казани, охарактеризовал его как почтительного и предупредительного, мягкого, доброго молодого человека, скромного и «совершенно лишенного самомнения». Теперь в тридцативосьмилетнем жестком политическом едва ли почтенный педагог узнал бы тихого мальчика из царицынского захолустья.

Постепенно в руках Георгия Густавовича сосредотачивалась немалая власть в правительстве. Одной из его обязанностей был доклад Верховному правителю А.В.Колчаку результатов заседаний совета министров. Это по его, Тельберга, докладам утверждались законы, действовавшие на сибирских просторах. Позже преемник Тельберга на посту управляющего Г.К.Гинс вспоминал, что некоторые члены совета министров возмущались, что Тельберг докладывал лишь то, что считал нужным сам, игнорируя особые мнения членов кабинета, то есть имел влияние на адмирала большее, чем председатель правительства¹³.

Весной 1919 г. разразился очередной министерский кризис, закончившийся обновлением кабинета. Некоторые его члены стали, по меткому выражению Г.К.Гинса, «министрами в квадрате», так как одновременно возглавили сразу два ведомства. Среди них был и Георгий Тельберг, который, несмотря на решение совета министров о передаче поста управляющего делами, сохранил его за собой, приняв также портфель министра юстиции. Причем теперь должность управляющего получила приставку «главно», а ее обладатель значительно расширил

свои полномочия и обзавелся собственным управленческим аппаратом. На посту министра юстиции Тельберг отныне мог влиять на процесс становления всех основных законов на территории, подвластной Верховному правителю.

В июле 1919 г., когда лагерь А.В.Колчака переживал далеко не лучшие свои дни - войска Красной армии вели успешное наступление (к середине августа они овладеют Уралом, выйдя к р.Тобол) - актуальной стала задача обороны района Омска. Тельберг выступил с собственным планом и инициативой создания Особого военного совета для координации действий и вопросов, относившихся к компетенции гражданских и военных властей, между которыми имелись существенные трения (военные, и в первую очередь начштаба генерал Д.А.Лебедев, в совете министров практически не появлялись). При этом Тельберг весьма самоуверенно, не дожидаясь санкции совета министров, не устроив, как полагалось, совместного заседания совета министров и А.В.Колчака, провел этот проект в форме чрезвычайного указа. Теперь в руках Особого совета сходились нити важнейших дел, а роль и власть Г.Г.Тельберга и И.А.Михайлова усилились еще больше¹⁴. Причем генерал М.Жанен, назначенный по решению Верховного совета Антанты главнокомандующим всеми русскими и союзными войсками в Сибири, указывал в воспоминаниях и на небескорыстные и нечистоплотные махинации и спекуляции финансистов, хищения в государственном банке, которые прикрывались авторитетом и властью этих «первых среди равных» в правительстве¹⁵.

К середине терпение Верховного правителя лопнуло. Проведение вышеупомянутого чрезвычайного указа стало последней каплей, переполнившей чашу этого терпения, и в то же время - удобным поводом, чтобы поставить на место «министров в квадрате». Генералы выразили свое недовольство проектом, А.В.Колчак тоже не оценил его, одновременно председатель совета министров констатировал недовольство большинства министров самовластьем Михайлова и Тельберга. В результате Колчак, сохранив портфель за министром иностранных дел И.И.Сукиным (дополнявшим дуэт Михайлов-Тельберг), с некоторым сожалением расстался с Михайловым, зато безо всякого колебания дал отставку с места главноуправляющего Тельбергу¹⁶. С этого времени влияние Г.Г.Тельберга резко пошло на убыль, хотя он и продолжал оставаться министром юстиции. Карьера клонилась к закату, так же, впрочем, как и судьба самого режима. В середине ноября 1919 г. красные войска взяли Омск, а в конце месяца ряд министров подал на имя последнего премьер-министра колчаковского правительства В.Н.Пепеляева заявления об отставке. Среди них было и прошение Тельберга, обусловившего свой уход «отсутствием запаса здоровья»¹⁷.

Вслед за отступающими под натиском советских сил Белыми армиями востока России за рубеж ушли многие представители интеллигенции Сибири, сотрудничавшие и сочувствовавшие Колчаку. В двадцатые годы в Маньчжурии и других районах Китая обосновалось не менее 250 тысяч россиян (учитывая и работавших на КВЖД). Наиболее крупные русские колонии существовали в Харбине и Шанхае (по 30 тысяч чело-

век). В основном в Китае осели и уцелевшие бывшие обладатели министерских портфелей в правительстве адмирала, генералы, иные ключевые фигуры Белого движения. Судьбы их сложились по-разному. Часть эмигрантов, разочаровавшись в идее вооруженной борьбы с советской властью, стала исповедовать «сменовеховство», представители которого надеялись на перерождение советов и мирное изживание коммунизма. Отцом «сменовеховства», человеком, сформулировавшим его кредо, кстати, был бывший профессор Пермского университета, директор Русского бюро печати в Омске, редактор колчаковского официоза - газеты «Русское дело» - Н.В.Устрялов, а среди поддержавших его идеи были бывшие министры Ю.В.Ключников, Н.С.Зефирова. Позднее многие сменовеховцы вернулись в Россию, сотрудничали с большевиками.

Но большинство белоэмигрантов не смирилось и не вернулось в советскую Россию. Ряд генералов - А.Н.Пепеляев, М.К.Дитерихс, В.М.Молчанов, Г.А.Вержбицкий - жили и работали в Харбине. Некоторые министры Колчака занимали посты на Китайско-Восточной ж.д. - например, Г.К.Гинс, П.В.Вологодский, И.А.Михайлов¹⁸. В 1920 г. по инициативе чинов КВЖД в Харбине был открыт Юридический факультет, который функционировал на правах высшего учебного заведения. В этом русском вузе работали многие эмигранты-юристы, в 1920х - нач. 1930х годов некоторые из них участвовали в разработке первых буржуазных судебных кодексов Китая, привлекались к работе китайскими судебными учреждениями в качестве консультантов.

На Харбинском юридическом факультете преподавал в эти годы и Г.Г.Тельберг, который в эмиграции вернулся к научной и преподавательской деятельности. Но помимо академической работы, он занимался и издательской деятельностью, держал в Харбине книжный магазин. Как и многие другие российские эмигранты, Тельберг по мере сил и возможностей старался собирать и сохранять русские документы и книги (он знал им цену и как историк, и как юрист), в огромных количествах вывезенные за границу эмигрантами, побежденными армиями, и продававшиеся часто за бесценок иностранным библиотекам, архивам, частным лицам. Так, Г.Г.Тельберг и Г.К.Гинс предприняли безуспешную попытку выкупить у «Общества офицерской взаимопомощи» богатейшую (18 тысяч томов) библиотеку царского охранного корпуса в Маньчжурии, но «Общество» предпочло продать библиотеку японцам, предложившим более высокую цену¹⁹.

После продажи Советским Союзом КВЖД, оккупации Маньчжурии Японией и создания государства Маньчжоу-Го численность русского населения в Китае значительно сократилась. Россияне уезжали подальше от надвигавшейся Второй мировой войны - в Австралию, Америку...

Георгий Густавович Тельберг пережил Вторую мировую в Маньчжурии. Но после ее окончания он уехал в США, где и прожил свои последние годы до смерти в 1954 году.

Вот такая странная судьба, полная противоречий: горячий русский патриот Г.Г.Тельберг остался россиянином в единственном поколении, полжизни прожившим изгнанником на чужбине; ученый - историк права и юрист, имевший достаточно глубокое научное представление о

политике, он приобрел личный политический опыт, который трудно назвать удачным; либерал и законник, ратовавший за права и свободы человека, провозгласивший в 1905 г., что «абсолютизм неразрывно переплетается с деспотизмом», Георгий Густавович объективно стал в ряды творцов диктатуры Верховного правителя и одним из тех, кто прикрывал финансовые аферы спекулянтов, делавших деньги на Гражданской войне. Наконец, в отечественную историографию его второпях вписали под чужим именем и с чужим ярлыком монархиста. Что касается грехов и ошибок самого Г.Г.Тельберга, то никому не дано исправить их за него. Исправим хотя бы последнюю ошибку - ошибку историков²⁰.

- ¹ См., напр.: Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. - М., 1977. - С.198,268,279 (в первом случае речь идет о Г.Г.Тельберге, в остальных - о Н.Тальберге); Непролетарские партии России: урок истории. - М., 1984. - С.440; и др.
- ² Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф.977. Оп. л.д.студ. Д.33784. Л.13-15; Д.37147. Л.22-23.
- ³ Там же. Д.33784. Л.11.
- ⁴ Там же. Оп. юрфак. Д.1068. Л.5.
- ⁵ Там же. Д.1139. Л.13.
- ⁶ См.: Тельберг Г.Г. Принципы современных реформ и желания русского общества (Хроника современных противоречий в России). - Казань, 1906. - С.24.
- ⁷ Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. - Казань, 1930. - Т.2. - С.262.
- ⁸ НА РТ. Ф.977. Оп. совет. Д.11850. Л.127.
- ⁹ Там же. Д.11999. Л.1,3.
- ¹⁰ Там же. Д.12171. Л.1,2,3,6.
- ¹¹ Там же. Д.10820. Л.46.
- ¹² Болдырев В.Г. Директория.Колчак.Интервенты. - Новониколаевск, 1925. - С.533.
- ¹³ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак // Кочаковщина. Из белых мемуаров. - Л., 1930. - С.58.
- ¹⁴ Там же. - С.65,67.
- ¹⁵ Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Сибирские огни. - 1927. - № 4. - С.151.
- ¹⁶ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. - С.67-69.
- ¹⁷ Кадры науки советской Сибири: проблемы истории. - Новосибирск, 1991. - С.52.
- ¹⁸ Киржниц А. У порога Китая. - М., 1924. - С.6,20.
- ¹⁹ Сонин В.В. Крах белоэмиграции в Китае. - Владивосток, 1989. - С.32.
- ²⁰ Редакция благодарит кемеровского историка С.П.Звягина за любезно предоставленную фотографию Г.Г.Тельберга.

СТЕПАН ЛАТКИН

«Дядя»

Степан Осипович Латкин родился в 1886 г. в Усть-Сысольске¹ в семье зажиточного коми крестьянина, торговца кожами, имевшего в городе двухэтажный дом и земельный участок. Отец Степана Осип Михайлович («Мишка Осип») происходил родом из Небдино², где осталась многочисленная родня Латкиных. Старики рассказывают, что известный в 1930е годы небдинский вор и разбойник Мишка Ондрей (Бисин) приходился Степану Осиповичу двоюродным племянником.

В 1901 г. Латкин окончил городское училище и некоторое время работал писцом-регистратором и помощником секретаря Усть-Сысольской уездной земской управы. Ф.В.Буханцов в книге «Призванные революцией» так пишет об этих годах Латкина: «Большой ловелас и остролов, он умел искусно держать себя в обществе, слыл хорошим собеседником и поэтому был желанным гостем в купеческих семьях, завсегдатаем всех веселых компаний»³.

Политическая биография С.О.Латкина началась в 1903 г., когда он познакомился в Казани с группой социалистов-революционеров и проникся ее идеями. В 1904 г. за распространение эсеровских листовок и газет Латкин был арестован и получил свой первый тюремный срок, но уже в 1905 г. попал под амнистию. Он вернулся в родной город, привезя с собой пачку казанских эсеровских прокламаций.

В Усть-Сысольске тогда уже существовала колония политссыльных, были небольшие ячейки эсеров и эсдеков. И те, и другие пытались вести революционную пропаганду, выезжали к рабочим Ньючимского завода. Правда рабочие их не жаловали. По данным краеведа А.А.Цембера, рабочие их первое время не хотели и слушать, говоря «вас без царей нужно бросить в горн. Потом привыкли... и заинтересовались, стали читать брошюры»⁴. Летом 1905 г. на заводе уже была небольшая организация эсеров во главе с диаконом Н.В.Кашиным.

В ночь на 14 июля 1905 г. Латкин вместе со своим дружкой А.И.Бессоновым расклеили по Усть-Сысольску 36 прокламаций под названиями «В борьбе обретишь ты право свое!» и «К запасным солдатам» (первая была эсеровская, вторая - социал-демократическая). Когда одну из прокламаций клеили в городском сортире на Базарной площади, городской Игнатов обратил внимание на подозрительных субъектов и погнался за ними. Революционеры еле унесли ноги. Но Латкин был опознан и через несколько дней арестован. Как доносил в своем

рапорте начальству усть-сысольский уездный исправник, расклеенные в городе прокламации призывали «к неповиновению властям и ниспровержению существующего в Империи государственного порядка и самодержавия»⁵. На допросах Латкин признался в своем членстве в усть-сысольской окружной организации эсеров и получил в итоге несколько месяцев тюремного заключения за распространение антиправительственной литературы.

Еще два года он участвовал в революционном подполье. Под псевдонимом «Дядя» писал в разные газеты смелые обличительные статьи. 15 марта 1907 г., например, Латкин написал для газет «Мужик» и «Северная окраина», издававшихся в Вологде, статью «Организуйтесь!», в которой в частности заметил: «Вся беда в том, что народ не организован, а без организации ничего нельзя поделывать, хотя бы и весь народ был не доволен своими угнетателями. Когда же народ будет организован, когда он устроит сельские районные комитеты, тогда дело примет совершенно иной оборот»⁶. Неизвестно, напечатали ли газеты подобные призывы...

В 1908 г. Степан Осипович женился на Софье Астраханцевой, дочери богатого помещика из Симбирской губернии, остепенился и начал отходить от революционной деятельности. Родился сын Василий, надо было кормить семью. Латкин решил стать агрономом и поступил на Санкт-Петербургские высшие сельскохозяйственные курсы. В 1910 г., будучи в Петербурге, он свел короткие знакомства с известными земляками: редактором журнала «Вестник Севера» И.А.Шергиным, архитектором А.Холоповым, студентом Психоневрологического института, будущим социологом с мировым именем П.А.Сорокиным. в обществе последнего Латкин несколько раз встречался с адвокатом А.Ф.Керенским.

В начале 1908 г. (по другой версии, в 1910 г.) Латкина исключили из эсеровской партии за «монархизм и черносотенные взгляды». По воспоминаниям лидера усть-сысольских эсеров Н.В.Лодыгина, исключению предшествовало письмо Латкина из Петербурга, в котором Степан Осипович утверждал, что «революционеры стоят на ложном пути». Лодыгин пишет, что «партия исключила Латкина из своих рядов как «чуждый элемент» и сообщила об этом студенчеству в Петрограде, с которым Латкин вел знакомства»⁷.

По окончании курсов Латкин с семьей переехал в уральский город Верхотурье, где устроился агрономом. Город был маленький. Латкин быстро приобрел известность.

После Февральской революции 1917 г. он занимает здесь пост начальника городской милиции, но за превышение власти вскоре смещен с должности и выезжает в Усть-Сысольск. В чем конкретно состояло «превышение власти» у Латкина неясно. В воспоминаниях ветерана революции и Гражданской войны И.С.Порошкина, хранящихся в фондах архива Коми научного центра Уральского отделения РАН, рассказывается о некоем пыелдинском портном, большевике В.И.Шишкине, сидевшем до 1917 г. в верхотурской тюрьме: «Вышел он из тюрьмы, разъезжал на автомобилях, по 40 человек расстреливал»⁸. К сожалению,

ветеран не указывает, в каком году вышел из тюрьмы т. Шишкин. Возможно, аресты и расстрелы в Верхотурье были как-то связаны и с именем Латкина, когда тот был начальником городской милиции.

Так или иначе, но весной 1917 г. Степан Осипович вновь был в родном городе.

Председатель

Здесь все изменилось. В некогда тихом захолустье теперь тоже занимались политикой. Даже отец Латкина Осип Михайлович, и тот был избран в состав Усть-Сысольского уездного временного комитета от местной «Трудовой группы». В большом фаворе были эсеры, учреждавшие в Усть-Сысольском уезде крестьянское самоуправление под названием советы крестьянских депутатов. Устроившись уездным агрономом, Латкин быстро сошелся со старыми друзьями по партии, тем более, что многие бывшие политссыльные эсеры, в том числе Лодыгин, хорошо помнивший Латкина по 1905 г., по-прежнему проживали в городе. В мае 1917 г. на уездном собрании землевладельцев Степан Осипович был выдвинут делегатом на I Всероссийский съезд советов крестьянских депутатов, проходивший в Петрограде в конце мая - начале июня.

Одним из организаторов съезда являлся П.А.Сорокин. На съезде, куда выехало из российской глубинки около тысячи крестьян-землевладельцев и некоторое количество солдат с фронта, выступал среди прочих ораторов и В.И.Ленин. О выступлении вождя большевиков имеется запись в дневнике П.А.Сорокина: «Интересный эпизод был связан с появлением Ленина на съезде. Остановившись за трибуной, он драматически сбросил свое пальто и начал говорить. На его лице было что-то от религиозных фанатиков-старообрядцев. Речь казалась холодной, маловыразительной, несмотря на категоричность, его усилия разжечь энтузиазм абсолютно не удались. Выступающий почувствовал враждебность слушающих, конец речи был скомкан»⁹.

Из Петрограда Латкин выехал в Москву, где в июле принял участие в работе Всероссийского мещанского съезда, на котором собрались представители мелкого и среднего предпринимательства. На съезде Латкин был выбран товарищем (заместителем) председателя В.Е.Гринева.

В это время по стране уже вовсю набирала обороты избирательная кампания во Всероссийское Учредительное собрание. Впервые в истории России выборы должны были состояться на основе «всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права, посредством прямых выборов и тайного голосования»¹⁰. Вернувшись в Усть-Сысольск, Степан Осипович сразу был выдвинут кандидатом в депутаты Учредительного собрания на проходившем в начале августа 1917 г. I съезде советов крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда. Этот съезд стал большим явлением в политической жизни города и уезда. Латкин попал на него как делегат от городских землевладельцев и был выбран председа-

телем съезда. Его товарищами избрали А.М.Мартюшева, Д.Я.Попова и И.М.Коданева.

С.О.Латкин снял свою кандидатуру в депутаты Учредительного собрания, сославшись на «утомленность и нездоровье». Вместо него была выдвинута кандидатура П.А.Сорокина. Съезд принял аграрную программу эсеров, а также ряд политических резолюций в поддержку Временного правительства и армии. Вологодская губернская газета «Вольный голос Севера» в номере от 31 августа 1917 г. заметила о работе съезда, что «отмечено повышение национального самосознания среди крестьян-зырян». Очевидно этот вывод газетчики сделали из скандала, разразившегося на съезде после заявления одного из его участников, а именно Г.Г.Кассандрова, что он не знает коми языка. Как писала газета, «это едва не привело к расколу учительства с крестьянством» (Кассандров был учителем).

Но вернемся к Латкину. Съезд крестьянских депутатов избрал его председателем исполкома уездного совета крестьянских депутатов (вместе с Латкиным в исполком выбрали В.Ф.Попова, А.Н.Вешнякова, М.Д.Кузьбожеву, С.Ф.Матюшева и др.). До ноября 1917 г. Латкин занимался делами исполкома, участвуя в предвыборной избирательной кампании эсеров (надо заметить, что ближе к выборам Степан Осипович стал поддерживать кадетскую программу и, по сохранившимся данным, голосовал за кадетов, а не за эсеров), а 7 ноября поставил совет крестьянских депутатов в известность: «Имею честь заявить... что я не могу быть председателем комитета, так как Чрезвычайным уездным Земским собранием избран председателем уездной Земской управы»¹¹. К этому времени власть в России уже была захвачена большевиками. 29 октября 1917 г. Усть-Сысольская городская дума, гласным которой состоял С.О.Латкин, приняла резолюцию, осуждавшую большевистский переворот: «Гибель России, на которую ведут ее большевики, может быть устранена только единением сил страны вокруг комитета спасения Родины и Революции и восстановлением коалиционного Временного правительства, что Усть-Сысольская городская дума и ставит себе священным долгом и неотъемлемой обязанностью»¹².

Несмотря на переворот, выборы в Учредительное собрание все же состоялись. В Усть-Сысольскѣм уезде за список совета крестьянских депутатов и партии эсеров проголосовало около 83 процентов, а в самом Усть-Сысольске свыше 69 процентов избирателей. Но победа на выборах уже не играла никакой роли. Большевики утверждали свою власть силой и мнение избирателей их не интересовало.

Пытаясь оградить Усть-Сысольск от большевизма, местные земцы приняли решение о запрете большевистской пропаганды в уезде. Председатель управы С.О.Латкин 8 декабря 1917 г. издал распоряжение о «немедленном изъятии из употребления всей большевистской литературы в виде брошюр, листовок, газет и т.п.»¹³. Известна также оплеуха С.О.Латкина советскому агитатору М.Ф.Зайкову, прибывшему в Усть-Сысольск из Москвы.

г.Усть-Сысольск. Центр города-Спасская улица (ныне г.Сыктывкар.улица Советская).

Но это, естественно, не помешало «триумфальному шествию советской власти» в Коми крае. 4 января 1918 г. Усть-Сысольский уездный исполком совета крестьянских депутатов обратился к населению уезда с извещением: «В г.Усть-Сысольске небольшой кучкой граждан образуется никем не признанный Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов... Исполком Совета Крестьянских депутатов предлагает никаких распоряжений, выходящих от новой организации не выполнять и ни в какие официальные сношения с ней не входить...»¹⁴. Извещение было подписано председателем исполкома А.Н.Вешняковым и А.В.Старцевым. Речь в нем идет об организованном в Усть-Сысольске совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который разослал по волостям уезда бумагу с приглашением прибыть делегатам с мест на уездный съезд советов. Городской совет закрыл и опечатал все магазины и лавки в Усть-Сысольске, намереваясь устроить инвентаризацию с последующей конфискацией товаров у купцов. Но Латкин своей властью отменил это распоряжение и вновь разрешил торговлю. На его стороне пока был совет солдатских депутатов, еще не перешедший на пробольшевистские позиции.

События между тем разворачивались с невероятной быстротой. Созываемый на 12 января 1918 г. Усть-Сысольский учредительный уездный съезд советов не открылся - от волостей приехало всего 16 делегатов. Но при городском совете прошло несколько совещаний пробольшевистски настроенных деятелей, которые решили привлечь на свою сторону солдат местного гарнизона и с их помощью утвердить советскую власть в Усть-Сысольске и уезде.

15 января 1918 г. открылась 48 сессия уездного Земского собрания под председательством Н.И.Митюшева. Открывая собрание, председатель выступил с речью, в которой в частности заявил, что «...условия для нашей работы создались чрезвычайно тяжелые... Центральная власть в России захвачена... в сущности Великой России нет, она, как вам известно, разделилась на отдельные самостоятельные государства... Разделение государств сопряглось с анархией, которая катится по всем уголкам России и дошла до нашего уезда. За последнее время были гнусные явления в нашем уезде. Темные массы народа затеяли вражду между населением и нарушают всякое спокойствие в уезде, чего ранее в нашем уезде не замечалось. Для чего это делается, мне совершенно не понятно, и я думаю, что те люди, которые делают смуту, сами не понимают для чего это делают. Теперь, кажется, нет ни одной волости, где бы не нарушена мирная жизнь... Когда будет конец всему этому и наступит отрезвление, никто из нас сказать не может». В заключение своей речи Митюшев призвал земство заняться народным образованием, ибо «главное наше зло», по его словам, это «темнота и невежество народа»¹⁵.

Почти одновременно с Земским собранием 16 января 1918 г. открылся Продовольственный съезд, рассмотревший вопрос о снабжении уезда хлебом, а также о выделении пяти северо-восточных уездов Вологодской губернии в самостоятельный продовольственный район. В этот же день Земское собрание делегировало трех человек гласных в воинские

казармы для переговоров с солдатами «относительно образования высшей власти в уезде», как писал об этом первый номер «Известий очередного Земского собрания» за 22 января 1918 г. 17 января эти гласные (Д.Я.Попов, А.М.Мартюшев и А.С.Юркин) ознакомили собрание с планом открытия Учредительного съезда по организации «высшей власти», на который приглашались все земцы, состав Продовольственного съезда, ну и естественно, прибывшие еще раньше в город на съезд советов делегаты от волостей. Земское собрание приняло решение участвовать в Учредительном съезде.

В полдень 17 января Учредительный съезд открылся.

С.О. Латкин тоже участвовал в его работе, выступил с разъяснительной речью, где защищал свои распоряжения декабря 1917 г.: «Мне бросили обвинение, во-первых, в разрешении торговли, закрытой советом солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Но как же я мог поступить иначе, когда ко мне приходили местные жители и крестьяне дальних деревень и просили распоряжения, как лица, имеющего отношение к самоуправлению... открыть магазины для производства закупок необходимейших товаров. Просьбы были настойчивые, и мне ничего больше не оставалось, как только исполнить желание населения. Во-вторых, по вопросу об уничтожении большевистской литературы... Я только исполнял постановления Чрезвычайного Земского собрания - не входить в сношения с большевиками и противодействовать их распоряжениям»¹⁶ Съезд оставил Латкина на свободе, хотя раздавались голоса об аресте председателя управы за антисоветские действия. Но земство пока еще существовало, и его авторитет играл свою роль.

Итогом работы Учредительного съезда стало образование в уезде «сильной, верховной власти..., выражающей волю народа, власти беспартийной, которая будет носить название Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов»¹⁷ Однако земство, как хозяйственный орган продолжало существование в Усть-Сысольске и уезде, а Латкин по-прежнему оставался председателем уездной управы. Весь январь 1918 г. продолжала работу очередная сессия Земского уездного собрания. Печатный орган земства «Известия Усть-Сысольского уездного очередного Земского собрания» выходил под редакцией И.Коданева и Н.Другова до марта 1918 г.

12 февраля 1918 г. исполком уездного Совета обратился во все волостные земские управы: «Объявить на народных сходах, что исполнителями постановлений и распоряжений Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов на местах (в волостях) будут волостные земства, сосредотачивающие в своих руках все административные, хозяйственные и распорядительные функции»¹⁸ Но пробольшевистски настроенные солдаты-фронтовики, которых по воспоминаниям П.В.Забоева в феврале 1918 г. в Усть-Сысольске насчитывалось свыше 150 человек, уже начинали проявлять недовольство сохранением земства в Усть-Сысольском уезде. В начале марта 1918 г. состоялось собрание солдат, на котором приняли решение об организованном выступлении против земства на намечавшемся в Усть-Сысольске I съезде советов.

Этот съезд проходил очень бурно. Официально фракции большевиков на нем не было, поскольку коммунистическая организация в городе отсутствовала, но люди с большевистскими взглядами высказывали мысли разогнать съезд советов в случае, если делегаты не примут решения о ликвидации земства. Такое решение съезд принял 20 марта 1918 г. Комиссаром по земским делам был назначен священник Д.Я.Попов.

Бывший председатель уездной земской управы С.О.Латкин содержался к этому времени за решеткой. Сразу после окончания сессии Земского собрания в феврале 1918 г. он был арестован за игнорирование советской власти, а конкретно - за новое разрешение свободной торговли. В связи с арестом председателя союз земских служащих объявил забастовку и обратился к I Съезду советов с требованием об освобождении Латкина. Съезд объявил амнистию политзаключенным. А.М.Мартюшев, выступая на съезде, заметил по этому поводу: «Большой беды нет, что Латкин, будучи председателем Земской управы, не зная уверенно, укрепится ли советская власть, разрешил открыть магазины»¹⁹ 27 марта Степан Осипович вышел из тюрьмы, чтобы спустя два дня снова очутиться в камере.

На этот раз он был арестован за скандал в городской аптеке, заведующий которой Карл Пильберг уволил без согласия земской управы, но с ведома совета, служащего. Латкин зашел в аптеку и отчитал Пильберга за самоуправство. Последний обратился к съезду советов с просьбой оградить его от происков земца. Съезд постановил арестовать Латкина за новое непризнание советской власти. О дальнейшей судьбе Степана Осиповича источники расходятся. По одной версии, Латкина освободили из тюрьмы 1 апреля 1918 г. по ходатайству его приятеля, комиссара юстиции Н.В.Лодыгина. Комиссар выступил на съезде с речью, в которой в частности заметил, что «виновность Латкина сомнительная, между тем общепринятый срок для предварительного заключения до суда 48 часов уже истек»²⁰ Лодыгин предложил освободить Латкина, отобрав у него вид на жительство и взяв подписку о невыезде, что и было будто бы сделано по постановлению съезда.

По другой версии, Степан Осипович с конца марта по июнь 1918 г. содержался в заключении, о чем было известно даже Вологодской духовной консистории, получившей в апреле 1918 г. жалобу судебной организации Усть-Сысольска на действия уездного народно-революционного трибунала. Прося заступничества священнослужителей, судебная организация писала: «Самочинно возникшее... судилище - трибунал... заключает по своим приговорам ни в чем не повинных людей в тюрьму, как это было с председателем Усть-Сысольской земской управы Латкиным, осужденным на три месяца в тюрьму только за то, что он не признал советской власти». Консистория, разумеется, ни чем не могла помочь Степану Осиповичу, разве что лишила духовного сана Д.Я.Попова, комиссара по земским делам.²¹

В июне 1918 г. II съезд советов Усть-Сысольского уезда, на котором преобладали левые эсеры, объявил амнистию политзаключенным. Латкин вышел из тюрьмы. Он решил вновь поработать уездным агрономом и подал прошение об этом в Усть-Сысольский земельный комитет.

Одновременно редактор уездной газеты «Зырянская жизнь» левый эсер Д.С.Попов предложил Латкину стать зав. отделом сельского хозяйства в газете. Но грянувшая вскоре большевизация местного уездного совета сорвала планы Степана Осиповича.

Позднее советские историки назвали июньские события 1918 г. в Усть-Сысольске «местной Октябрьской революцией». Группа усть-сысольских большевиков, опираясь на архангельский отряд красноармейцев, разогнала некоммунистический состав уездного совета и водворила в него своих ставленников. Была разоружена левозеровская боевая дружина, ядро усть-сысольской организации кадетов арестовано и этапировано в Котлас (в сентябре 1918 г. кадеты были расстреляны, в том числе председатель Земского собрания Усть-Сысольского уезда Н.И.Митюшев).

Латкин понимал, что рано или поздно усть-сысольская ЧК расправится с ним, как с явным врагом советской власти. Поэтому он решил бежать. Как раз пронесся слух, что в Яренск приехал и выступает там с лекциями старый знакомый Латкина депутат Учредительного собрания П.А.Сорокин. Степан Осипович втайне от всех (жене он сказал, что идет на рыбалку) покинул Усть-Сысольск и направился в Яренск, надеясь встретиться там с Сорокиным.

Его бегство не сразу было замечено. Но уже осенью чекисты всюду разыскивали по Усть-Сысольскому уезду скрывшегося невесть куда бывшего председателя уездной Земской управы. 19 сентября 1918 г. председатель усть-сысольской ЧК М.М.Ляпунов разослал по всем волостным совдепам уведомление : «Усть-Сысольским ЧК разыскиваются скрывшиеся Кононов В.Н., Попов В.Ф., Латкин С.О., Фролов А.С. Гражданам, знающим их местожительство, предписывается немедленно довести до сведения ближайших Советов, которые должны их немедленно арестовать и под строгим конвоем представить в распоряжение Чрезвычайной Комиссии»²²

Но Латкин в это время был уже вне досягаемости Ляпунова.

Губернатор

Июль 1918 г. был месяцем повсеместных восстаний против советов и большевиков. 6 июля вспыхнуло Ярославское восстание. Шестнадцать дней повстанцы удерживали город в своих руках. После поражения ярославцев началось Шенкурское восстание, возглавляемое учителем М.Н.Ракитиным. Всюду носились слухи о готовящемся выступлении в Архангельске. Неудивительно, что из Яренска Латкин поехал сразу на север, тем более, что и Сорокин направился тоже в Архангельск (правда, в отличие от Латкина он доехал только до Усть-Пинеги).

Степан Осипович прибыл в Архангельск уже после антибольшевистского переворота. Созданное 2 августа 1918 г. Верховное управление Северной области (ВУСО) во главе с народным социалистом Н.В.Чайковским выпустило обращение к гражданам Архангельской

губернии, в котором указывалось, что «власть большевиков пала. Ненавидимое населением за предательство России в Бресте, за гражданскую войну, всеобщий голод, за попранные права и свободы, за узаконенный грабеж, расстрелы и за разрушенную хозяйственную жизнь, так называемая советская власть преступников и предателей не была поддержана народом в критическую для них минуту и бежала». ВУСО брало на себя «верховную государственную власть в Северном крае» и объявляло, что «считает себя учреждением временным» до того момента, когда в России «образуется демократическая, общегосударственная Верховная власть и как только установится возможность беспрепятственных сношений с нею»²³. 9 августа Белый Архангельск разослал во все отдаленные уезды губернии (Пинежский, Мезенский, Печорский) распоряжение о роспуске советов и восстановлении земских органов власти. 13 августа в Мезени распустили местный совет. 12-14 августа чрезвычайный съезд советов Печорского уезда признал власть Верховного управления Северной области.

Новое правительство очень нуждалось в активных и преданных Белому делу работниках. В управлении внутренних дел ВУСО С.О.Латкину сразу предложили стать начальником Архангельского уезда, но он отказался, выбрав должность особо уполномоченного УВД по Мезенскому уезду. Поскольку ситуация там в августе 1918 г. была еще неопределенной, Латкин выехал туда также в качестве уездного агронома.

К сожалению, деятельность Латкина в Мезенском уезде практически неизвестна. Ф.В.Буханцов пишет, что за время работы особо уполномоченным УВД ВУСО Латкин собирал сведения о положении дел в Усть-Сысольском и Яренском уездах, надеясь туда вернуться в качестве «правителя»²⁴. Возможно. Известно также, что в январе 1919 г. Латкин находился в Важгорте на Удоре и бежал оттуда вместе с белогвардейским гарнизоном, преследуемый частями Вашко-Мезенского советского полка. К этому же времени относится, наверное, и докладная записка Степана Осиповича помощнику Мезенского правительственного комиссара Окулову о неблагоприятной деятельности Удорского комитета общественной безопасности, спекулирующего поставками продовольствия для Белой армии.

По всей видимости, деятельность Латкина в Мезенском уезде была успешной. В апреле 1919 г. он был вызван в Архангельск, где получил пост чиновника особых поручений при Временном правительстве Северной области (ВПСО). В августе 1919 г. Латкина представили главнокомандующему Северным фронтом белых генерал-лейтенанту Е.К.Миллеру, в беседе с которым и решилась дальнейшая судьба Степана Осиповича. Штаб фронта планировал начать осенью 1919 г. наступательные действия в Вычегодском крае, в глубоком тылу красных, с целью выхода в район Котласа. Латкин был назначен «уполномоченным ВПСО для организации гражданской власти в местностях, освобожденных от советской власти» при вычегодском военном экспедиционном отряде²⁵.

5 сентября 1919 г. начальник Архангельской губернии И.В.Багриновский издал приказ № 107: «В целях согласования действий гражданских властей с военными заданиями, а также в целях объединения административной работы в Яренском уезде и других вновь занимаемых местностях Вологодской губернии... командую в пределы Вологодской губернии через с.Усть-Вашку Мезенского уезда в качестве уполномоченного отдела внутренних дел чиновника особых поручений при мне сверх штата С.О.Латкина. Уполномоченный о.в.д. пользуется в указанном районе правами начальника губернии и ему подчиняются все чины ведомства внутренних дел...»²⁶.

Долгое время считалось, что инициатива экспедиции на Вычегду и особенно организация добровольческого отряда исходили исключительно от Латкина. Это не совсем так. Большую роль в деле набора добровольцев сыграл также Г.Н.Сосунов, помощник начальника Архангельской губернии, а в дальнейшем помощник начальника Онежского района. Латкин, возможно, состоял с ним в дружеских отношениях. В телеграмме на имя Сосунова, отправленной из Усть-Кулома 12 января 1920 г. Латкин поздравляет его с Новым годом: «Молодцы-вычегодцы просят передать Вам свои поздравления и глубокую благодарность за содействия по организации отряда, который вылился теперь в полк, крепкий духом, готовый биться до последнего за Временное правительство, стоящего на страже справедливости. Радуюсь скорому нашему свиданию... Крепко жму руку...»²⁷.

Итак, в начале сентября 1919 г. усилиями С.О.Латкина, Г.Н.Сосунова и капитана (впоследствии подполковника) Н.П.Орлова, назначенного командиром, был сформирован Особый Вычегодский добровольческий отряд. В конце октября он вышел на Вычегду и захватил первый населенный пункт в Коми крае - с.Айкино. Здесь и началась деятельность Латкина в качестве «губернатора». На состоявшемся 30 октября общеволостном сходе Степан Осипович выступил с речью, в которой обрисовал военно-политическую ситуацию на Вычегде и призвал коми крестьян к поддержке действий Белой армии. На сходе была выбрана временная айкинская волостная земская управа во главе с А.А.Поповым. Одновременно айкинцы выдвинули белым своеобразный ультиматум: «Если Орлов не предпримет ничего решительного против коммунистов, то мы сами всех их перестреляем»²⁸. Это предложение внес на сходе зажиточный крестьянин Ф.Разманов, и оно было принято молчаливым большинством. Двух коммунистов (Н.М.Пыздырева и Н.Н.Тюрнина) спас от расстрела айкинский священник П.А.Богословский. Он также попытался составить в отношении арестованного фельдшера-большевика Н.И.Жижева приговор общества об освобождении, но не успел. Жижев был расстрелян комендантским взводом под командованием казака С.Матвеева.

В Айкино возродилась волостная ячейка эсеров, ядро которой составляли В.А.Исаков, К.Н.Чукичев, М.И.Калимов, Ф.Д.Малафеев и Ф.П.Чукичев. Латкин заверил товарищей по партии в полной победе Белого оружия и о планах созыва нового Всероссийского Учредительного собрания (как известно, Архангельское правительство поддержи-

вало политические программы А.В.Колчака и А.И.Деникина, одним из основных пунктов которой являлось «прекращение большевистской анархии... созыв Учредительного собрания на основе всеобщего голосования»²⁹. В отличие от Айкино, в Шежаме общее собрание граждан не разрешило арестовать и расстрелять ни одного коммуниста. Вообще, несмотря на торжественную встречу Белых войск колокольным звоном и хлебом-солью отношение большинства крестьян к ним было настороженным. Неизвестно было, что принесет новая власть, кроме репрессий к большевикам. Как выразился крестьянин с.Коквицы И.И.Коннин, «настроение населения было одинаково как к белым, так и к красным»³⁰.

Кое-где репрессии Белой власти в отношении коммунистов не были поддержаны населением, в ряде мест - наоборот. На сходе в Кересе, например, крестьяне сказали унтер-офицеру Ф.С.Полугрудову, чтобы он отвел коммунистов «куда угодно», они не против (надо заметить, что отец Полугрудова был расстрелян красными в Коквицах в январе 1919 г. и сын, понятное дело, мстил за него). В Гаме мужики встретили Латкина со словами благодарности, что он спас их волость от красных. На сходе в Гаме местный учитель, бывший эсер С.А.Марков записал под диктовку односельчан фамилии гамских большевиков и передал список карателям. В Жешарте сход постановил изгнать из волости учительницу Климушеву за то, что она «детей заражает коммунизмом». Латкин допрашивает Климушеву, потом отпускает на все четыре стороны (впоследствии, жешартская учительница вновь была арестована и препровождена в Айкино, где и сидела до эвакуации белых)³¹.

С занятием ряда населенных пунктов на Вычегде, Латкин шлет в Архангельск донесение, просит выслать продовольствие и финансы для освобожденных от красных территорий. На нужды Яренского и Усть-Сысольского уездов, автоматически вошедших теперь в состав Северной области, Латкин просил перечислить не менее миллиона рублей до конца 1919 г. (эти деньги действительно были выделены Архангельском 2 декабря 1919 г.).

7 ноября Степан Осипович со своей походной канцелярией прибыл в Яренск. Вечером в здании бывшей земской управы состоялось общегородское собрание, на котором присутствовало несколько сотен избирателей. Основной целью собравшихся являлись выборы в городскую думу и уездную земскую управу. Латкин присутствовал на собрании в качестве начальника Вологодской губернии. Это был первый город, в который он, образно выражаясь, въехал на белом коне.

Председателем уездной земской управы был выбран бывший народный судья при советской власти Н.В.Изюмов (до революции он уже однажды занимал эту должность). В состав управы попали Сергей и Василий Лапины, учитель А.А.Черепанов (бывший эсер), Н.А.Крюков, фельдшер М.В.Голнев, Н.В.Лукошников (он занял должность городского головы), учитель А.П.Губернский и др. Начальником Яренского уезда стал 39-летний А.В.Новоселов, бывший секретарь уездного земельного отдела; уездную милицию возглавил капитан Разманов, а

городскую - бывший заведующий канцелярией яренского советского военкомата, бывший большевик В.К.Тырин.

При яренском земстве была создана следственная комиссия под председательством А.П.Губернского. Она собирались два раза, в обоих случаях оправдав обвиненных в распространении идей коммунизма лиц (в первый раз был оправдан учитель Павлов, во второй - группа крестьян).

Новоселов после консультаций с Латкиным издал в период с 7 по 17 ноября 1919 г. ряд приказов и распоряжений по Яренскому уезду - своеобразную программу действий восстановленного земства. И если, скажем, «Приказы № № 1 и 2» от 7 и 10 ноября выполняли в основном охранные функции (запрещалось, в частности, противоармейская агитация, незаконные собрания, хранение огнестрельного оружия и т. д.), то более поздние распоряжения касались уже действительно восстановления досоветского порядка. Например, в предписании Княжпогостской волостной Земской управе № 23 от 17 ноября Новоселов писал о воссоздании института волостного суда (на основе статей 154-178 «Общего положения о крестьянах» издания 1902 г.), разрешении свободной торговли, отмене твердых цен, возвращении реквизированного и конфискованного при советской власти имущества прежним владельцам³² Последним сразу воспользовались все, кто лишился своей собственности при коммунистах. Так, бывший пароходовладелец Козлов из Онежья, не в силах вернуть себе национализированное и уплывшее невесть куда судно, забрал из Онежского советского клуба свою мебель.

Яренский союз кооперативов не эвакуировался с красными. Председатель союза М.А.Колычев после переговоров с Латкиным и Новоселовым отдал распоряжение возобновить торгово-закупочные операции по уезду. Белые не занимались грабежом складов кооперативов при первом занятии Яренска. Из документов кооперативов видно, что в первой половине ноября у них реквизировали всего два мешка сахара. Кооператоры отказались снабдить белую милицию зимней обувью и даже не были наказаны за подобную смелость. Захваченные при эвакуации советов на пристани Яренска грузы (4 тысячи пудов хлеба, 200 пудов табака, 10 тысяч аршин мануфактуры) были проданы населению на специально устроенных торгах. Даже спирт из яренской аптеки выдавался поначалу исключительно в медицинских целях (доктора Особого Вычегодского отряда Шомберг, Агафонов и Осколков в разное время реквизировали около десяти бутылок спирта для нужд отряда и некоторое количество медикаментов).

Когда Яренск вторично был занят белыми (20 ноября красные сумели выбить противника из города, но 24 ноября Н.П.Орлов вновь захватил его), тогда и начался грабеж кооператоров. На Удору были увезены 802 пуда пороха, 10 тысяч аршин мануфактуры, три ящика махорки, посуда, конфеты, папиросы, мыло, шесть бочек керосина и т. д. Видимо, во второй половине ноября 1919 г. белые уже не надеялись восстановить досоветский уклад жизни по Яренскому уезду: оставалось только грабить.

Как уже отмечалось, при С.О.Латкине возобновилась деятельность эсеровской партии. Из яренской тюрьмы выпустили арестованных поначалу меньшевиков-интернационалистов. Из массы яренских коммунистов каратели расстреляли всего пять человек. Часть большевиков, в основном руководящего звена, перешла на службу к белым (в том числе член яренского ревкома И.Д.Проскуряков, уже упоминавшийся В.К.Тырин, зав. транспортным отделом уисполкома А.Д.Ершов, начальник советской милиции 2 района Яренского уезда С.Калинин, председатель Коквицкого совдепа Седрысев и др.).

В городе остались практически все учителя (хотя усть-сысольская газета «Зырянская жизнь» и писала, что вся интеллигенция оставила Яренск - это не так), так что вскоре занятия в школах возобновились. 11 ноября состоялся общегородской педсовет, на котором учителя постановили вести занятия в школах по положениям, существовавшим при Временном правительстве 1917 г. Позднее, 27 декабря 1919 г. за преподавание при белых учителя Н.К.Тяпугин, Н.В.Кочнева, П.А.Гулынин, Н.К.Писарева и А.П.Губенский были исключены из школ³³

Весь ноябрь 1919 г. в Яренске шел ремонт городской больницы. Земство составило смету на ремонт грунтовых дорог в уезде и на строительство станционных зданий по Шежамо-Бутканскому тракту. В Айкино были размещены оружейные ремонтные мастерские, открылся лазарет.

Яренск имел праздничный вид. Не случайно даже враги белых, в частности, Елена Покровская, сестра известных в уезде большевиков - братьев Покровских, писала в своих воспоминаниях: «Местная буржуазия, до сих пор притаившаяся, зашевелилась. Купчихи надели свои пропахшие нафталином ротонды, служили молебны. Здание уездного комитета РКП(б) по чьей-то контрреволюционной инициативе было окроплено духовенством святой водой, отслужен молебен. Слышался звон колоколов. Белогвардейские офицеры, одетые в английские военные шинели, кутили, пьянствовали...Везде были вывешены монархические флаги»³⁴.

Из Яренска С.О.Латкин направился в Усть-Сысольск, который был освобожден от красных 15 ноября отрядом фельдфебеля С.Е.Завьялова. Под канцелярию начальника Вологодской губернии был занят советский клуб «Звезда» (бывшее здание магазина Дербеневых). Штат канцелярии резко увеличился за счет вернувшихся из-под Визинги заложников красных (при эвакуации из Усть-Сысольска ЧК этапировал в Мураши 19 заложников, но в пути конвоем они были отпущены на все четыре стороны, хотя комиссар И.П.Чукичев и требовал расстрелять их всех). Кстати, красные взяли в заложники и отца С.О.Латкина. Он был доставлен в Великий Устюг специальным этапом и помещен в губернскую тюрьму.

Прибыв в Усть-Сысольск, Латкин отдал распоряжение начальнику временной охраны города А.П.Кудинову прекратить беспорядки в городе (горожане грабили склады и магазины), арестовать зачинщиков, а также всех большевиков и активистов советской власти, произвести учет спирта. В усть-сысольскую тюрьму препроводили «24 человека,

г.Усть-Сысольск (ныне г.Сыктывкар). Здание магазина купцов Дербеневых, в котором в 1918 г. был открыт светский клуб «Звезда», а в ноябре 1919 г. разместилась канцелярия начальника Вологодской губернии С.О.Латкина.

Несмотря на неоднократные поиски, фотографии самого С.О.Латкина автору публикации не удалось пока разыскать. Нет ее и в личном деле архива управления ФСБ РФ по Республике Коми.

коммунистов среди них не было, если не считать бывших, исключенных из партии либо по собственному желанию, либо за провинности. Всех таких экс-коммунистов выдал белой милиции С.А.Надеев, один из немногих действительных большевиков, оставшихся в городе. После того, как городскую милицию возглавил бывший усть-сысольский воинский начальник, полковник царской армии И.И.Львов, аресты стали производиться исключительно на основании ордера. Любопытный случай, связанный с этим, произошел во время задержания активиста советской власти П.Ф.Парилова, обвинявшегося в краже конфет из потребительской лавки. Когда милиционеры пришли его арестовывать, Парилов решительно воспротивился следовать в тюрьму, мотивируя свой отказ отсутствием у стражей порядка ордера. Он был арестован только со второй попытки, когда Львов выдал ордер на его задержание³⁵.

Всего в усть-сысольской тюрьме содержалось за время Белой власти по разным данным от 40 до 100 арестантов. Никто из них не был расстрелян. Усть-сысольский священник Б.А.Едский ходил на прием к Латкину хлопотать об освобождении арестованных. Латкин заявил ему, что беспокоиться не нужно, все будут освобождены. В специальном воззвании Степан Осипович заверил население Усть-Сысольска в миролюбии новой власти: «никто не будет расстрелян»³⁶. Пять человек, в том числе известный в Усть-Сысольском уезде советский деятель И.С.Юрьев, были отправлены по этапу в Архангельск. После взятия столицы Северной области Красной армией в феврале 1920 г., все они благополучно вернулись домой.

18 ноября в Усть-Сысольске состоялись сразу два больших собрания: учителей и по выборам в уездное и по выборам в уездное и городское земство. На собрании учителей Латкин выступил с речью, где призвал педагогов вернуться к досоветской системе преподавания. Советские школы 2-й ст. Были реорганизованы в высшие начальные училища. Предмет «закон божий» вновь ввели в школьный курс. Вскоре после собрания школьные занятия в городе и близлежащих волостях возобновились.

Общегородское собрание по выборам в земство проходило в бывшем советском клубе «Звезда». На нем присутствовало около 500 избирателей. Председателем собрания являлся Н.А.Суханов, делопроизводитель усть-сысольского лесозаготовительного округа. Он предложил на пост председателя временной Усть-Сысольской уездной Земской управы В.А.Тентюкова, кандидатура которого и была утверждена собранием. В состав уездной управы избрали кроме того Н.А.Суханова (зам. председателя), В.П.Титова, Н.А.Забоева, Г.Д.Оплеснина, А.И.Бессонова, З.Д.Следникова, В.П.Кудинова, В.А.Прокопьева и др. Председателем городской думы стал П.А.Забоев, бывший заведующий коммунальным отделом и жилищным подотделом уисполкома. Городским головой избрали инвалида И.П.Лыткина. Состав гласных думы решено было не избирать - все, кто были выбраны в думу последнего созыва, согласились работать в новых условиях. Начальником уезда был назначен Г.Ф.Ролланд, бывший заведующий лесным подотделом уисполкома,

уездную милицию возглавил землемер Л.А.Ботнев, бывший подпоручик царской армии. Городской тюрьмой по-прежнему ведал П.В.Колотов, которому по всей видимости было совершенно безразлично, кого содержать в камерах - белых или красных.

Вновь выбранная уездная управа тотчас занялась делами. В первую очередь необходимо было решить продовольственную проблему. Население самовольно растащило по домам значительные запасы хлеба из ссыпных пунктов. В Зеленце, например, местные припрятали весь складированный там хлеб, предназначенный для 600 ижемских беженцев. Чтобы изъять этот хлеб и вывезти его в Усть-Сысольск, в Зеленец выехала специальная комиссия земства во главе с В.А.Тентюковым и Г.Д.Оплесниным. Ей удалось собрать в волости более 167 пудов хлеба, который был вывезен в город и реализован горожанам.

Латкин обратился в штаб Печорского района белых к полковнику В.Ахаткину за помощью в снабжении гражданского населения уезда продовольствием. 9 декабря из Усть-Цильмы для «начальника Вологодской губернии» был отправлен первый обоз с продовольствием (87 пудов муки, свыше 43 пудов мяса, 28 пудов рыбы, 14 пудов крупы, 8 пудов сахара и т.д.). Груз добрался до Латкина, когда тот уже находился в Усть-Куломе.

Большую деятельность кроме продовольственного развил лесной отдел земской управы. Дело в том, что при эвакуации красных весь отряд уездной лесной стражи остался в Ибе и, дождавшись прихода белых, вернулся в Усть-Сысольск, так что дефицита в кадрах лесной отдел не ощущал. По возвращении в Усть-Сысольск лесничий Н.С.Соборский передал Латкину казну союза трудовых лесных артелей на сумму 198111 рублей, а Г.Ф.Ролланд - последнюю выручку от продажи леса - 86000 рублей. Лесничие предложили отпускать населению лес по инструкции 1900 г., причем несостоятельным - бесплатно. Лесной отдел организовал в Усть-Сысольске продажу дров, сумма от которой (131833 рубля) поступила в фонд земства.

20 ноября 1919 г. уездная Земская управа разослала по всем волостям Усть-Сысольского уезда отношение № 30 за подписью В.А.Тентюкова с распоряжением «О немедленном преобразовании волисполкомов во Временные волостные земские управы». В командировку по сысольским и вычегодским волостям отправились земцы Н.А.Суханов, П.А.Забоев и И.П.Лыткин. Суханов посетил, например, Пезмог, Небдино, Подъельск, Визябож, Большелуг, Богородск, Усть-Кулом, везде созывая народные сходы в поддержку земства. Забоев ездил в Пажгу и Иб, раздавал там архангельские газеты. В Пажге председателем волостной управы был избран Н.Ф.Конев, в Ибе - А.Я.Сямтомов.

Любопытная история с воссозданием земских учреждений произошла в Койгородской волости. Получив отношение усть-сысольской управы № 30, секретарь волисполкома В.С.Лихачев назначил крестьянский сход на 27 ноября, на котором собравшиеся постановили: «Выборы отложить впредь до выяснения результатов по этому поводу в соседних волостях (Ужгинской и Гривенской), но не позднее 30 ноября»³⁷. Пока шло «выяснение», Сысола была уже обратно отвоевана красными, и в

Койгородок вернулись коммунисты. Однако 30 ноября 1919 г. собрание граждан волости по выборам в волостную земскую управу все равно состоялось. Волостной военный комиссар П.Гуляев за попытку конфисковать переписку с белым Усть-Сысольском был избит и изгнан с собрания. Однако вечером 30 ноября в Койгородок вступил отряд красноармейцев из Объячево, и страсти по выборам в земство улеглись.

С.О.Латкин тем временем подготовил к тиражированию свое политическое воззвание «К простому зырянскому народу»: «Я - Степан Осипович Латкин, природный зырянин... Я хорошо знаю все недостатки края, которые ныне же нужно изжить... Прежняя царская власть пала, теперь вся власть государственная находится в руках большевиков, которые, чтобы склонить на свою сторону простой крестьянский народ, обещают многое, но они обманывают, не верьте им. Они уничтожили правительство, разложили войска, производят всюду грабежи, отняли имения помещиков, разрушили монастыри, множество храмов, святыни сожгли, множество архипастырей и пастырей расстреляно... Долго ли будет терпеть эти бедствия русский мужик? Давно пора встать на его защиту... Открывайте в волостях Земские управы, восстанавливайте полицию, и мы скоро очистим свой край от неугодной нам власти... Я... употреблю все силы и средства для приведения края в мирное положение»³⁸. Воззвание предполагали опубликовать в типографии З.Д.Следникова, но по каким-то причинам оно так и не увидело свет. Вместо этого типография напечатала различные «объявления» Латкина, касающиеся нормализации экономической и политической ситуации в уезде. В частности, запрещались «хищения советского имущества», объявленного государственным; запрещались также самовольные аресты и хранение огнестрельного оружия; разрешалось хождение советского рубля на рынке совместно с «северным» и т.д.³⁹

Ходоки из сысольских волостей обратились к начальнику Вологодской губернии с запросом, что им делать с землей, передел которой был осуществлен при советской власти. Латкин ответил, что «раздел земли, отобрание и передача ее от одних граждан к другим ни в коей мере не подлежит его компетенции, и что эти вопросы должны быть разрешаемы самими гражданами со специальными земельными отделами»⁴⁰.

Несмотря на близость фронта в Усть-Сысольске жизнь постепенно нормализовалась. Работали магазины, лавки, школы, церкви. Открылась столовая для солдат (заведующий столовой Малыгин был в свое время ярым активистом советской власти, с приходом белых он долго ждал своего ареста, но так и не дождавшись, решил кормить белогвардейцев). Состоялась свадьба учителя пения Покровского на дочери известного в Усть-Сысольске купца В.П.Комлина. По воспоминаниям А.А.Потаповой, «свадьба была отпразднована особо пышно»⁴¹. Сыграл свою новую свадьбу и С.О.Латкин - на некоей купчихе Суворовой (развод с Софьей Астраханцевой Латкин оформил лишь в 1926 г.).

Между тем, положение на фронте как на Сыsole, так и в Яренском уезде день ото дня становилось для белых все хуже и хуже. 17 ноября 1919 г. начальник Яренского уезда А.В.Новоселов в своем рапорте Латкину писал: «Банды Красной армии и коммунисты во главе с воен-

ным комиссаром Коковкиным... 200-300 человек... окопались около Козьминской волости. Их разбойничье-разведочные отряды, разъезжая по деревням, грабят мирных жителей, забирая живой инвентарь, хлеб, овощи и прочее... Население этих волостей умоляет о помощи...»⁴².

В последних числах ноября в Усть-Сысольск прибыла рота поручика Иванова из 10 Печорского полка. Она была сразу направлена на фронт, но военную ситуацию под Усть-Сысольском уже нельзя было изменить. Ударная группировка красных под командованием коменданта Вятки Б.В.Контрыма численностью 1830 штыков и сабель теснила на север малочисленный сысольский отряд белых. В Усть-Сысольске началась паника. 30 ноября Латкин выехал из города. Он отдал распоряжение выпустить из тюрьмы часть арестованных, а остальных этапировать в Корткерос. Последнее не было выполнено. Арестанты благополучно дождались прихода красных. 2 декабря войска Контрыма вошли в Усть-Сысольск. Яренск к этому времени тоже был вновь советским.

Усть-Кулом

После эвакуации Усть-Сысольская уездная земская управа разместились в Усть-Куломе. Здесь Латкин образовал т.н. «президиум», куда помимо него вошли председатель Усть-Сысольской городской думы П.А.Забоев и начальник милиции Усть-Сысольского уезда Л.А.Ботнев. «Президиуму» принадлежала вся гражданская власть на верхней Вычегде.

В первую очередь Степан Осипович связался по телеграфу с остатками Особого Вычегодского добровольческого отряда, отступившего на Удору. Вскоре удалось выяснить, что старшим в удорском отряде является поручик Глыжев, находящийся в Кослане. Ему Латкин и отправил телеграмму: «Немедленно телеграфируйте в Усть-Кулом подробно о состоянии отряда, и какие части Вычегодского отряда отступили в Кослан. Получен приказ Главкомсева развернуться в полк. Необходимо готовиться к выступлению сюда батальонного имущества, не оставлять ничего. Где жена покойного подполковника Орлова?»⁴³. Начальник Яренского уезда А.В.Новоселов, тоже находившийся на Удоре, получил вскоре предписание Латкина: «Предлагаю вам заняться организацией администрации и выполнять мои обязанности в Удорском крае, который является частью Яренского уезда... Срочно телеграфируйте... о беженцах и их положении...»⁴⁴.

Некоторое время Усть-Кулом и Удора непрерывно обменивались телеграммами, выясняя прежде всего судьбы тех, кто погиб или не сумел отступить с армией. Позднее Латкин ездил в Ульяновский Троице-Стефановский монастырь, где в беседе с настоятелем о.Амвросием попросил монахов отслужить панихиду по убиенным офицерам и солдатам Особого Вычегодского добровольческого отряда.

15 декабря 1919 г. начальник Вологодской губернии представил к наградам большую группу офицеров, унтер-офицеров и рядовых стрелков.

К Георгиевскому кресту 2-й ст. Был представлен и фельдфебель С.Е.Завьялов, первым вошедший в свое время в Усть-Сысольск. Георгиевской медалью 4-й ст. Был награжден начальник усть-куломского почтово-телеграфного отделения В.Н.Бобров, приложивший максимум усилий для восстановления телефонной связи на верхней Вычегде. (Заметим, что Бобров был большевиком, в связи с чем усть-куломцы написали Латкину донос, возмущенные тем, что «слепые коммунисты, т.е. второстепенные расстреляны, шайка же коммунистов, среди которых находится... Бобров и его жена и остальные служащие телеграфа /продолжают работать при белых/»)⁴⁵. Латкин не обращал внимания на доносы - ему нужны были работники вне зависимости от их партийной принадлежности. Множество коммунистов на верхней Вычегде было мобилизовано в ряды Белой армии, в том числе и в Керчомский партизанский отряд, занимавшийся разведкой не только на вычегодском, но и на пермском направлениях.

Но репрессии в отношении большевиков тоже проводились. В Помоздино находилась карательная рота поручика Вяткина, которая занималась дознанием арестованных коммунистов, этапированием их на Печору и иногда расстрелами. Например, в январе 1920 г. в Троицко-Печорск доставили 13 арестованных вычегодских коммунистов, которые приказом капитана Шульгина были зачислены на провиантское и табачное довольствие в местной тюрьме.

В Усть-Куломе был расстрелян советский судья С.П.Кочанов (по возвращении большевики даже хотели переименовать Усть-Кулом в Кочаново), в Помоздино - Д.Ф.Каликова (в 1920е гг. Домна Каликова была возведена в ранг народной коми героини, в ее честь устанавливали памятники, переименовывали улицы и т.д.). На протяжении десятилетий советские историки и писатели инкриминировали Степану Осиповичу допрос Домны Каликовой. По архивным материалам следственного дела Латкина 1926 г. видно, что он «не допрашивал и не видел ее совсем»⁴⁶.

В отличие от пребывания в Усть-Сысольске Латкин не строил никаких политических планов на будущее в качестве начальника Вологодской губернии, а занимался более прозаическими делами. Прежде всего это были продовольственное снабжение населения и формирование 14 Северного Вычегодского полка. 21 декабря Степан Осипович вновь обращается в Архангельск с просьбой выделить продовольствие для Усть-Сысольского и Яренского уездов: «Население совершенно не имеет продовольствия. Мне приходится делиться имеющимися скудными запасами. Яренский начальник уезда сообщает о безвыходном положении 1000 беженцев на Удоре, помочь которым я не могу. Денег до сих пор не получил. Обходимся пока займами и пожертвованиями. Просьба перевести через полковника Ахаткина деньги»⁴⁷.

Командующий Печорским районом белых Виктор Ахаткин знал о бедственном положении Усть-Кулома. Он старался как мог помочь Латкину, организуя для населения верхней Вычегды продовольственные обозы, а для формируемого 14 полка поставки оружия и обмундирования с Печоры. В начале января 1920 г. полковник Ахаткин выехал в

инспекционную поездку по верхней Печоре и Вычегде. 6 января он встретился в Усть-Куломе с Латкиным и заверил его, что интендантство Печорского района будет снабжать верхнюю Вычегду всем необходимым по мере возможности.

Кадровое печорское офицерство (особенно командир верхнепечорской группировкой войск капитан Шульгин) не испытывало особых симпатий к начальнику Вологодской губернии. По приказу из Архангельска военные подчинялись Латкину в гражданских делах, в первую очередь в отношениях с местным населением, но за глаза прозвали Степана Осиповича «агрономом» и посмеивались над его стремлением примирить коммунистов и их врагов.

Такое стремление у Латкина одно время действительно наблюдалось. В частности в декабре 1919 г. во время посещения Усть-Немской волостной земской управы, куда по мнению белогвардейских офицеров «проникли коммунисты», Степан Осипович заявил, что «неприкосновенность выборного лица должна быть безусловной, независимо от его политических взглядов»⁴⁸. В Керчомье накануне Нового года местные учителя устроили елку для школьников и населения. Латкин вместе с Суворовой ездил на елку, организовал сбор и раздачу новогодних подарков. Для Латкина эта керчомская елка стала своеобразным символом несбыточного гражданского мира.

В январе 1920 г. в Усть-Куломе состоялся парад сформированного 14 Северного Вычегодского полка. Парад принимали исполняющий обязанности комполка штабс-капитан А.О.Прокушев и С.О.Латкин. Степан Осипович произнес перед солдатами большую речь, смысл которой состоял в необходимости продолжения борьбы с большевизмом. Солдаты, как это и полагается, ответили троекратным «ура».

20 января С.О.Латкин с Суворовой и Н.С.Соборским выехали в Архангельск (по другим источникам, Суворова осталась в Усть-Куломе). Путь был неблизким - через Ижму, Мезень и Пинегу, так что добрались до столицы Северной области только в феврале. В Архангельске Латкин узнал, что за участие в экспедиции на Вычегду ему присвоен офицерский чин подпоручика. Постановлением ВПСО от 9 февраля 1920 г. он награждался также орденом Святого Владимира 4-й ст. с мечами и бантом⁴⁹.

Латкин был весьма удивлен производством в офицеры и позднее писал об этом: «Когда я пришел в штаб, чтобы указать, что я совсем не желаю быть военным, и тем более офицером, да и не могу быть таким, так как никогда в жизни не был в строю и не знаком ни теоретически, ни практически с военной специальностью, мне ответили, что это от меня и не требуется, так как штаб и не предполагает использовать меня как военную силу, но что наградить меня нужно именно офицерским чином, чтобы в дальнейшей моей работе в Усть-Куломе военные власти смотрели на меня тоже как на военного, что в значительной мере может сглаживать взаимоотношения между мной и остальными»⁵⁰. Степан Осипович дал телеграмму в Усть-Кулом, что возвращается обратно, но обстоятельства помешали этому возвращению. Е.К.Миллер предложил Латкину занять пост управляющего отделом внутренних дел

ВПСО. Мотивируя это тем, что кандидатура Латкина выдвинута Земско-городским совещанием Северной области, но Степан Осипович отказался. Он был назначен начальником Архангельской губернии. Однако в этой должности Латкин пробыл всего несколько недель.

Казавшийся прочным Северный фронт в середине февраля 1920 г. внезапно рухнул вследствие многочисленных солдатских мятежей. Во многом этому способствовала порочная практика белогвардейского командования пополнять фронтовые части пленными красноармейцами. Министр ВПСО Б.Ф.Соколов так писал об этом в своих мемуарах: «... Многие тысячи красных солдат... заполнили все фронтовые части. Были роты, где 90% состояло из красноармейцев... Проверки их большевизма не было, почти не было. Поэтому нередко оказывалось, что ответственные коммунисты попадали в боевые части, или что коммунисты - комиссары попадали в штаб полка или дивизии, на телеграф и так далее, как наиболее расторопные... Почему-то считалось, что пленные красноармейцы надежны. Это было очевидное недоразумение. Конечно, они были, за исключением немногих коммунистов, - антибольшевиками. Но в то же время они были необыкновенно пассивны. По духу своему они были «зеленые». Им хотелось домой и снова домой. Они прекрасно воевали, когда были в крепкой духом части... Но в полку, где была неопределенная обстановка, они с таким же успехом могли и защищать белых и напасть на них, а вернее всего просто отойти в сторону... Чрезмерное и необдуманное пополнение полков пленными красноармейцами оказалось... губительно на фронте»⁵¹.

19 февраля 1920 г. главнокомандующий Северным фронтом белых генерал Е.К.Миллер оставил Архангельск, отплыв в Норвегию на яхте «Ярославна». Вместе с ним эвакуировалось на ледоколе «Канада» около 600 человек правительственных чиновников, военных, женщин и детей. С.О.Латкин и Г.Н.Сосунов были в их числе. Н.С.Соборский, который выехал с Латкиным из Усть-Кулома в Архангельск, тоже получил приглашение на борт «канады», но отказался покинуть Россию (красными он потом был осужден на 15 лет концлагерей).

Началась заграничная страница жизни С.О.Латкина.

Возвращение в СССР

Прежде чем осесть в Англии и заняться книжной торговлей, Латкин много путешествовал по Европе, правда, в основном по служебным делам. По словам Ф.В.Буханцова, за границей Степан Осипович стал одним из доверенных лиц Е.К.Миллера, занимавшего в 1920-1922 гг. пост главноуполномоченного и начальника штаба барона П.Н.Врангеля в Париже.

В 1921 г. Латкин открыл книжную лавку «Родное слово» в Лондоне. Она помещалась на Шафтсбери-авеню, 222. Именно этот адрес был указан для почтовой корреспонденции из Советской России. В Лондоне Латкин выписывал газету «Югид туй» из Усть-Сысольска. Согласно

тому же Ф.В.Буханцову, книжная лавка Латкина «...имела двойное назначение. Днем бывший губернатор, забавно мешая русские и английские слова, услужливо предлагал покупателям книги, журналы и газеты различных оттенков и направлений... Но вечером же в просторной квартире Латкина, примыкавшей к книжной лавчонке, собиралось изысканное общество, состоявшее из бывших «хозяев» России, вышвырнутых за границу Октябрьской революцией. Оказавшись на чужбине, они отнюдь не считали себя побежденными. И хотя из России приходили совсем неутешительные для них вести, многие из них были уверены, что власть большевиков - это временное явление. Разгоряченные неумеренными порциями спиртного, они строили самые невероятные, порой фантастические планы похода на Советскую Россию»⁵².

Проводимая советским правительством в начале 1920х гг. новая экономическая политика направленная на восстановление и укрепление мелкого частного капитала (прежде всего в сельском хозяйстве), вызвала у некоторой части российской эмиграции призрачную надежду на перерождение советской России. В связи с этим штаб Врангеля пытался переправить в СССР как можно больше подготовленных людей, которые бы в случае необходимости могли возглавить антибольшевистские выступления на местах. Так во всяком случае историки объясняли раньше причину возвращения С.О.Латкина на Родину.

Впервые идею о возвращении Латкин решил реализовать еще весной 1921 г., когда в лондонской гостинице «Ферст-авеню» он встретился с советским полпредом Л.Б.Красиным и попросил его хлопотать о разрешении на въезд в советскую Россию. 31 января 1922 г. Степан Осипович направил Красину письмо, в котором в частности писал: «Весьма Вам благодарен за Ваше обещание поговорить в Москве о возможности моего возвращения на Родину. Сообщаю о себе: с тюрьмой познакомился в 1904 г. и распрощался с ней в 1918 г. Были крупные должности, служил агрономом, в земстве. Участвовал в походе на Вычегду в качестве уполномоченного Красного Креста. Никто не был казнен мною или по моему повелению...»⁵³. Несмотря на обещание Красина, визу на въезд Латкин в 1922 г. не получил.

В 1924 г. в Англии побывал с делегацией наркомата земледелия РСФСР профессор Н.Д.Кондратьев, старый деятель партии эсеров, хорошо знавший Латкина со слов работника наркомата земледелия М.А.Большакова (мужа сестры Степана Осиповича Марии). В Лондоне Кондратьев несколько раз встречался с Латкиным и посоветовал ему вновь подавать заявление о возвращении, на этот раз в качестве сельскохозяйственного специалиста, в которых СССР нуждался. Так Латкин и сделал. В свою очередь, Кондратьев, вернувшись в Москву, тоже обратился к властям с ходатайством о выдаче разрешения на возвращение Латкину, так как тот, по словам профессора, «является дельным работником и его возвращение в СССР было бы крайне желательным»⁵⁴. В конечном итоге в июле 1925 г. С.О.Латкин смог приехать в советскую Россию.

Некоторое время он жил на квартире Большаковых в Москве, а потом, с помощью Кондратьева получив должность агронома в Поволжской колонизационно-мелиоративной экспедиции, выехал в Саратов.

В Саратове жил сын Латкина Василий, студент Саратовского индустриального техникума. Отец и сын встретились после долгой разлуки и стали жить вместе. По архивным данным, вскоре между ними возникли нелады, но причина неприязненных взаимоотношений не известна.

Проработал Степан Осипович в Саратове недолго, до весны 1926 г. За это время он несколько раз выезжал в командировки по губернии для сельскохозяйственного обследования районов, предназначенных для переселенцев. В селе Дергачи им были организованы сельскохозяйственные курсы для старожилов и переселенцев. Начальник экспедиции Баранов высоко отзывался о Латкине, считая его «крайне полезным работником»⁵⁵.

15 марта 1926 г. С.О.Латкин был арестован ОГПУ. Коми газета «Югид туй» в номере от 15 июня 1926 г. сообщила читателям, что «... коми областным отделом ОГПУ разыскан на территории СССР и арестован белогвардейский «губернатор» Степан Латкин. Латкин для следствия и суда доставлен в Усть-Сысольск»⁵⁶ 28 июня 1926 г. ему было предъявлено обвинение в организации Белого движения в Коми крае и убийствах коммунистов и беспартийных активистов советской власти - всего 113 человек. Еще до начала судебного процесса коми обком РКП(б) организовал подачу с мест писем от «народа» с требованием смерти Латкина, как главного палача и душегуба в годы Гражданской войны на коми земле.

Следствие в Усть-Сысольске продолжалось до конца 1926 г. На допросах Степан Осипович держался достойно. Из его дела видно, что он не назвал ни одной фамилии своих агентов в Усть-Сысольском и Яренском уездах, снабжавших его информацией о положении дел на советской территории в 1919 г. Латкин также сделал заявление, что по его приказу коммунисты и советские деятели не расстреливались - этим занимались военные каратели. В Усть-Сысольске, например, не был расстрелян ни один коммунист или советский активист. Наоборот, как здесь, так и в других местах он, Латкин, брал к себе на службу раскаявшихся большевиков. Приговоры о расстрелах или арестах коммунистов выносили местные крестьянские общества, которыми, собственно, и руководствовались карательные органы белых.

Поток писем с мест тем временем нарастал. Трудящиеся Коми области требовали от властей «применить по отношению к Латкину высшую меру социальной защиты», в крайнем случае - «длительное тюремное заключение», как писали, например, граждане Сторожевской волости⁵⁷.

ОГПУ привлекло по делу С.О.Латкина сотни лиц. Были допрошены фактически все мало-мальски знавшие Степана Осиповича люди, в том числе В.Ф.Попов, А.А.Черепанов, Н.В.Лодыгин, Б.А.Едский, З.Д.Следников и др. Агенты ОГПУ разыскали во многих отдаленных уголках советской России бывших белогвардейцев, участвовавших в Вычегодском походе 1919 г., и допросили их, пытаясь выяснить роль Латкина, как «губернатора». На дому отца Латкина был устроен обыск.

Его произвели и на квартире Марии Большаковой, которая приехала из Москвы в Усть-Сысольск помогать брату. Уполномоченный коми отдела ОГПУ А.Рубинов запросил Москву о санкциях на допрос мужа Марии М.А.Большакова, но получил отказ.

14 августа 1926 г. чекисты перехватили письмо Латкина сестре, в котором содержались такие строки: «Рубинов нападает на то, что я производил массовые аресты... Не верно... Что я допрашивал Домну Каликову. Я ее не видел. Словом - приписывается мне очень много и все на основании свидетельских показаний. Рубинов говорит, что я хвастался на свадьбе у В.П.Комлина, что я приехал в Усть-Сысольск специально, чтобы повесить всех коммунистов, и что это подтверждают участники этого пира. Какая ложь! Как раз наоборот: мой разговор с И.И.Комлиным, где я подчеркиваю, что я никого не буду вешать и убивать и что слухи о моей жестокости ложны. Словом, свидетельств против меня - очень много. Будут ли за меня - не знаю»⁵⁸.

Еще одно письмо Латкина сестре чекисты перехватили в сентябре 1926 г. Из него можно узнать, что в камере Латкин вел дневник («не для потомства, а просто поговорить»)⁵⁹. Свидания Степана Осиповича с отцом и сестрой не разрешались. В тюрьме он содержался в одиночной камере.

14 декабря 1926 г. А.Рубинов передал дело С.О.Латкина в Москву. Сам обвиняемый был отправлен туда же по этапу 20 декабря. 28 февраля 1927 г. коллегия ОГПУ постановила передать дело Латкина на рассмотрение Особого совещания. 23 марта 1927 г. Особое совещание при коллегии ОГПУ решило «войти с ходатайством в Президиум ЦИК СССР о предоставлении коллегии ОГПУ права вынесения внесудебного приговора по делу Латкина». 1 апреля 1927 г. Президиум ЦИК СССР рассмотрел ходатайство и удовлетворил его. Без суда Степан Осипович был приговорен к расстрелу 18 апреля 1927 г. Все это время он содержался в Таганской тюрьме (камера № 1) и Внутренней тюрьме НКВД.

После приговора о расстреле Латкин пишет письмо во ВЦИК СССР: «Приговором коллегии я присужден к расстрелу. Не желая просить пощады, я протестую против подобной расправы, которая творится вопреки здравому смыслу и вопреки законов (6 пункт 4 статьи Уголовного и Процессуального кодекса и 2 примечания 33 статьи Уголовного кодекса РСФСР). Просить пощады или помилования я считаю для себя абсолютно невозможным. Гордость ли это? Может быть да, а может быть здесь не гордость, а простой искренний протест, и протест нужный, на мой взгляд»⁶⁰.

Расстрелян Латкин был, по всей видимости, не сразу, ибо только 18 сентября 1927 г. газета «Югд туй» в заметке «Венок на могилу палача» сообщила читателям, что «губерниягом губернатор» (т.е. «губернатор без губернии» на коми языке) расстрелян.

Так завершился жизненный путь самого известного политического деятеля Коми края начала XX века.

¹ Ныне г.Сыктывкар.

²Небдино - старинное коми село на реке Вычегде.

-
- ³Буханцов Ф.В. Конец «губернатора» Латкина / Призваны революцией. - Сыктывкар, 1987. - С.28.
- ⁴Центральный государственный архив Республики Коми (ЦГА РК). Ф.963. Оп.1. Д.17. Л.142.
- ⁵Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований (КРГАОПДФ). Ф.520. Оп.1. Д.48. Л.1.
- ⁶Там же. Л.69.
- ⁷Архив управления ФСБ РФ по Республике Коми (Архив ФСБ РК). № 9662. Т.2. Л.200.
- ⁸Архив Коми научного центра УрО РАН (Архив КНЦ). Ф.5. Оп.2. Д.62. Л.155.
- ⁹Сорокин П.А. Долгий путь. - Сыктывкар, 1991. - С.96.
- ¹⁰Вологодские губернские ведомости. - 1917. - 4 авг.
- ¹¹ЦГА РК. Ф.1010. Оп.1. Д.73. Л.58.
- ¹²Там же. Л.57.
- ¹³Там же. Л.67.
- ¹⁴Там же. Ф.963. Оп.1. Д.13. Л.120.
- ¹⁵Известия Усть-Сысольского уездного очередного Земского Собрания. - 1918. - 22 янв.
- ¹⁶ЦГА РК. Ф.1010. Оп.1. Д.73. Л.97-98.
- ¹⁷Журналы Учредительного съезда 17 января 1918 г. и Усть-Сысольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, заседаний 18, 20 и 22 января 1918 г. - Усть-Сысольск, 1918. - С.8.
- ¹⁸ЦГА РК. Ф.69. Оп.1. Д.1. Л.14.
- ¹⁹Там же. Ф.1010. Оп.1. Д.73. Л.137.
- ²⁰Там же. Л.139.
- ²¹Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф.496. Оп.1. Д.20192. Л.132-133; Д.20193. Л.64.
- ²²ЦГА РК. Ф.1010. Оп.1. Д.73. Л.207.
- ²³Там же. Ф.963. Оп.1. Д.8. Л.1-2.
- ²⁴Буханцов Ф.В. Конец «губернатора» Латкина. - С.33.
- ²⁵ЦГА РК. Ф.1715. Оп.1. Д.89. Л.16.
- ²⁶Там же. Д.93. Л.188.
- ²⁷Там же. Ф.1320. Оп.1. Д.47. Л.5.
- ²⁸Там же. Ф.963. Оп.1. Д.17. Л.19.
- ²⁹Там же. Ф.869. Оп.1. Д.1. Л.18.
- ³⁰Там же. Ф.963. Оп.1. Д.17. Л.8.
- ³¹Там же. Л.22-23.
- ³²Известия Яренского Уездного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов. - 1919. 17 дек.
- ³³Известия Яренского Уездного Совета... - 1919. - 27 дек.
- ³⁴Полигов В.В. Яренск. - Л., 1978. - С.78.
- ³⁵ЦГА РК. Ф.963. Оп.1. Д.14. Л.273.
- ³⁶Там же. Ф.869. Оп.1. Д.1. Л.9.
- ³⁷Там же. Ф.963. Оп.1. Д.14. Л.293.
- ³⁸Там же. Ф.1715. Оп.1. Д.89. Л.34-35.
- ³⁹Там же. Ф.869. Оп.1. Д.1. Л.1,7,10,11.
- ⁴⁰Там же. Ф.1715. Оп.1. Д.89. Л.16.
- ⁴¹КРГАОПДФ. Ф.392. Оп.2. Д.20. Л.25.
- ⁴²ЦГА РК. Ф.1715. Оп.1. Д.93. Л.285.
- ⁴³Там же. Ф.1320. Оп.1. Д.42. Л.2-3.
- ⁴⁴Там же. Ф.1293. Оп.1. Д.74. Л.3.
- ⁴⁵Там же. Ф.963. Оп.1. Д.13. Л.168.
- ⁴⁶Архив ФСБ РК. № 9662. Т.2. Л.100.
- ⁴⁷ЦГА РК. Ф.1320. Оп.1. Д.42. Л.1.
- ⁴⁸Архив ФСБ РК. № 9662. Т.2. Л.165.

-
- ⁴⁹ ЦГА РК. Ф.869. Оп.2. Д.15. Л.114.
- ⁵⁰ Архив ФСБ РК. № 9662. Т.2. Л.46.
- ⁵¹ Соколов Б.Ф. Падение Северной Области / Белый Север. - Архангельск, 1993. С.338-339.
- ⁵² Буханцов Ф.В. Конец «губернатора» Латкина. - С.26.
- ⁵³ Там же. - С.39-40.
- ⁵⁴ Там же. - С.40.
- ⁵⁵ Архив ФСБ РК. № 9662. Т.3. Л.140.
- ⁵⁶ Югьд туй (Усть-Сысольск). - 1926. - 15 июня.
- ⁵⁷ Буханцов Ф.В. Конец «губернатора» Латкина. - С.41.
- ⁵⁸ Архив ФСБ РК. № 9662. Т.2. Л.158.
- ⁵⁹ Там же. Т.3. Л.28.
- ⁶⁰ Там же. Л.29.
-

ПИСЬМО СОЛДАТА

**" НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ ПРОШУ ТЕБЯ,
ДОРОГАЯ МАМА..."**

**Письма Н.А.Петрова матери - А.Н.Петровой с
фронтов Гражданской войны.
Лето 1918 - осень 1920гг.**

О роли личности в истории рассуждали, рассуждают и будут рассуждать как философы, так и, собственно, представители исторической науки. Но, как правило, речь идет о деятелях государственного, ничуть не меньше, масштаба. Перед читателем же судьба человека обычного, крупницы «народных масс», ведь Николай Петров, - простой солдат Гражданской войны.

Историки знают, как порой непредсказуемы бывают встречи с прошлым. Эта история началась с того, что ученики одной из омских школ нашли на чердаке заброшенного дома пачки старых фотографий и документов, принадлежавших, как выяснилось, семье жителей г.Омска с весьма неоригинальной фамилией - Петровы, и принесли их в краеведческий музей. Бесспорно, самой интересной частью архива оказались письма старшего сына - Николая, полученные его матерью - Августой Николаевной Петровой в период с лета 1918 по осень 1920 года, пока он не погиб на фронте. Некоторые сведения, которые удалось получить, разбирая и сопоставляя документы архива, помогут лучше понять опубликованные ниже письма.

Отец Николая Петрова - Александр Иванович - был военным и служил в качестве поручика в Семипалатинском пехотном отдельном батальоне¹, а затем капитаном в 44 Сибирском стрелковом полку². За время службы Александра Ивановича семья сменила несколько мест жительства, пока в 1905 году не обосновалась в Омске. В то время Петровых было уже четверо - муж, жена - Августа Николаевна и два сына - Николай 1901 и Сергей 1903 годов рождения. Из письма А.И.Петрова жене известно, что с 1914 года он находился в действующей армии. Далее его судьба пока для нас сокрыта, т.к. найти его послужной список или какие-то другие сведения о нем не удалось. Правда в одном из писем Николая, датированном июлем 1919 года, читаем: «Бог даст, приедет папа и опять будем жить нашей семьей тихо и спокойно»³ - видно отец был вдалеке от дома, можно предположить, что он тоже воевал. Августа Ивановна Петрова предстает перед нами женщиной достаточно образованной, по крайней мере в пределах классической гимназии (в ее трудовой книжке есть отметка о среднем образовании).Августа Николаевна ,по-видимому, имела не

Августа Николаевна Петрова
до замужества.
Кон. 1890х - нач. 1900х гг.

Петровы
Александр Иванович и
Августа Николаевна
г.Курган. 1900-1903 гг.

только хорошее образование, но и способности к художественному творчеству. В советское время она сменила несколько мест работы - конторщика в правлении Омской железной дороги, заведовала библиотекой в музыкальном техникуме с 1928 по 1935 год. Склонность же к рисованию пригодилась ей, когда в феврале 1936 г. Она поступила на работу в омское кооперативное товарищество «Художник» в качестве рисовальщицы по тканям. Потеряв своего старшего сына в годы войны, Августа Николаевна большую часть жизни отдала детям. Почти пятнадцать лет руководила она кружком художественных работ во Дворце пионеров⁴.

Переезд семьи в Омск, вероятно, был связан не только со служебными делами отца, но и с необходимостью обучения мальчиков, которые по прошествии скорого времени поступили в Первую мужскую гимназию. Сохранились отпускной билет и дневник Николая, а также ведомость успеваемости Сергея⁵. Но Николай гимназии не закончил, а продолжил свое обучение в I Сибирском Императора Александра I кадетском корпусе. Ведь учеба в кадетском корпусе была предпочтительнее, чем в гимназии, т.к. сыновья офицеров имели право учиться там за казенный счет, что облегчало финансовое положение семей. Решив стать военным, Николай, вероятно, руководствовался примером отца. Надо заметить, что хотя у Александра Ивановича времени заниматься воспитанием детей, в связи с занятостью на службе, было недостаточно, его мнение весомо влияло на их решения. Сохранился интересный документ, характеризующий весьма своеобразные отношения отца и сына. Будучи в действующей армии в годы Первой мировой войны, он переписывался с Николаем. В одном из таких писем Александр Иванович журит сына за то, что тот начал курить, но тон этого письма никак не запретительный, а объясняющий, предостерегающий. Обещая по просьбе сына выслать ему портсигар, он все-таки наставляет Николая: «Я считаю, что ты не обладаешь достаточной силой воли для того, чтобы бросить курить или быть умеренным в курении. Природной силы воли у тебя нет, а воспитания ее не было. Ты только можешь принять от меня совет: Я советую тебе упражнять свою волю, давая себе задачу, чтобы владеть до некоторой степени хоть своими влечениями. Для какого бы то ни было успеха в жизни прежде всего необходимы характер и самообладание. Попробуй, пока организм твой молодой, тренировать себя в этом направлении, развивая силу воли»⁶.

Мы точно не знаем, закончил или нет Николай кадетский корпус к тому времени, когда в Сибирь пришли тревожные события революции и Гражданской войны. Судя по возрасту (в октябре 1917 г. ему исполнилось 16 лет), весной 1918 г. он должен был или перейти в выпускной класс, или совсем закончить обучение. Но в отношениях новой власти с офицерством, с юнкерами, т.е. с теми, кто принадлежал к старой армии, назревал конфликт. Политика ее реорганизации, а точнее сказать, негласного уничтожения, - насильственные увольнения офицеров, их обнищание - лишали советскую власть возможности иметь сторонников в этой среде. Реорганизация не обошла

стороной и Сибирскую военную гимназию, как после Февральской революции стал называться кадетский корпус. Еще в начале декабря 1917 г. III Западно-Сибирским съездом советов принимается решение о преобразовании гимназии в гражданское учебное заведение. Был отстранен от должности прежний директор, изменены учебные программы. Такое вмешательство властей в лице Военно-окружного комитета вызвало недовольство кадет, подогревало их антисоветские настроения, склоняло к активным действиям против большевиков. Кадеты связались с вооруженным подпольем, участвовали в контрреволюционных организациях и выступлениях. Это стало причиной создания весной 1918 г. комиссии, которая занялась ликвидацией гимназии⁷. Не следует удивляться тому, что множество кадет, и не только в Омске, добровольно вступили в вооруженные отряды сразу после свержения советской власти. В их числе был и Николай Петров. Следует учесть общий психологический настрой молодых, полных энергии людей, готовых в любой момент начать борьбу. Большевики лишали их семьи средств к существованию, увольняя в запас отцов, в большинстве офицеров старой армии. Революционная власть еще после февраля 1917 г. оскорбляла честь и достоинство военных разжалованиями, подчинением солдатским комитетам, не говоря уже об унижительных процедурах срывания погон и других знаков отличия⁸.

Где и когда начал воевать Николай, нам пока не известно. Мы точно знаем, что один из первых боев, в котором он участвовал, состоялся под городом Нижнеудинском. Оттуда он прислал родственникам первое письмо, а вернее небольшую открытку. К сожалению, сохранившиеся письма не позволяют нам установить боевой путь Николая полностью. Всего в архиве писем, отправленных им с фронта, 23. Все их можно разделить на две части: до конца 1919 года, когда он участвовал в войне на стороне белых; и после, написанных уже красноармейцем Николаем Петровым. Некоторые из писем сохранились с утратами - либо без начала, либо не имеют окончания. Часть их - небольшие по объему открытки, особенно те, которые отправлены в дороге, начиная с 1920 года. В некоторых местах простой карандаш стерся, бумага выцвела и обветшала, поэтому читать письма трудно, тем более что почерк у Николая далеко не каллиграфический. Второе из сохранившихся писем отправлено из Канского военного госпиталя в 20х числах июня 1919 г. Как видно, разрыв между первым и вторым письмом - целый год. Скорее всего, Коля в течение всего этого времени продолжал участвовать в боевых действиях против красных. Однако, получив, хотя и не тяжелое, ранение, в результате которого пришлось ампутировать большой палец правой ноги, Николай пробыл в госпитале до начала сентября 1919г. После непродолжительного отпуска домой, который был его последним свиданием с родными, он отправляется в Томск для обучения в Екатеринбургской военно-инструкторской школе. В его письмах из Томска сохранилось яркое описание организации обучения, а также жизни и быта будущих офицеров. В одном из писем он специально отмечает,

что их школа пользуется особым благоволением Верховного Правителя А.В.Колчака.

Завершить обучение Николай не успел. Осенью 1919 г. для армии Колчака наступили тяжелые времена, закончившиеся Великим Сибирским походом и полным поражением. 14 ноября частями 3 и 5 Красных армий была успешно завершена Омская наступательная операция, а к концу декабря Белые войска оставили г.Томск. Как видно из писем Николая, часть подразделений Екатеринбургской военно-инструкторской школы располагалась за городом, вероятно, они не успели эвакуироваться и были захвачены в плен. Те же, которые дислоцировались в самом Томске, успели отступить и прорывались с боями на восток вместе с другими частями армии Колчака⁹. По разному сложилась судьба военных, оказавшихся во власти победителей. Первые из них были на месте расстреляны, но это в основном те, кто был захвачен в плен непосредственно во время боев. Другие распушены по домам. Третьи попали в лагеря для военнопленных¹⁰. Подчиняясь воле событий, а, возможно, и разочаровавшись в своих идеалах, политике Колчака и его правительства, устав от бессмысленности войны, некоторые солдаты и даже офицеры перешли на сторону Красной армии и воевали впоследствии в ее рядах.

Трудно представить, чем конкретно руководствовался Николай, согласившись воевать на стороне красных. Письма нам здесь не самые лучшие помощники, ведь, наверняка, он боялся цензуры, но все-таки ... В его письмах, начиная с лета 1919 г., мы можем увидеть настроения разочарования, опустошенности, нежелания воевать. В одном из писем, отправленных из Канского госпиталя, читаем: «Много мне пришлось пережить в свои семнадцать, почти, лет. Ни в каком другом веке, кроме двадцатого, мальчики не переживали столько», - и о его нежелании воевать - «наученный горьким опытом, от дома я теперь не оторвусь». Конечно, сказывалось тяжелое положение армии Колчака, летние неудачи на Урале. Но в школе он снова обретает «всю свою веру в нашу (Белую - О.Д.) армию», веру в армию, которую считает «великолепной» и радуется, что «скоро будет иметь возможность вступить в нее, чтобы быть одним из маленьких рычагов, которые двигают эту махину». Как видно, мнения здесь противоречивы. Конечно нельзя сравнивать унылую атмосферу госпиталя и полную надежд и патриотизма атмосферу военной школы. Так же трудно сказать, имел ли он симпатии к Красной армии до пленения, хотя и называет переворот в Томске «радостным событием» (скорее слова эти написаны с сарказмом), но судя по тому, что он был оставлен вместе с другими «почетными пленниками» на свободе и даже произведен в офицеры Красной армии, сопротивления они или не оказали, или не успели этого сделать. Возможно Николай скрывал от матери свои душевные переживания и те события, которые произошли с ним на самом деле. Однако по письмам видно, что после перехода к красным он переживает достаточно длительный душевный кризис, причины которого более глубокие, чем внешне происхо-

дящие события - разочарование в войне, ее бессмысленность, усталость от длительного духовного и физического напряжения.

Закончил Николай Петров свой боевой путь в Минской губернии. В то время части 5 армии (а он служил в 5 роте 241 Крестьянского полка 27 стрелковой дивизии) воевали с белополяками. Он был убит под местечком Кайданово 11 октября 1920 г. В архиве сохранилось несколько ответов сослуживцев Николая на письма его матери, где они описывают подробности гибели сына.

Гражданская война - один из тех периодов нашей истории, который обращал и будет обращать на себя внимание многих поколений: и историков-профессионалов, и людей, не равнодушных к судьбе России. Письма, публикуемые здесь, волею судьбы оказались обращением не только к близкому для Николая Петрова человеку - его матери. Они - послание из прошлого в будущее. Тем более они интересны, что принадлежат рядовому участнику событий, который прежде всего сложностью своего пути в той войне показывает всю ее трагичность. Прочтение этих писем и им подобных - живое эмоциональное соприкосновение с той, казалось бы, такой далекой, а на самом деле, очень близкой, трагедией.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ
г.Нижнеудинск, 27 июня 1918г.¹¹

Дорогая мама, Катя и Сережа. Сегодня ночью, наверное, будет бой. Мы стоим под городом Нижнеудинском, от которого большевистские разъезды находятся в 8 верстах. Значит, главные силы - верстах в 60. Ночь красивая. Идет дождь и гроза. Может быть, дорогие, меня убьют, но что-то не верится, скорее всего останусь жив и здоров.

Но, все же, на всякий случай прошу тебя, дорогая мама, простить меня за все неприятности, которые ты от меня получила.

Итак, дорогие, прощайте. Крепко целую Вас.

Коля.

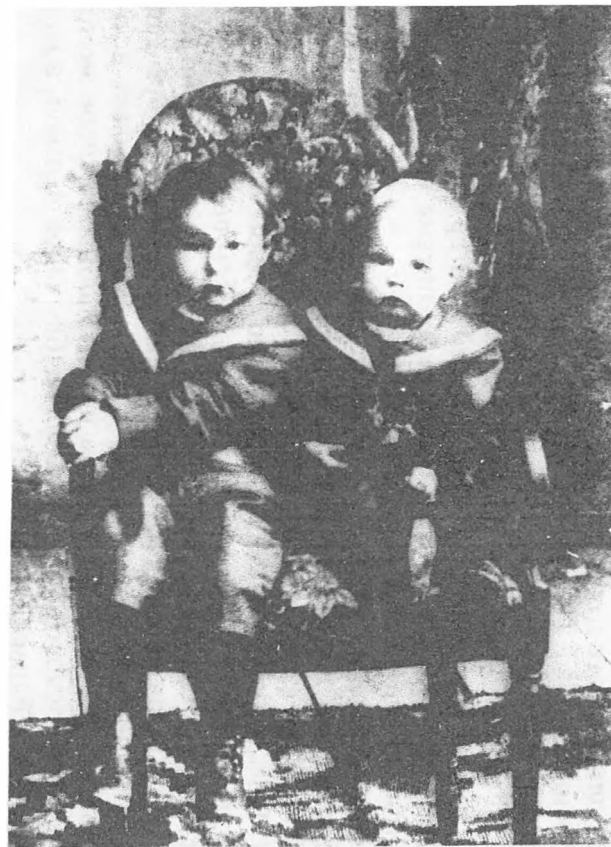
Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ (неполное).
г.Канск, военный госпиталь, 22-23 июня 1919г.¹²

...Пиши мне по адресу: г. Канск, военный госпиталь, хирургическое отделение, палата 12, такому-то. Да только пиши чаще, а то мне так скучно, что представить себе не можешь. Напиши, собираешься ли ты в Пермь или нет, если нет, то почему. Ну, дальше писать трудно, т.к. положение мое страшно неудобно (ноги мои выше головы). А

Александр Иванович и Августа Николаевна
с сыном Николаем 1903 - 1904 гг.

-Петровы-

Николай и Сергей 1905 г.

потому и кончаю. Крепко, крепко целую тебя, дорогая мама, поцелуй за меня Сережу и кланяйся Анне Ивановне с Инночкой.

Любящий тебя сын Коля.

Н.А.ПЕТРОВ. - А.Н.ПЕТРОВОЙ.
г.Канск, военный госпиталь, 29 июня 1919 г.

Дорогая мама. Вспоминаю, как ты когда-то хотела поступить на курсы сестер милосердия, и, смотря на эту ужасную, почти кошмарную, обстановку, в которой я нахожусь, в атмосфере, буквально пропитанной страданиями и увечьями, не могу представить, как ты, при своей нервной натуре могла бы вытерпеть хотя бы один день. Стоит пролежать в госпитале два дня, чтобы понять ясно и отчетливо, какое зверство представляет собой война. К нам вчера прибыло 100 человек раненых. Прибыли они часов в 6-7 вечера и вот прошли уже сутки, как доктора и сестры, не покладая рук увечат и каверкают молодые здоровые тела. Это ужас, такой ужас, видеть почти здорового человека, которого через час, полтора приносят из операционной каким-то обрубком. Из этих раненых, прибывших вчера, у нас лежат шестеро. Из них три легко (относительно) и три тяжело раненых. Одного принесли с пробитой голенью, как раз посередине, между ступней и коленом. У него уже началась гангрена, и доктор сказал, что ему надо будет отнять ногу по колено. На ночь его перевязали и оставили, и сегодня оказалось, что гангрена распространилась выше. Его унесли и после часа или двух, принесли. Нога была отрезана почти так же, как у Вальки Вахрушева. Сейчас он лежит и спит, не проснулся еще от хлороформа.

Другой, тяжело раненный получил рану в области глаз, так что он ничего не видит. Что с ним будут делать, не знаю.

Наконец третий. Этому три пули прошли через левую щеку, но точно не знаю, пули или дробь. Он, когда пришел, не мог ни есть, ни говорить. Но сегодня он уже может говорить. Ну, об этом довольно. Скажу только еще, что санитары здесь красноармейцы, взятые в плен.

Я пока чувствую себя настолько хорошо, что даже и вам желаю себя также чувствовать.

Крепко целую тебя, дорогая мама и Сережу.

Коля.

P.S. Привет всем, кто про меня спросит.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.
г.Канск, военный госпиталь, 4 июля 1919 г.

Дорогая мама. Лежу в госпитале уже двенадцатый день, а день моего выхода все еще не предвидеться. Правда, пальцу моему, на мой взгляд, стало как будто бы лучше, но я столько же понимаю в

**Николай Петров в форме воспитанника / Сибирского
Императора Александра / кадетского корпуса.
1916-1917 гг.**

медицине, как слон в китайской азбуке. Я уже не спрашиваю у докторов, когда я выйду, и перестал интересоваться этим. Теперь меня не поразит и то, что я просижу и год. Кормят здесь порядочно, но мне не хватает, и я уже прожил все свои деньги, так что не успел купить ни бумаги, ни конвертов. Видишь на какой бумаге я пишу. И то спасибо, что как-то случайно попала мне моя тетрадка. Если бы не было ее, мне пришлось бы прекратить писать письма. Да и то, это должно быть последнее письмо, так как конвертов осталось мало, и я надеюсь, дорогая мама, что ты будешь писать мне, так что мне придется оставить бумагу и конверты для ответов. Кроме тебя я написал только три или четыре письма Мусе и больше никому не писал. Не знаю все ли ты письма получаешь. Это уже пятое. Да, дорогая мама, много мне пришлось пережить в свои семнадцать, почти, лет. Ни в каком другом веке, я думаю, кроме двадцатого, мальчики не пережили столько. Ну, прощай, дорогая мама, скорее бы мне снова попить чай дома. Напиши, что делает Сережа, что его приятель и часто ли сражается в городки.

Крепко целую всех вас.

Коля.

Привет всем, кто про меня спросит.

Н.А.ПЕТРОВ_А.Н.ПЕТРОВОЙ
г.Канск, военный госпиталь, 10 июля 1919г.

Дорогая мама. Сегодня у меня настроение было плохим, если бы оно неожиданно для меня не стало хорошим. Оно и было плохим вот почему - сегодня выписывают выздоравливающих из госпиталя домой (это бывает каждый четверг), и я сегодня уже ехал бы в Омск, не случись этого распроклятого нагноения. Из-за него пришлось снимать швы, и рана на пальце затягивается сама, что, надо тебе сказать, процедура страшно медленная. Вот из-за того что я вынужден лежать здесь, а не ехать домой, я и был не в своей тарелке. Но только что стал я хандрить, как мне принесли письмо от тебя, дорогая мама. Если бы ты знала, как я рад ему, как-то сразу стало ли светлей и уютней в нашей палате, точно ты сама вошла сюда. Главное, этого письма я не ожидал, после телеграммы, которую получил 8-го мая. Я ждал тебя, даже наводил справки, есть ли здесь квартиры и был в сильном беспокойстве, когда узнал, что квартир почти нет, а если и есть, то страшно дорогие, так что жить здесь долго, принимая во внимание финансовое состояние наших карманов, ты не могла бы. Обрадовался я и деньгам, так как теперь я получил возможность писать не справляясь, много ли у меня бумаги. А писать - это единственное мое развлечение. Ты, пишешь, милая мама, что у тебя нет ни одного человека, с которым ты могла бы поговорить по душам, но ведь у тебя есть книги, есть все ж таки люди, если не равные по умственному развитию, но равные воспитанием, положением, меня же окружают лю-

ди, стоящие ниже меня как в умственном развитии, так и по воспитанию. Книг никаких, и приходится занимать их, рассказывая греческую мифологию, конечно изменяя ее, моим приятелям по несчастью и, надо тебе сказать, они страшно довольны, когда я рассказываю им про Геркулеса, называя его Трифоном, про Ахиллеса (Степаном его окрестил), про Одиссея и Пенелопу, которые получили у меня имена Ивана и Авдотьи. Как видишь, я выбрал, чтобы смешить самого себя, такие имена, что по неволе сам смеешься, представляя себе Геркулеса в костюме русского мужика и Пенелопу русской бабой. Рассказывая «сказки» эти, я заслужил известность во всем хирургическом отделении, так что во время рассказов к моей койке собираются и из других палат. Так понемногу я и развлекаюсь, слушая, ... что по твоему? - Сказки.

Коля.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.
г.Канск, военный госпиталь, 27 июля 1919 г.

Дорогая мама! Дела мои пока, чтоб только не сглазить, идут хорошо. Недели через две можно будет и домой поехать. Наученный горьким опытом от дома я теперь не оторвусь. То-то мы заживем. Бог даст, приедет папа и опять будем жить нашей семьей тихо и спокойно. Подчеркиваю - «нашей», потому что думаю, что устькаменогорские после случая с ее превосходительством (ты знаешь кого я так называю - Катю), оставят тебя в покое. Я думаю, что ты не будешь в претензии на это. Не весело мне здесь лежать. Кругом все мужики, хотя забавно видеть с каким уважением ни смотрят на меня, видя, что доктор всегда со мной здоровадается отдельно от них. «Здравствуйте, господа», и потом «здравствуйте, Петров». Знаешь, как он узнал, что я гимназист. Я, когда меня усыпили, декламировал вступление к «*Metamorfosa*» Овидия. С тех пор он и проникся ко мне уважением. Я, лежу в такой палате, где все «резанные». У кого внутренности, у кого руки, у кого нога. После перевязки раздаются стоны и «скрежет зубной». Впрочем, стонет только один казак, которому отрезали указательный палец, да говорят, что до моего прихода стонали еще двое каких-то, вот воображаю, какая музыка была. На меня палата смотрит с удивлением, что я так безропотно переношу «страдания». Но к счастью, я особенной боли не чувствую. Первые дни, правда, боль была сильная, но мне стыдно было стонать, и я только кусал себе палец, чем и ограничивался. Впрочем, и тогда не было больно.

Рядом со мной лежит солдат из нашего батальона, из команды траншейных орудий, у него, кажется, подкожный нарыв на щеке, потому что глаз и лоб у него опухли, и течет гной из ранки на лбу. Он грамотный и поэтому сидит целые дни и, помогая языком строчит письма, мусоля карандаш. У него он химический, и ты едва ли сможешь представить себе, что за физиономия у него получается. Сего-

дня я его пожалел и дал свой карандаш. С радости он его так слюнявит, что письма у него получаются мокрые, как губка. На следующей койке лежит какой-то казак, но он мне почему-то не симпатичен и поэтому о нем я ничего не могу сказать. Он довольно славный парень, но не интересен ни чем, кроме виртуозной ругани, которой он угощает всех докторов и санитаров. Интересный по своим рассказам, лежит у нас раненый красноармеец, взятый в плен под Уфой. Странно видеть обращение с ним наших солдат. Я привык видеть как они расправляются с пленными после боя и потому не могу прийти в себя от удивления, видя, что его считают совершенно своим. Правда, этот красноармеец какая-то породня на солдата, слишком он молод, но все же слово «красноармеец», приводит в бешенство на позициях, должно бы было, как мне кажется, влиять и здесь, но ничего подобного не замечается. Ну ты устала, должно быть, мамочка, разбирать мои иероглифы. Кончу. Дай-то, Господи, скорее быть дома.

Целую тебя и Сережу.

Коля.

P.S. Если письмо скоро дойдет до тебя, то пиши, если же нет, то я, может быть, приеду раньше, чем получу письмо от тебя, так что писать бы не надо было, но ты все таки напиши.

Коля.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ (неполное).
г.Томск, Екатеринбургская учебно-инструкторская школа,
27 сентября 1919 г.

Дорогая мама! Вот я и в школе, но так скверно поставленной части я не видел никогда. Прибыл я 23-го в Томск, встретил еще несколько человек, направленных в эту же школу и с ними уже начал свои мытарства. Спросил о местонахождении школы у коменданта станции, он сообщил, что она находится в С..., или что-то в этом роде. Пошли нанять извозчика, но он спросил с нас ни много ни мало 100 рублей. Пошли обратно на вокзал, встретили, к своему счастью, офицера из этой школы. Он встретил нас очень любезно, из чего я сразу же вывел заключение, что тянуть в школу будут вовсе. Взял с собой два человека и сказал нам, что за вещами придет подвода. Я и еще один остались, те двое ушли. Пришли часа через четыре и сказали нам, что нужно идти на переезд и ждать там подводу. Пошли, зашли в какой-то лесок за переездом, и там я так заснул после трех суток бессонницы, что меня на силу разбудили, когда пришла подвода. Явились в штаб.

Оттуда нас направили в 17 роту, которая стоит на дачах возле Томска, причем дороги туда никто не знал. Заехали в 3 батальон и переночевали там. Уже утром сегодня явились в свою роту. Хорошо, милая мама, что ты дала мне в дорогу гуся, а то я не знаю, как прожил бы. Из казенного я видел пока только суп, да и то один раз,

больше ничего. Чай даже кипятили сами. Не только коек, но даже нар нет. Спим на полу, хотя говорят, что скоро переедем в город. Посмотрю, что будет там.

Доехал я очень хорошо, что не спал, так это потому, что у меня все время было какое-то тревожное чувство, точно я чего-то боялся. Не писал я с дороги потому что писать не было ни какой возможности, т.к. теплушку, в которую нас загнали, сильно трясло. До сих пор у меня все косточки трещат. На станциях стояли так мало, что трудно...

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.

**г.Томск, Екатеринбургская учебно-инструкторская школа,
4 октября, 1919 г.**

Дорогая мама. Вот уже неделя, как нас начали обучать строю и всю эту неделю на занятиях я едва удерживался от хохота, видя как солидные люди, уже с брюшком, стараются принимать как можно более неестественные позы, думая, что именно это и является молодецкатою солдатской выправкой. На самом деле, одень какого-нибудь чиновника лет под сорок в английскую форму, которая на нем сидит как мешок, и заставь его маршировать. Вот нахохочешься! Нас учат ходить подразделениями, это смешно, даже куда делают правильно, но когда делают неверно, невозможно удержаться от хохота. Ходят как журавли на крыше (если только последние ходят по крышам). Опишу тебе весь порядок дня. Встаем мы ровно в шесть часов, чтобы ни одна живая душа не лежала на нарах. До половины восьмого каждый делает что хочет, т.е. умывается или кипятит чай, т.к. больше делать нечего. В 7.30 поверка, после которой в 8 часов идем на занятия, где занимаемся пока маршировкой и перестроениями, т.к. до винтовок еще далеко. В 12 часов идем на обед и отдыхаем до трех часов. С трех часов занимаемся пока строим, но потом будут классы, т.е. изучение уставов до 6 часов вечера - в это время ужинаем. В восемь вечера поверка и в 10 вечера ложимся спать. Причем сон тоже обязателен, т.к. для того, чтобы остаться сидеть ночью, надо просить особого разрешения. Живем все еще в дачах, но уже более благоустроено, чем первое время. Я, не подумай что ничего не, ей Богу. Я целый отделенный командир, но надеюсь слететь с этой должности, т.к. по строю я слабоват. А если не слечу, то буду просить отставки меня от этой «высокой» должности, т.к. во-первых мне неудобно, как мальчишке, командовать бородачами, да и ответственность будет меньше.

Ну, в общем, я живу не тужу, а вот ты то с Сережей как поживаете? Жизнь в Омске, вероятно, сильно дорога, но все же не так как в Томске, где фунт масла, кажется, 18 рублей. Ну, пока до свидания, дорогие мои. буду писать в следующую субботу, потому что, сама видишь, время писать в будни нет.

Крепко целую тебя и Сережу. Привет всем, кто спросит.

Коля.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.

**г.Томск, Екатеринбургская учебно-инструкторская школа,
14 октября 1919 г.**

Милая мама. Позавчера получил письмо от тебя, но до сих пор не мог ответить тебе, т.к. был занят делами по службе, да и сейчас я не могу быть уверен, что меня не потребуют куда-нибудь. Я остался сейчас за фельдфебеля, т.ч. пойти никуда нельзя. Занимаю я здесь должность отделенного командира, чему я не особенно рад, т.к. никогда не остаешься спокоен, впрочем теперь я забил в голову, что мне надо слететь с этой должности, и веду дело спустя рукава, тем более, что я не боюсь остаться без отпуска, ведь ходить-то мне некуда. Это местным неприятно, а нам, отлучившимся от дома, все тринь-трава. Живу я вместе с четырьмя егерями на кухне на даче (мы все еще не перебрались в город - слава тебе, Господи), и мы так удобно расположились, что нам сам Юпитер мог бы позавидовать. Во-первых, у нас есть стол; во-вторых, мы отдельно друг от друга, а не на общих нарах; в-третьих, у нас есть печка, - в общем живем как никто другой жить не смог бы. Ты пишешь, дорогая мама, что боишься за мое здоровье - ради Бога не смейся надо мной, а то мне стыдно будет, что такой как я сможет заболеть. Денег, дорогая мама, больше не присылай, мне хватит и того, что я получаю в школе на табак, а больше и нечего покупать «акромья» пирожков.

Учения у нас официально не начались, так что я не могу сказать, когда нас отсюда выпустят, но что-то нас гонят и здорово. Бедные наши старики кряхтят да тужатся, но не хотят отставать от молодежи, которой здесь очень и очень мало, в первой роте по крайней мере. Выпускают отсюда портупей-юнкерами, причем производятся в подпоручики, кончившие отлично через два месяца и кончившие успешно через четыре. 6-го октября производили портупей-юнкеров первого выпуска в подпоручики (это те, которые остались при школе курсовыми офицерами). На фронте же из первого выпуска есть уже много поручиков, даже тех, которые кончили только успешно. Школа эта, как говорят, пользуется особым благоволением к ней Верховного правителя.

Сегодня из роты не осталось и половины, все в отпуск ушли. Хорошо, что я не взял никакого поручения от Вахрушева, т.к. у нас нет ни малейшего желания таскаться по городу, которого я еще и в глаза не видел (если у него глаза имеются). Скверно здесь то, что читать совершенно нечего, а по временам здесь скука ужасная. Мне-то еще ничего, я все сижу и пишу и пишу в свои тетрадки, помнишь как я в Омске писал? Ну, вот мои привычки ни сколько не изменились. Только написал «не изменились», взглянул на свою койку и «ужас отразился на лице моем». Она была не прибрана. За это у нас взгревают, лучше и не надо, а я хочу попробовать не получить в школе не одного наряда, в общем окончить образцово. Одобряешь?

Ну, как поживает ее Высокоблагородие М-И Инна? Скучает ли она без гитары или забыла уже про нее? Купили ли вы струны к ней? (Не

к Инне, конечно, а к гитаре.) Регулярно ли идут занятия у Сережки и какой состав преподавателей у нас теперь, все это очень и очень хотелось бы мне узнать.

Крепко целую тебя и Сережу. До свидания в следующем письме.
Любящий Коля.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.

**г.Томск, Екатеринбургская учебно-инструкторская школа,
4ноября 1919 г.**

Дорогая мама. В воскресенье получил от тебя письмо, но ответить сразу не мог, т.к. был в наряде. Ты себе представить не можешь, как обрадовался я твоему письму, тем более, что я не ожидал его совсем. Как то не привык я получать так часто письма, хотя сам пишу их при первой возможности. Ведь ты сама знаешь, как люблю я писать, и не моя вина, что я так редко пишу тебе, дорогая мама. Я, кажется, описывал тебе наше обыкновенное времяпровождение, так что повторять не буду, сама видишь, что, кроме субботы и воскресенья или других дней, я никак не могу уделить время для того, чтобы перенестись, хоть мысленно, в нашу милую обстановку. Одно неприятно, с фронта приходят одно известие хуже другого, так что я при всей своей вере в нашу армию, начинаю тревожиться. А армия у нас, дорогая мама, великолепная. Я радуюсь, что скоро буду иметь возможность вступить в нее, чтобы быть одним из маленьких рычагов, которые двигают эту всю махину. Ну, это подальше. Зачем ты, мамочка, шлешь мне монеты? Ей Богу, некуда тратить их, так что приходится покупать пирожки, чтобы они не лежали, а ты еще пишешь, что я говорю неправду, что мне нужно денег. Ты, мамуля, ради Бога не посылай мне больше ни копейки, ведь не так уж много ты получаешь, чтобы чуть не через неделю посылать по полусотне. Так уж сделай, милая мама, мне удовольствие, лучше купи на эти деньги фунт масла, съешь и вспомни, только не очень сильно вспоминай, а то начну икать в строю и без отпуска останусь. Со мной на днях должна случиться одна история, о которой пока не буду писать, чтобы не радовать тебя зря, вдруг она не случиться, лучше уж не знать, чем разочаровываться, не правда ли? Сейчас ведь ребята в отпуске, у нас в комнатах полная тишина. Я пишу за столом, егерь Кузнецов (неприменно покажу тебе этого комика) играет в шахматы, остальные читают или спят. В остальных комнатах нет никого почти, т.к. наша самая теплая, и все собираются сюда. Жизнь в общем у нас ничего, веселая, скоро сахар получим. Мы его получаем 3 фунта 72 в месяц. Надеюсь, что мне хватит. Ну, надо, пора кончать да поспать немного. Авось тебя во сне увижу.

До скорого свидания, милая мама. Поцелуй за меня Сережу.
Твой сын Коля. Привет всем.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.
г.Томск, конец 1919 - нач.1920 г.¹³

Дорогая мама! Не имею возможности послать телеграмму, т.к. денег у меня нет ни копейки, а душа так и рвется узнать, как вы пережили, да и остались ли вы нетронутыми в это смутное время. Я в настоящую минуту являюсь сам не знаю чем и кем. Скорее всего мы, юнкера -почетные пленники, т.к. хотя нас разоружили, но оставили на свободе и даже произвели в офицеры Красной армии. Что хотят сделать из нас, я не знаю и не знает никто. Мама, дорогая мама, пишу это письмо, а в мозгу бьется тревожная мысль, живы ли вы, мои дорогие? Сколько я пережил в эту неделю душой, один Бог знает. От прежнего Коли остались одни обломки, будет верным, если я скажу, что меня нет, осталось только мое тело. Знающие меня, встречая после всего произошедшего, не узнают. Да и я сам не узнаю себя.

В общем, это радостное событие, т.е. переворот в Томске, благодаря неопределенности нашей судьбы, дурно подействовал на меня. Но теперь на душе было бы совсем легко, если бы я знал, что с вами. Я уверен, что ты переехала к Алек.Вас. на время и, благодаря этому, осталась не тронута, впрочем если судить о перевороте в Омске по Томску, то я могу оставаться спокоен.

Пиши: г.Томск. Почтайт, до востребования, мне.

Прощай, дорогая мама. Крепко, крепко целую тебя.

Любящий сын Коля.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ (неполное).
Красная армия, февраль 1920 г.¹⁴

...отлынивают от них. Каждый день неприятности, я волнуюсь, горячусь, порчу кровь, что называется. Однако скоро придется махнуть на них рукой, пусть делают, что хотят. Жаль мне, очень жаль второй взвод, там народ дружный. Состояние у меня сейчас как у сонного. Изредка бывают проблески, когда я оживляюсь, думаю, живу, но день-два и я опять сплю. Дай то, Господи, почаще получать от тебя и Сережи письма. Без них я отупею и опущусь, в них единственная моя поддержка. Бесит меня невозможность писать часто самому, этому мешает полное отсутствие бумаги и конвертов. То письмо я уже думал отправить в самодельном конверте, но хозяйка испугалась его и пожертвовала из запаса. Теперь К. делает конверты более элегантные.

Пиши мне, дорогая мама, пиши чаще, как только можно, когда получи жалование, вышлю тебе. Мне причитается получить что-то около 7000 рублей. Передай Ив. мой привет.

Пишите же, дорогие. Крепко целую Вас.

Коля.

5 армия 27 дивизия 241 стрелковый Крестьянский полк 5 рота.

.Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.

17 мая 1920 г.

Дорогая мама. Вот уже скоро восемь месяцев, как я расстался с вами, дорогие мои, а как страшно различаются наши прошлые предположения о моей судьбе и действительность. Впрочем, что я говорю, «страшно»? Разве не то же самое ожидало меня и там? Та же самая служебная лямка, как здесь, так и там.

Вчера судьба еще раз жестоко посмеялась надо мной. (Боже, каким я писарским языком пишу теперь!). Гуляя по сельскому саду, я встретил одного из своих товарищей, который был дежурным по полку. Разговаривая со мной он сказал, что в полк был сделан запрос, нет ли желающих ехать на высшие войсковые курсы в Омск. В Омск! Я думал, сердце у меня выскочит. Немедля я побежал к комроты и заявил ему о своем желании. Он обещал похлопотать. Но оказалось, что не потрудившись сделать запроса в роты, полк ответил, что таковых, т.е. желающих, не имеется. Что со мной творилось, не могу передать, знаю только, что ругался я как извозчик. Теперь остается махнуть рукой на все и не предпринимать ничего. Я думал со злости забросить все дела во взводе, но кончил тем, что с большей горячностью стал относиться к ним. Не знаю, что было бы лучше. Ах, дорогая мама, хочется писать и писать, а бумаги нет, так что приходится ограничиться этим. Как-то вы, мои дорогие, живете? Тяжело вам, ну да быть может полк наш поедет в Омск, слухи есть благоприятные.

Пишите, умоляю. Целую.

Коля.

Мою милую, дорогую мама целую тысячи раз. Сережка, поцелуй за меня.

Н.А. ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.

Красная армия, 21 мая 1920 г.

Дорогая, милая мама! Получил твою открытку, написанную мне и моим товарищам, как она поразила меня. Милая моя мама, ты не получаешь от меня писем, тревожишься обо мне, а я катаюсь здесь как сыр в масле, и только одно нарушает мой покой - мысль о вашем состоянии, дорогие мои. Быть может, ты голодаешь там, болеешь, а в той открытке не было ни слова о тебе, ты только и думаешь обо мне, а уж об этом меньше всего, кажется, и можно думать. Дорогая мама, может быть в настоящую минуту ты читаешь мое письмо и уже видишь всю неосновательность своих забот обо мне. Прошу тебя, дорогая мама, думать, что беспутный сын твой был бы вполне счастлив, если бы мог увидеть тебя и предложить тебе такую же жизнь, какую ведет и он. Я сыт, не скажу, что одет, но на днях получу материю на обмундировку, сошью сапоги, значит буду и одет. А тут и еще одна тревожно-радостная весть - меня записали кандидатом на штабные курсы, значит, быть может, поеду в центр, а тогда, тогда и увижусь,

дорогие мои, с вами. Боже, как обниму я вас тогда. Берегись, мамочка, я теперь силен, как никогда, как бы не раздавил я тебя. Веришь или не веришь, что я могу увидеть вас? Нет, боюсь. Прощайте, дорогие, любимые мои. Пиши, мама, чаще и подробнее о своей жизни, я жду, жду, жду. Да пусть и Сержик напишет, а то он забыл меня.

Крепко, крепко целую вас. Пишите же!

Коля.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.
Красная армия, 25 июня 1920 г.

Несколько раз принимался писать тебе, милая мама и бросал. Не мог. Мысли разбрелись все так, что собрать их в одно нет никакой возможности. Видишь, дорогая, как я живу. Точно лапти плету. Коле отправил открытку. Ты забыла сообщить ему свой адрес. Я написал за тебя. Милая, дорогая мама, как далеко я от тебя. Увидимся ли мы.

Целую тебя и Сережу.

Коля.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.
Красная армия, июнь 1920 г.¹⁵

Дорогая мамочка. Все быстрее и быстрее несет меня поезд в незнакомую страну навстречу неизвестному. На сердце тоска, отчаянная тоска, не пришлось даже поговорить с вами, мои дорогие. Уж лучше бы было и не заезжать.

Целую.

Коля.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.
Красная армия, 27 июня 1920 г.¹⁶

Не выхожу из вагона, даже для того, чтобы поразмять, хоть немного, ноги. Пропал интерес ко всему. Одна только тоска. Точно душа моя осталась с вами, дорогие мои. Скоро нас будет разделять такое расстояние, что сообщение с домом будет почти невозможно. Дождусь ли я писем от тебя, милая, дорогая мамочка? Едва ли. Мамочка, милая, сколько горя доставил я тебе. Прости меня.

Коля.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.
Красная армия, лето 1920 г.¹⁷

Едем пока по той же дороге, по которой я уже имел честь кататься. Помнишь, когда мы выехали навстречу папе? До Пензы осталось уже немного, интересно знать, есть ли там теперь тот предмет, из за которого у меня с продавщицей в булочной вышло недоразумение. Наверное нет. А ты помнишь «сайки»?

Прощайте, целую.

Коля.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.

Красная армия, 3 июля 1920 г.

Дорогая мама. Все время стояли в деревне верстах в 40-50 от фронта (т.е., собственно говоря, не все время, а дня 3-4). Только сегодня пришел приказ приготовиться к выступлению. Скоро, вероятно, придем «туда». Милая, дорогая мама, пиши мне почаще, я при первой возможности буду писать тебе. Тяжело только удовлетворяться открытками, а конвертов нет, писать не в чем. Пока прощай, быть может скоро увидимся.

Горячо, крепко целую тебя. Прощай.

Коля.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.

Красная армия, июнь-июль 1920 г.¹⁸

Стоим дожидаясь ... полка в 160-120 верстах от фронта, который идет, кажется, по реке Березине. По слухам «паны» дерутся упорно, едва ли слабее, чем дрались немцы. Ну да против нашей армии им все равно не устоять. Кажется, нам будто предложена честь начать наступление. В благополучном исходе никто не сомневается.

Пишите. Крепко, горячо целую вас.

Коля.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.

Красная армия, 20 июля 1920 г.

Дорогая мамочка. Поздравляю тебя с длинным, длинным новорожденным. Желание мое, чтобы ты увидела от него, то что хотела. Кажется подтвердится, если только Серж не попадет в эту мобилизацию. Ведь он так быстро идет по пути мирного развития.

Ну, о себе мне нечего сообщать, был в нескольких боях, жив и здоров как и раньше.

Крепко целую тебя, и передай нашим всем привет.

Коля.

Н.А.ПЕТРОВ - С.А.ПЕТРОВУ.
Красная армия, 20 июля 1920 г.

Дорогой Серж. Поздравляю тебя с днем рождения. Дай-то Господи, чтоб ты не попал туда, куда закатил я, т.е. на военную службу. Хуже этого ничего не может быть. Еще здесь, на фронте, ничего, но в тылу, хуже не надо. Будь же здоров, смел в боях с житейскими невзгодами и помни брата.

Коля

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.
Красная армия, 3 августа 1920 г.

Милая моя, дорогая, маленькая мамочка. Стоим второй день, не трогаясь с места. Я верчусь как бес в колесе, принимая пополнение, выдерживая атаки комиссий и ревизий. Они замучили меня, не давая времени черкнуть тебе несколько строчек. Наконец сегодня только я получил возможность засесть за писание. Я боюсь отсылать первое письмо, оно написано в таком отчаянном тоне, что встревожит тебя, опять заставит страдать. Ведь вот какой я, знаю, что оно неприятно будет тебе, но отошлю. Утешаю себя тем, что тебе необходимо знать степень повышения и понижения моего настроения. А иначе мы совсем не будем иметь представления друг о друге. Не правда ли, дорогая мамочка?

Сейчас мои дела в таком положении: (все по порядку, даже двоеточие поставил!) я, кажется, буду командовать ротой, т.е. уже командую, но только еще «врид». Хожу, правда, босиком, но ожидается обмундировка, значит я получу какую-нибудь оболочку для своих ног. В общем дело совсем не в таком плачевном состоянии, как я распространился в том письме. Кроме того, ходят слухи, что нашу дивизию перебросят на Врангеля. Там теплее, а это для нас важно.

Ну все это - чепуха, если вы там, в далеком, милом для меня Омске живы и здоровы и по возможности счастливы, а я, я счастлив и тогда, когда поем картошки с маслом, масло мы так редко видим. Прощай же, моя дорогая мамочка, крепко, горячо целую тебя. Да хранит Бог тебя и дорогого брата. Пишите чаще.

Коля.

P.S. Привет всем, кто про меня спросит.

Н.А.ПЕТРОВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ (неполное).
Красная армия. 28 сентября 1920 г.

Дорогая мама. Не знаю, милая, удастся ли написать, а не хочется упускать удобный случай. Дело в том, что один из красноармейцев

едет домой и мог бы увезти и это письмо до любого ближайшего пункта.

Сейчас получил приказ о выезде, значит надо торопиться писать. Через некоторое время опять мы очутимся в атмосфере страданий, и я боюсь, что не переживу их, хотя нахожусь в условиях лучших, чем когда бы то ни было, за исключением, конечно, моего домашнего жителя-бытия. Положение мое сейчас немного видоизменилось. Я уже помощник командира роты. Избавился от хлопот и теперь нахожусь на самой спокойной должности, т.к. нет почти никакой ответственности, чего я уж, как боюсь. Про ... Командир роты образован, с ним можно поговорить не только о военщине или политике, но и о чем-нибудь более житейском, более существенном, чем эта, хуже горькой редьки надоевшая, все просвербившая чепуха...

И.САВЕЛЬЕВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.

8 ноября 1920 г.

Сообщаю Вам печальную для Вас весть. Все Ваши послания и полученные мною письма на имя тов. Петрова являются для него уже ненужными, так как славный Ваш Коля убит во время боя на Западном фронте в местечке Кайданово в ночь на 11-е октября. Я его видел сам лежащего уже убитым. Тов .Петров был мне хорошо знаком, мы помещались всегда с ним вместе на квартире. Но когда мы были окружены поляками, то он выбежал после меня с квартиры, и я его уже увидел убитым, когда нами было местечко занято вторично.

Политрук 5 роты 241 Крестьянского полка 27 стрелковой дивизии

И.Савельев.

КОРЖЕНКО - А.Н.ПЕТРОВОЙ.

8 декабря 1920 г.

На Ваше письмо от 1-го ноября 1920 г. сообщаю, что Ваш сын Николай, занимавший должность помкомроты убит 11 октября с/г. в местечке Кайданове, все его вещи остались с ним. Хоронить нам его не пришлось, потому что он убит при отступлении в Минской губ. Больше о нем ничего сообщить не могу.

До свидания.

Командир роты 241 полка Корженко.

Г.ПОПОВСКИЙ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.

17 февраля 1921 г.

Августина Николаевна! Письмо Ваше от 24.12.1920 г. мною получено. Сообщаю, что могу. Ваш сын Коля Петров был моим другом. Последнее время он занимал должность помкомроты, а комрот, который был позже, уже и его не стало. И вот, в местечке Кайданово Минской губ., это как раз на границе Польской, в ночь на 11.10. он, т.е. Ваш сын, был убит пулею в лоб на вылет на улице местечка, где и оставлен. По случаю отступления могилы его никто не узнает. Вот и все, что я знаю о судьбе Вашего сына.

Красноармеец 5 роты 241 полка 27 дивизии Григорий Поповский.

И.САВЕЛЬЕВ - А.Н.ПЕТРОВОЙ.

Здравствуйте. Ваше письмо получил, в котором вы просите сообщить подробно о вашем сыне Коле. С моей стороны, было Вам послано письмо, в котором было сообщено подробно. И если Вы его получили, то все узнаете. Но в настоящее время я так писать подробно не могу, так как страшно занят делами. Хотя кое-что напишу. Сын Ваш был убит в местечке Кайданово, когда на нас врасплох, ночью, напали поляки. Я успел убежать, но он почему-то собирался очень долго, и когда мы отступили, то я уже не знаю, что с ним было. Но через несколько времени оно было снова занято нами, и когда я пришел туда, где мы стояли, то его не было. Выходя из квартиры, я его увидел лежащим около панели на мосту убитым. Голова его была простреляна, и он лежал полураздетым. Даже трудно было узнать его, так как череп был совершенно раздроблен, и лицо залито кровью. Но через несколько времени поляки снова заняли это место, и он остался в прежнем положении, так как убрать или похоронить его не удалось ввиду сильного боя, и после этого мы там уже не были, и место похорон я не знаю, похоронили его поляки или нет. Относительно записок и писем и вещей, то я не знаю, так как его вещи были в повозке и часть моих, и вместе с повозкой остались у поляков. У меня единственное было письмо, которое я получил от какой-то Кати Сомовой, но уже после его смерти и я в свою очередь, сообщил по тому адресу. А относительно Вашего приезда, то я скажу Вам определенно, что вы его могилы не найдете, и местность эта кажется не у поляков ли?

За тем до свидания.

Политрук 5 роты 241 Крестьянского полка И.Савельев¹⁹.

¹ Омский государственный историко-краеведческий музей (ОГИК музей). ОМК - 13143/6.

² Там же. ОМК - 13143/5.

³ Там же. ОМК - 13143/11,12.

⁴ Там же. ОМК - 13143/1.

⁵ Там же. ОМК - 13143/3,4,5.

⁶ Там же. ОМК - 13143/10.

-
- ⁷ Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. - Томск, 1995. - С.70.
- ⁸ Константинов С.И. Трагедия офицерского корпуса Белых армий на востоке страны // Белая армия. Белое дело. - 1996. - № 1. - С.19.
- ⁹ Шуляков В.А. Великий Сибирский поход Колчаковской армии (ноябрь 1919 - февраль 1920 года) // Известия ОГИК музея. - 1994. - № 3. - С.143.
- ¹⁰ Там же. - С.144.
- ¹¹ Письмо датируется по Нижнеудинскому штемпелю. Нужно отметить, что датировка писем имеет особое значение для восстановления боевого пути Н.Петрова. Так, например, можно предположить, что Н.Петров воевал в отряде И.Н.Красильникова, т.к. это единственное, известное нам, соединение, сформированное в Омске и действовавшее в то время на востоке, именно под Нижнеудинском. Правда, бой там у красильниковцев состоялся в ночь с 26 на 27 июня. Если мы знаем, что письмо датировано по штемпелю отправителя, то, наверняка, Николай написал его не 27 июня, а раньше. Значит в данном случае наша версия подтверждается. В тех местах, где это необходимо, специально указано, как датировано письмо. В некоторых же сам Николай ставил дату написания.
- ¹² Датируется по письму от 4 июля. В нем читаем: «...лежу в госпитале двенадцатый день...», а данное письмо - первое из госпиталя, т.к. в нем его адрес. Кроме того, этот факт подтверждает участие Николая в отряде Красильникова, т.к. в то время, т.е. в июне 1919 г., егерская бригада из этого отряда воевала против красных партизан на «Тасеевском фронте» под Канском. Однако данная гипотеза требует дальнейших поисков.
- ¹³ Датируется по содержанию.
- ¹⁴ Датируется по содержанию. По хранящемуся в архиве удостоверению, выданному А.Н.Петровой командиром 2 батальона 241 полка известно, что Николай начал служить там с 1 февраля 1920 г.
- ¹⁵ Датируется по содержанию.
- ¹⁶ Датируется по штемпелю получателя.
- ¹⁷ Датируется по содержанию.
- ¹⁸ Датируется по содержанию.
- ¹⁹ Автор выражает искреннюю признательность кандидату исторических наук Владимиру Александровичу Шулякову за ценные советы и практическую помощь в подготовке данной публикации к печати.
-

ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ

**ГОРЬКИЙ ХЛЕБ ЧУЖБИНЫ (К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
СМЕРТИ Н.Л.ГОНДАТТИ - ПОСЛЕДНЕГО ГЕНЕРАЛ-
ГУБЕРНАТОРА ПРИАМУРСКОГО КРАЯ)**

Тема российской эмиграции в Маньчжурии, которая в последнее время привлекла внимание ряда дальневосточных историков¹, предполагает изучение отдельных судеб людей, вольно или невольно оказавшихся на чужбине. Только в этом случае трагедия, явившаяся следствием революционных катаклизмов и Гражданской войны и выпавшая на долю наших соотечественников, может получить правдивое и всестороннее освещение.

Несомненно, одной из колоритных фигур российского Зарубежья в Маньчжурии был Николай Львович Гондатти (1860-1946 гг.), бывший генерал-губернатор Приамурского края. В созвездии генерал-губернаторов дальневосточной окраины России начала XX века Н.Л.Гондатти принадлежало особое место. Он был первым не военным, а штатским генерал-губернатором, более других (свыше шести лет) занимавшим этот высокий административный пост. Он внес значительный, но до сих пор по достоинству не оцененный, вклад в освоение края. Ему довелось сполна познать горький хлеб чужбины и при этом сохранить чувство любви к России, к ее Дальнему Востоку.

Можно сказать, что в объемной книге неординарной жизни Н.Л.Гондатти имелось три больших главы. Первая, охватившая более 30 лет, - была временем становления личности гражданина-патриота и утверждения как ученого-этнографа. Вторая глава биографии Н.Л.Гондатти включила почти четверть века его жизни и целиком была связана с российским Дальним Востоком и Восточной Сибирью, когда в полной мере проявился его талант исследователя и незаурядные способности администратора. Вершиной жизни Николая Львовича стало его генерал-губернаторство в Приамурском крае (1911-1917 гг.), включавшем в себя Чукотку, Камчатку, Охотское побережье, северный Сахалин, Приамурье, Приморье, линию Китайско-Восточной ж.д. в Маньчжурии. Последняя часть жизни Н.Л.Гондатти, на которую пришлось около тридцати лет, прошла в изгнании, была заполнена драматическими коллизиями, тяжелыми душевными потрясениями, семейными горестями и житейскими невзгодами. Этому во многом трагическому периоду биографии Н.Л.Гондатти и посвящена данная статья, в которой прослеживаются основные вехи его общественной жизни, впервые дается интерпретация компрометирующих его эмигрантских документов и материалов.

Предреволюционный 1916 год во многом оказался этапным в деятельности генерал-губернатора Н.Л.Гондатти, своеобразным апогеем его жизни. В январе исполнился пятилетний срок выполнения им обязанностей начальника Приамурского края, что явилось поводом для подведения первых итогов деятельности. За пятилетний срок управления Н.Л.Гондатти краем в нем совершилось много событий, внесших существенные изменения в жизнь дальневосточной окраины России. В основу своей деятельности Гондатти положил выводы всесторонних научных данных, полученных Амурской экспедицией, которую он возглавлял в 1909-1910 годах. Можно утверждать, что Н.Л.Гондатти был первым управляющим края, кто понял необходимость перспективного комплексного развития такой огромной и разнообразной по природным богатствам территории, как российский Дальний Восток. Он настойчиво требовал, чтобы «правительством в основу его деятельности на Дальнем Востоке был положен совершенно определенный план, закрепленный Высочайшей властью и, таким образом, обязательный для центральных и местных учреждений, независимо от перемен в их личном составе»²

К сожалению, Приамурскому генерал-губернатору не удалось добиться принятия «колониционного плана» правительством. Начавшаяся первая мировая война отодвинула на второстепенное место проблемы освоения Дальнего Востока. Если коротко сформулировать главные направления колонизации края, которые определяли управленческую деятельность генерал-губернатора, то они сводились к следующему: развитие переселенческого управления по заселению края земледельцами; широкое участие переселенческого ведомства в доставке на Дальний Восток русских рабочих, промыслового люда; устройство сети водных, грунтовых и почтово-телеграфных путей сообщения; строительство Амурской ж. д.; широкая организация доступного торгово-промышленного кредита, направленного к насаждению и поощрению в крае наиболее культурных и выгодных для государства видов обрабатывающей и добывающей промышленности; привлечение иностранных капиталов для культурного использования богатств края при посредстве русских служащих и рабочих. Именно промышленное развитие края, создание здесь добывающей и обрабатывающей промышленности по переработке леса, рыбы, внедрение механизмов в добычу золота и других ценных металлов, по мнению Н.Л.Гондатти, были способны обезопасить дальневосточную территорию России от мирной экспансии соседних государств.

При существовавшей большой ограниченности властных полномочий генерал-губернатор Н.Л.Гондатти добивается в центре решения многих вопросов социально-экономического развития края. Например, был открыт долгосрочный промышленный кредит для развития фабрично-заводской промышленности. Число кредитных товариществ в крае увеличилось в шесть раз. Для распространения кустарного производства учреждается Дальневосточный кустарный комитет. Построено 4 казенных лесопильных завода, завод искусственного рыбозаведения, начато строительство завозных складов для рыбы, установлен

Приамурский генерал-губернатор
Николай Львович Гондатти.
1916г.

государственный кредит золотопромышленникам. Было положено начало агрономической помощи местному населению, в крае появились агрономы и инструктора по сельскому хозяйству. По инициативе Н.Л.Гондатти была начата расчистка бара реки Амур близ г. Николаевска, учрежден правительственный надзор за развитием водных путей, увеличено число морских пароходных рейсов, поставлены вопросы о расширении коммерческого порта во Владивостоке, об устройстве за счет казны порта в Александровском посту на острове Сахалин, об открытии в Николаевске мореходной школы и т. д. За пять лет край дал государственному казначейству более 16 миллионов рублей, что в 3 раза больше, чем в предшествовавшее пятилетие³.

Всесторонне просвещенный генерал-губернатор понимал значение для укоренения населения решения социальных проблем. Благодаря его неустанным заботам, почти пять шестых частей всех крестьянских поселений края получили собственные школы. Правда, в основном это были одноклассные и двухклассные заведения, но было положено начало делу образования сельского населения. За пять лет усилилась врачебная помощь населению, почти в два раза возросли ассигнования на эти цели. В отношении коренных народов проводилась политика, основанная на собственных наблюдениях начальника края, который был противником вмешательства в их самобытную жизнь, запрещал торговлю алкоголем в национальных селах и стойбищах. В целом, деятельность Н.Л.Гондатти на посту генерал-губернатора, направленная на укрепление могущества России на Дальнем Востоке, способствовала усилению ее обороноспособности, ограничению влияния иностранцев, укоренению русских на дальневосточной земле.

5 октября 1916 г. состоялась торжественная церемония открытия для движения моста через Амур. Благодаря мастерству строителей за три с половиной года на берегах Амура был воплощен в жизнь уникальный проект выдающихся русских инженеров Л.Д.Проскурякова и Г.П.Передерия. На Всемирной выставке в Париже (1908 г.) проект фермы пролетного строения моста был удостоен золотой медали наряду с проектом башни прославленного мостостроителя Г.Эйфеля. На момент постройки Амурский мост был самым длинным из спроектированных в Старом свете.

Строительству Амурской ж.д. и моста Н.Л.Гондатти посвятил много внимания и забот. Ему, очевидно, было приятно получить поздравительные телеграммы вроде той, какую прислал управляющий Китайско-Восточной ж.д. (КВЖД) Д.Л.Хорват: «От всей души приветствую с окончанием моста через Амур, этого грандиозного сооружения, являющегося гордостью русской техники. Радуюсь, что на Вашу долю выпала завидная честь закончить великое дело соединения двух океанов железнодорожным путем, пролегающим в пределах России»⁴. Действительно, на долю Гондатти пришлось завершение строительства Амурской ж.д. - замыкающего звена Великого транссибирского железнодорожного пути. «С окончанием Амурской дороги, - не без основания считал он, - Россия может быть спокойна за свою далекую окраину». Признанием

заслуг Н.Л.Гондатти в деле сооружения Амурской ж.д. стало название одной из станций его именем⁵.

Начальник края, которому в 1916 г. исполнилось 56 лет, мог рассчитывать на получение вполне заслуженного приличного места службы в коридорах власти императорского двора. Но что-то помешало ему уехать в столицу. Возможно, он ощущал свои интеллектуальные силы, понимал значение приобретенного административного опыта, которые могли принести еще большую пользу делу управления полубившимся ему краем, реализации выношенных идей освоения дальневосточных земель. Может быть, его насторожила неофициальная информация из Петрограда о зреющем в аристократических кругах недовольстве непомерной ролью при дворе сибирского старца Г.Распутина, вмешательстве в государственные дела императрицы и др. Так или иначе Николай Львович принял ответственное решение и дал согласие исполнять обязанности генерал-губернатора Приамурского края еще пять лет - 1916-1921 гг.

Многие стороны деятельности Н.Л.Гондатти, его личность и мировоззрение трудно реконструировать и проанализировать, поскольку не сохранился его личный архив, публичные же выступления носили довольно сдержанный характер. Восполнить этот пробел в некоторой степени позволяют статьи Н.Л.Гондатти, посвященные проблемам изучения северных народов Сибири и Дальнего Востока⁶. В молодости он совершил этнографическую экспедицию на север Сибири с целью изучения таких народов, как ханты и коми, затем три года прожил на Чукотке, где наряду с исполнением административных обязанностей начальника округа, изучал жизнь оседлых и кочевых чукчей. Содержание статей наглядно показывает, что Н.Л.Гондатти были присущи такие личные качества, как стойкость и мужество, демократизм и такт в общении с людьми.

Для воссоздания портрета человека, безусловно, важны и необходимы свидетельства его современников. В данном случае они не многочисленны. Одно из них принадлежит Н.И.Гродекову - генерал-губернатору Приамурского края в 1898-1902 гг., оставившему заметный след в истории освоения и культуры края. Гродеков и Гондатти одно время работали бок о бок: генерал-губернатор назначил Гондатти заведующим отделом переселения и при этом предоставил ему большие полномочия. По словам Н.И.Гродекова, Гондатти «выказал, благодаря приметной энергии, высокому своему образованию, способностям, такту, высокие качества администратора и принес делу упорядочения управления области необыкновенную пользу»⁷. Можно сказать, что эти слова являлись своеобразным благословением Николаю Львовичу на будущее генерал-губернаторство в Приамурском крае. Представители же духовенства края во главе с архиепископом Евсеем в адресе с выражением поддержки политики генерал-губернатора отметили такие качества его личности, как стойкость, честность, простоту, административный такт, сердечное и теплое отношение ко всем⁸. Поскольку адрес не имел какого-то юбилейного повода, к этим оценкам можно отнестись с вниманием и доверием.

Очевидно, у администратора Гондатти имелись слабые стороны и недостатки. Но с уверенностью можно констатировать, что такие черты, как вельможный снобизм, высокомерие, алчность, карьеризм, присущие части российской чиновничьей аристократии, вызывавшие у низших слоев общества осуждение, ему вовсе не были присущи. Что же касается политических воззрений Н.Л.Гондатти, то их определение упрощается тем, что имеется авторское свидетельство: Гондатти считал себя монархистом⁹. Его монархистские пристрастия обусловлены происхождением - по матери он принадлежал к российскому потомственному дворянству; карьерой - генерал-губернатором Приамурского края он был назначен «высочайшим» императорским указом; благосклонным отношением императора Николая II, который не забывал награждать провинциального генерал-губернатора орденами, присуждать придворные звания и чины. Кстати, Гондатти был удостоен придворного чина шталмейстера Двора его императорского величества¹⁰ и придворного звания камергера. Николай Львович считал, что служить императору - значит служить России: усердно выполнять обязанности начальника края, радеть о его освоении и преуспевании. Как широко образованный человек, он заботился о просвещении и здоровье населения, о благоустройстве его жизни. Царский сановник, монархист Гондатти был открыт для общения с людьми, принадлежавшими к различным социальным слоям общества, был отзывчив на просьбы и обращения. Это был монархист с «либеральным лицом».

События, происшедшие в 1917 г. в России и в его жизни, напоминали Н.Л.Гондатти хабаровский иллюзион Алексева и К, который он нередко посещал с семьей. Получив тревожные известия о массовых волнениях и беспорядках в Петрограде, 28 февраля Гондатти вместе с командующим военным округом генералом А.Н.Нищенковым в сопровождении довольно большого числа сотрудников аппарата, спецпоездом выехал во Владивосток. Наличие там флота, крепостной артиллерии и довольно значительного числа рабочих заставляло руководство края опасаться революционного взрыва и требовало принять превентивные меры.

В эти дни в Хабаровск по телеграфу из столицы приходили сообщения о нарастании там революционных событий и, наконец, 3 марта стало известно об отречении Николая II от престола. Политически активной, радикально настроенной частью горожан, состоявшей в основном из бывших каторжан и ссыльных, в Хабаровске был создан комитет общественной безопасности (КОБ) с «неограниченными полномочиями» в составе 10 человек от городской думы и 20 - избранных на многотысячном митинге. Председателем КОБа стал социал-демократ А.И.Мальшев. В воззвании «К гражданам города!» говорилось, что велениям и распоряжениям комитета «все должны беспрекословно подчиняться и, в случае надобности, он не остановится ни перед какими жертвами и ценностями»¹¹. В телеграмме из Владивостока генерал Нищенков объявил «группу неизвестных лиц» (КОБ) преступниками и угрожал по возвращении в Хабаровск «немедленно ее ликвидировать»¹². На секретном заседании руководство КОБа решило отстранить

от должности командующего округа и начальника Хабаровского гарнизона генерала Нищенкова и арестовать его. Подобное решение было принято в отношении генерал-губернатора Гондатти и правителя его канцелярии В.А.Закревского. Долго обсуждался вопрос, как это сделать без эксцессов. По воспоминаниям одного из участников событий В.Бакуты, к моменту прибытия поезда Гондатти и генерала Нищенкова, перрон Хабаровского вокзала был занят вооруженными солдатами, перед станцией все пространство было охвачено полукольцом сотни уссурийских казаков. Первым из вагона вышел генерал, ему было предъявлено решение КОБа об аресте, вызвавшее с его стороны протест. Однако он вынужден был сдать оружие и проследовать к машине. Генерал-губернатор Гондатти «быстро пошел от вагона к входу в здание вокзала, направо и налево поздравляя всех нас с «обновлением» России. Но демагогический прием не помог, и он был арестован вместе со встречавшим его правителем канцелярии Закревским», - вспоминал В.Бакута¹³. Мемуарист делал вывод: «Так был закончен первый этап революции в краевом центре. С пути ее были решительно устранены опасные и могущественные силы старого строя».

Генерал-губернатора посадили на военную гауптвахту, где он пробыл почти месяц. А в это время князь Г.Е.Львов от имени Временного правительства распорядился освободить из-под ареста всех губернаторов и генерал-губернаторов, не оказавших активного противодействия общественным организациям во время революции. Разрешение вопроса об освобождении того или иного губернатора было предоставлено на усмотрение местных комитетов. И тут же разъяснялось, что губернаторы не уволены, а только временно устранены от исполнения своих обязанностей и им будет выплачиваться жалование в прежних размерах¹⁴. По распоряжению Временного правительства был учрежден комиссариат по управлению Сибирью. Комиссаром Дальнего Востока был назначен член Государственной думы А.Н.Русанов. На заседании Хабаровского КОБа с участием комиссара обсуждался вопрос о положении арестованного Гондатти. Русанов считал, что следует или предъявить арестованному судебное обвинение, если к тому имеются законные основания, сообщив об этом в столицу, или освободить Н.Л.Гондатти из-под стражи, предоставив ему возможность выехать в распоряжение Временного правительства. А.И.Малышев утверждал, что следствие ведется, есть какие-то результаты, которые не могут быть оглашены в открытом заседании. После полуторачасового обсуждения этого вопроса на закрытом заседании, комиссар Временного правительства постановил освободить генерал-губернатора с гауптвахты и предоставить ему возможность в кратчайший срок выехать в Петроград¹⁵. Одновременно с Гондатти с гауптвахты были отпущены генерал Нищенков и Закревский.

Вскоре Н.Л.Гондатти в сопровождении конвоя, состоявшего из восьми солдат, отправился из Хабаровска через Харбин в столицу. Эту дорогу он хорошо знал, не раз по ней ездил. Вообще Гондатти любил дорогу, в молодости он много путешествовал, объездил почти весь мир: был в Китае и Японии, путешествовал по экзотическому Цейлону,

странам Северной и Южной Америки, посещал такую малоизвестную для русских страну, как Новая Зеландия, бывал во Франции, Италии, Австрии. Но эта поездка по вздыбленной России с Дальнего Востока в столицу с конвоем воспринималась нелепой и абсурдной. По дороге солдаты конвоя куда-то исчезали, и в Петроград Гондатти приехал только с одним солдатом, который не покинул свой пост только потому, что Николай Львович платил ему из личных средств «за охрану».

В Петрограде Н.Л.Гондатти быстро убедился в том, что временному правительству не до генерал-губернатора глубокой провинции, поэтому он настоял на своей отставке, подав заявление. Отставка была принята, но при этом оговаривалось, что он отстраняется временно. Раз правительство было Временным, то и решения оно принимало только временные.

В июле 1917 г. Гондатти уехал из столицы в Финляндию, где в Гельсингфорском университете читал лекции о Сибири. Побывал он и в Москве, повидался с родственниками и старинными друзьями. Не найдя нигде себе места, Николай Львович отправился в обратный путь на восток. В Иркутске он остановился у приятелей, с которыми познакомился в бытность управляющим канцелярией иркутского генерал-губернатора. Сюда же из Хабаровска приехала и его семья.

В ходе своей продолжительной, связанной с большим риском для жизни, поездки по России 1917 г. Гондатти смог убедиться в силе и губительности революционной бури, пронесившейся над огромными просторами Родины. Вот и в Иркутске стало опасно находиться бывшему царскому сановнику. Самое лучшее было перебраться с семьей в Харбин. Случилось это в октябре 1918 г.

Как генерал-губернатор Приамурского края, в состав которого входила и территория КВЖД, Гондатти неоднократно посещал Харбин. Можно сказать, на его глазах этот «скороспелый город», построенный на китайской территории в связи с прокладкой железной дороги, рос и богател. Здесь находилось более 200 магазинов, 46 фабрик и заводов, огромное количество мелких лавок, складов, мастерских. Большинство предприятий (1200 из 2200) принадлежало русским предпринимателям¹⁶. По оборотам внешней торговли в Китае Харбин занимал 4-е место, уступая лишь Шанхаю, Кантону и Дайрену¹⁷. В Харбине проживало около 70 тысяч человек, что позволяло отнести его к разряду крупных городов. При многонациональном характере городского населения, половину его составляли русские: коммерсанты, инженерно-технические работники, квалифицированные рабочие, обслуживающие КВЖД, и др. Город имел неповторимый оригинальный уклад. Своеобразие городской жизни придавало тесное соседство русского и китайского населения. Нельзя однозначно сказать, что эти отношения носили дружественный характер, поскольку на обыденном уровне и с той, и с другой стороны проявлялись недоверие и национальная спесь. Но тесные экономические взаимовыгодные связи значительно ослабляли напряжение во взаимоотношениях и делали контакты между русским и китайским населением вполне добрососедскими.

Николай Львович знал многих харбинских почтенных граждан, в первую очередь, из числа администрации. Он мог рассчитывать на поддержку самого генерала Д.Л.Хорвата, который более пятнадцати лет управлял КВЖД. Спасая подведомственную территорию от советских порядков, он передал охрану дороги китайским войскам и был вынужден покинуть пост управляющего. Во многом благодаря Д.Л.Хорвату, пользовавшемуся большим авторитетом среди русских харбинцев и у китайских властей, Н.Л.Гондатти получил престижную должность начальника земельного отдела КВЖД. В это время произошло сближение Гондатти с В.К.Рерихом (братом академика Н.К.Рериха), который заведовал опытным полем в земельном отделе КВЖД.

Поначалу Гондатти не нашел каких-то серьезных перемен в жизни Харбина, который журналисты именовали «восточным Парижем». Город продолжал жить размеренно и благополучно. Вполне благополучно стала складываться жизнь и семьи Гондатти: появился достаток, приобретенные земельные участки и дома придавали ей видимую стабильность и респектабельность. Среди деловых людей и интеллигентов Н.Л.Гондатти пользовался глубоким уважением и высоким авторитетом. Он, как и все харбинские русские, с напряженным вниманием следил за ходом Гражданской войны на Дальнем Востоке, понимая, что от ее исхода будет зависеть судьба всех россиян в Маньчжурии.

В 1921 г. Н.Л.Гондатти побывал в Хабаровске, где участвовал в совещании русских политических деятелей кабинетов Керенского и Колчака вместе с князьями Кропоткиным, Ухтомским, генералом Дитерихсом, бывшим послом России в Японии Крупенским и др. На совещании рассматривались вопросы: о политическом положении, об атамане Г.М.Семенове как единственной реальной военно-политической фигуре на Дальнем Востоке в то время¹⁸. Появившиеся на Дальнем Востоке новые правители, которые провозглашали себя спасателями от большевиков, обращались к известным, авторитетным личностям с предложением украсить, облагородить их правление. Так, по телеграфу из Владивостока от братьев Меркуловых, в руках которых находился город, поступило предложение Н.Л.Гондатти возглавить правительство. Отказ Николая Львовича с неудовольствием был воспринят в русских политических кругах Харбина. Позже его недруги считали, что этот отказ способствовал падению Приморского правительства и был на руку большевикам.

А тем временем китайские власти, воспользовавшись состоянием Гражданской войны в России, постепенно взяли в свои руки всю полноту власти в Маньчжурии. Русские административные учреждения были закрыты, а их дела переданы в китайские органы. Русские были лишены права экстерриториальности и вынуждены были подчиниться китайским законам. Так российские подданные, в разное время обосновавшиеся в Маньчжурии, в одночасье помимо своей воли оказались эмигрантами. Российским эмигрантом стал и Н.Л.Гондатти.

Вскоре, в связи с окончанием Гражданской войны на Дальнем Востоке и поражением Белой армии, в Маньчжурию хлынул поток разбитых

белогвардейских частей, казаков и гражданских беженцев. Численность выходцев из России достигала в Китае 200 тысяч человек. Харбин оказался наводнен русскими новоселами, многие из которых оказались без средств к существованию. Они, словно птицы, спугнутые со своих гнезд, жили беспокойно и суетливо. Бесспорно, наличие здесь значительной русской диаспоры облегчало адаптацию вновь прибывших русских.

Среди российских эмигрантов, проживавших в Маньчжурии, образовалось два пласта. Первый состоял из русских людей, которые прибыли в Маньчжурию до войны и революции и перешли в эмигрантское состояние автоматически. К их числу можно с известными оговорками причислить и Н.Л.Гондатти. Другой пласт образовали беженцы из России, прибывшие в Маньчжурию по мере крушения Белых армий и фронтов. Незнание и трудности освоения восточных языков, неизвестные культура и среда обитания, невозможность конкурировать с местным населением на рынке труда по причине крайней дешевизны рабочей силы последнего, политическое бесправие - вот далеко не все, что отличало и отягчало положение наших соотечественников в Китае и особенно в Маньчжурии. В любом действии эмигранта китайский полицейский чиновник мог усмотреть провинность и подвергнуть за это штрафу, размер которого так же определялся усмотрением и аппетитами представителей власти. Всякое судебное дело сопровождалось непомерными поборами. В отношении российских эмигрантов производились особые меры давления. Например, эмигрант ежегодно должен был выбирать паспорт, плата за который с каждым годом росла и составляла значительную сумму.

С целью защиты интересов российских эмигрантов, оказания им помощи стали возникать многочисленные благотворительные организации, комитеты, общества. Политически активные эмигранты, в первую очередь, из числа высших офицеров создали десяти политизированных ассоциаций, в основном монархического толка. Индифферентное отношение к ним со стороны бывшего царского сановника Н.Л.Гондатти вызвало недоумение, осуждение и даже гнев у части эмигрантов. Их отзвуком явилось «открытое письмо высокопревосходительству г-ну Гондатти», которое было напечатано одной японской газетой в Харбине. Некто Адзума, на редкость хорошо информированный о прошлом Гондатти, обвинил его в том, что он служил в частном коммерческом предприятии, у частного хозяина, заведовал земельным отделом КВЖД и был совершенно безучастным по отношению к Белому движению. Автор предъявил Гондатти чрезвычайно серьезные обвинения, выраженные следующим образом: «служба... у частного хозяина, исключительно ради жалованья и забыв милости белого царя и белую идею, Вы являетесь невольным союзником угнетателей и разорителей вашей Родины и скоро, кажется, протяните им руку... Являясь невольным пособником большевистских идей, Вам следовало бы отказаться от императорского ордена Восходящего Солнца...»¹⁹.

Логика автора была предельно ясна: раз не участвуешь в Белом движении, значит помогаешь большевикам. Но судя по всему, Н.Л.Гондатти эти обвинения не испугали. Он продолжал сторониться

многочисленных политических белогвардейских организаций, строивших всевозможные планы борьбы против советской России. Чем объяснить подобное поведение Николая Львовича, не характерное для лиц его круга? При отсутствии архивных документов, которые бы прояснили этот очень важный вопрос его эмигрантского бытия, можно лишь строить предположения и выдвигать гипотезы. Прежде всего следует «защитить» Гондатти от обвинений в том, что он служил в частном коммерческом предприятии. Имея жену и двух дочерей, он обязан был их содержать, а следовательно, где-то служить и получать жалованье. Возможно его престижная и хлебная должность у кого-то вызывала элементарную зависть. Гораздо сложнее обнаружить мотивы отказа Гондатти от активного участия в политической жизни российской эмиграции, от членства в белогвардейских организациях и в целом - пассивность в Белом движении. Возможно, как ученый и прагматик, он считал бессмысленной вооруженную борьбу против новой власти в России. Можно предположить, что Гондатти без доверия относился к таким лидерам российской эмиграции, как атаман Г.М.Семенов, который заигрывал с японцами, делал на них политическую ставку. Но в лидерах Белого движения был и Д.Л.Хорват, который стал председателем восточного отдела Российского общевоинского союза (РОВС). Цель отдела определялась по-военному четко: свержение власти большевиков в Сибири и на советском Дальнем Востоке. А если равнодушное, пассивное отношение к политической деятельности было жизненным кредо Н.Л.Гондатти? Известно, например, что даже в студенческие годы в Московском университете его не привлекала политическая деятельность. Занятиям в политических кружках он предпочитал работу в научных обществах. Так или иначе Н.Л.Гондатти за всю свою жизнь ни в каких политических организациях «не состоял»²⁰.

В 1924-1925 гг. советское правительство подписало договор с китайской администрацией о переходе КВЖД в руки обоих государств на паритетных началах. В соответствии с этим советская сторона администрации КВЖД была представлена гражданами СССР, как прибывшими из Советского Союза, так и получившими гражданство непосредственно в Маньчжурии. Китайская сторона имела право использовать на этой службе своих граждан. В связи с этим те российские эмигранты, которые работали на КВЖД, могли принять китайское гражданство. Вместе с тем советское правительство заявило о лишении русских, проживающих в Маньчжурии, прав своих граждан и отказалось от какой-либо защиты и представительства их интересов. Выход из тупика, в котором невольно оказались русские, работавшие на КВЖД, виделся в принятии китайского гражданства. В числе тех русских, кто не принял ни советского, ни китайского подданства и вынужден был покинуть работу на КВЖД, был Н.Л.Гондатти.

Сторонясь Белого движения, Гондатти оставался активным общественным деятелем. Его всегда привлекала общественно-просветительская деятельность, связанная с образованием молодежи. Поэтому Гондатти не мог оказаться в стороне от дела организации в Харбине политехнического института. Можно сказать, что Н.Л.Гондатти был одним из

основателей этого знаменитого вуза. Сначала по инициативе инженеров и ученых в Харбине возникло «Общество по учреждению Русско-китайского техникума», который был открыт в октябре 1920 г. и призван был удовлетворять острую потребность в технических кадрах КВЖД и возникавших вдоль дороги новых предприятий. Для организации и управления делами было создано правление «Общества» в числе 14 членов, в котором председательствовал Н.Л.Гондатти. В апреле 1922 г. техникум был преобразован в Харбинский политехнический институт. Для его открытия администрация КВЖД выделила немалую субсидию, частные пожертвования и вклады сделали коммерческие предприятия и фирмы.

Особой заботой Гондатти были студенты. Целый район, где жили студенты-эмигранты в честь него долго назывался «Гондательской»²¹. Николай Львович, пользовавшийся огромным авторитетом среди молодежи, являлся неизменным желанным почетным гостем проводимых ими праздников и конференций. Например, так было летом 1929 г. в «день русской культуры», когда русское студенческое общество не забыло пригласить Николая Львовича в качестве своего почетного гостя.

Учителя-старожилы Харбина помнили, насколько будучи Приамурским генерал-губернатором Гондатти был заботлив о школе, о простоте его общения с учениками и педагогическим персоналом, о его глубоком проникновении в дело образования. Гондатти-эмигрант не изменил своей привязанности: он входил в правления двух гимназий, неизменно участвовал в обсуждении проблем развития школьного образования, считая, что в нем нет второстепенных вопросов. Однажды он - «популярный общественный деятель, тесно связанный с эмигрантской школой» - принял участие в дискуссии на тему: «Нужна ли школьникам обязательная форма», обсуждавшуюся в связи с введением ее в харбинских школах²².

В постепенно налаживавшуюся жизнь российских эмигрантов коренные перемены внесли японская оккупация Маньчжурии и создание здесь марионеточного государства Маньчжоу-Го. Испытывая недоверие к многочисленным выходцам из России, опасаясь, что разведывательные органы СССР имеют среди них своих агентов и попытаются завербовать других, заботясь о тотальном контроле за эмигрантами, японские военные власти решили объединить многочисленные российские эмигрантские организации и комитеты. Согласно резолюции министерства внутренних дел Маньчжоу-Го от 29 декабря 1934 г. было учреждено Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) как центральный орган, «призванный объединить вокруг себя все те элементы эмиграции, которые не могут относиться равнодушно к судьбам своей Родины». Под крышу Бюро было собрано 142 общественно-политические, корпоративные, национальные, культурно-просветительные и религиозные организации эмигрантов. Власти хорошо понимали, что успех Бюро среди эмигрантов во многом будет зависеть от личности, которой предстоит возглавить этот орган. Поэтому они предприняли энергичный поиск авторитетного среди выходцев из России и удобного для японцев человека. Было сделано предло-

жение возглавить Бюро Н.Л.Гондатти - царскому сановнику, бывшему генерал-губернатору. Это сулило ему выполнение необременительных администраторских обязанностей и безбедное существование. Неожиданно Николай Львович отказался от этого, казалось бы, престижного предложения.

После этого эпизода японцы быстро поняли, с кем из русских следует иметь дело. Давая задание находившемуся на службе у японской разведки журналисту А.Веспе начать вербовку среди русских, высокопоставленный японец говорил: «Нам нужны только молодые, способные и покладистые люди, которые заинтересованы в чинах и регалиях, а в обмен на это выполняют все, что мы от них потребуем. Мы хотим, чтобы русские имена прикрывали нашу деятельность, а для этого вовсе необязательно быть мыслителем. Нам нужны люди недалекие, но с амбициями, чье тщеславие не заходит, правда, дальше мечты увидеть себя во главе какой-либо организации... Главными критериями при отборе должны быть алчность, тщеславие, желательное, отсутствие патриотизма»²³. А эти князья и графы, профессора и литераторы, генералы и полковники, старые аристократы прежней России - Голицыны. Аксаковы, Завалишины, Гондатти - «все время мешаются под ногами,... они крайне назойливы».

Начальником Бюро вскоре стал совсем немолодой генерал В.В.Рычков, а для Николая Львовича началась, наверное, самая тяжелая полоса жизни. В эмигрантских газетах появились статьи, авторы которых поставили ему в вину растрату и присвоение общественных денег. Харбинская эмигрантская газета «Наш путь» опубликовала большую статью под броским заголовком «Как Н.Л.Гондатти «сберег» ссудосберегательную кассу своих педагогов. Вскрылась еще одна афера «злого гения» гимназии. Куда исчезли 8000 го-би. Темная история с подложными чеками»²⁴. Гондатти обвиняли в расхищении средств ссудосберегательной кассы преподавателей гимназии им.Ф.И.Достоевского, а также в банкротстве банка общества домовладельцев. Вся эмиграция была взбудоражена этими газетными разоблачениями. Николай Львович был вынужден уйти с поста председателя общества домовладельцев, крупного и авторитетного объединения, которое он длительное время возглавлял. По рекомендации президиума Бюро он был выведен из состава епархиального совета (очевидно, не без нажима японцев, т.к. вопрос о назначении новых членов согласовывался с японской военной миссией)²⁵.

Для современного анализа правомерности выдвинутых против Гондатти обвинений слишком узка документальная база, но и игнорировать их было бы неправильно. Вполне возможно предположить, что халатность, неаккуратность в оформлении финансовой документации, допущенные Н.Л.Гондатти, излишняя его доверчивость могли привести к банкротству кассы или банка. Известно так же немало случаев, когда беженское существование было причиной перерождения не только слабых, но и сильных личностей. Однако подобные допущения находятся в вопиющем противоречии с образом Н.Л.Гондатти. Может быть причина банкротства коренилась в объективных обстоятельствах, в

изменениях экономической ситуации в связи с японской оккупацией Маньчжурии?

При знакомстве с материалами, инкриминировавшими Н.Л.Гондатти растрату общественных денег, бросается в глаза одна важная деталь: все финансовые обвинения в той или иной мере увязывались с политическими. Утверждалось, что Гондатти «очень отрицательно относится к существующему Бюро по делам российских эмигрантов»²⁶. «В отношении Маньчжоу-Го и политики японцев Гондатти высказывался очень неопределенно. Он говорил: «неизвестно, что еще из этого выйдет и другое в этом роде»²⁷. «В особенности общее недоумение и даже негодование вызывает его пассивная и даже уклончивая лояльность по адресу нового режима в Маньчжоу-Го и дружественных японцев. «Неизвестно, чем еще все это кончится» или «Мы не знаем их истинных намерений», - вот обычные возражения Гондатти всякий раз, когда подымается вопрос об установлении более тесного контакта руководимой им организации с властями или с японцами»²⁸. Делался вывод: «само собою разумеется, что такая тактика ничего кроме вреда принести не может»²⁹. Не в этих ли рассуждениях и заключался глубоко скрытый корень всех обвинений, которые обрушились на седую голову Гондатти.

Закономерно встает вопрос: не инспирированы ли уголовные обвинения Николая Львовича, не находились ли их авторы в японской военной миссии? Неужели у Н.Л.Гондатти не было друзей, не было людей, которые верили бы в его порядочность и честность? Удалось найти два подобных свидетельства. Первое принадлежало чинам общества домовладельцев, которые «определенно считали, что его (Гондатти - Н.Д.) затравили за непокорный характер, за то, что тот остался русским до конца и не шел на компромиссы ради чужих выгод»³⁰. Важное заявление, акцентирующее внимание на тех личностных чертах Гондатти, которые всегда были ему присущи. Безымянные члены общества обвинили газеты в развязывании грязной кампании против их председателя. Хотя признавалось, что среди них имелись враги Гондатти, но уход его с поста председателя расценивался «непоправимой утратой для общества»³¹.

Второе свидетельство принадлежало А.Веспе, который восхищался поведением «истинно мужественных людей из числа русских эмигрантов», в числе которых он называл Н.Л.Гондатти, человека «неукротимого духа»... В подтверждение этого журналист вспоминал историю о том, как в дом к старику приехал офицер японской жандармерии с ордером на обыск и арест. Гондатти встретил непростого гостя с орденом «Золотого коршуна»³² на груди - самой высокой наградой, которой мог пожаловать император Японии иностранца и которая была вручена Гондатти в бытность его губернатором. Такой орден давал его обладателю иммунитет, неприкосновенность личности, и японский жандарм в полной растерянности вынужден был ретироваться. В другой раз двое молодых русских без определенных занятий, - из тех, кто всегда готов за подачку выполнить любой приказ любых хозяев, - обвинили Гондатти в растрате фондов частной школы, владельцем

и почетным директором которой тот являлся более 20 лет. Эти молодцы, уверенные в своей безнаказанности, так как действовали по прямому указанию японцев, в суде оскорбляли Гондатти на площадном языке. Когда судья-китаец предоставил слово обвиняемому, тот тихо сказал: «Я отказываюсь отвечать на недостойные обвинения этих подонков. Мне больно видеть, как эти молодые русские парни ради каких-то несчастных 35 долларов, которые им платят каждый месяц, могут пасть так низко, чтобы поступиться своей честью и совестью по приказу японских хозяев...»³³. Заметим, что полицейский произвол по отношению к Гондатти не носил экстраординарного характера. Скорее он был нормой, повседневностью жизни рядовых российских эмигрантов.

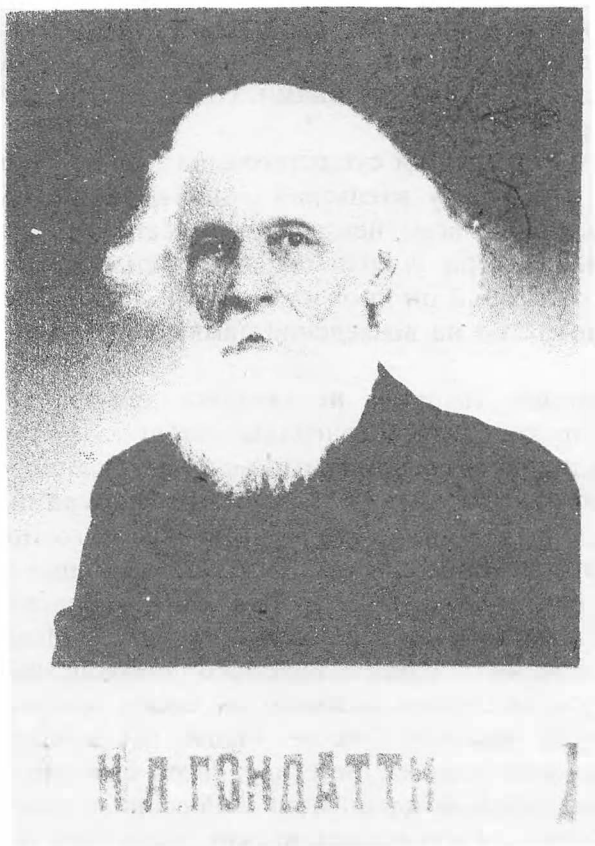
К концу 1930х гг. ряды наших соотечественников в Маньчжурии сильно поредели. Спасаясь от японского засилья, часть состоятельной интеллигенции покинула ее, переехав в США и Австралию. Часть эмигрантов перебралась в Шанхай, где сравнительно благополучно жила российская диаспора. Значительная часть россиян, связанная с работой на КВЖД, после ее продажи Советским Союзом местным властям, возвратилась на Родину. Местными лидерами российской эмиграции нагнетался антисоветский, антикоминтерновский психоз. На Западе центры российской эмиграции уже к концу 1920х гг. сняли с повестки дня идею вооруженной борьбы против СССР. Руководители же дальневосточной ветви эмиграции продолжали разрабатывать ее планы, готовить вооруженные силы. Продолжительному сохранению антисоветской агрессивности маньчжурской эмиграции способствовало ее геополитическое положение - доступность выхода на протяженную границу с СССР. Но главным обстоятельством, способствовавшим долговременному сохранению в этой среде воинственных настроений, являлось нахождение в Маньчжурии Квантунской армии Японии, насчитывавшей несколько сотен тысяч хорошо обученных солдат и офицеров.

С первых дней нападения фашистской Германии на СССР руководство российских эмигрантских организаций безоговорочно выступило за поражение в войне Красной армии и советского народа. Однако эту официальную линию, которую, естественно, одобряли японские власти, не разделяла основная масса рядовых эмигрантов. О переменах, происходивших в это время в настроениях, чувствах наших соотечественников, некоторое представление дает эволюция взглядов бывшего белогвардейского штабс-капитана В.Д.Жиганова, до войны занимавшего откровенно антисоветские позиции. В июле 1941 г. в Шанхае им была опубликована брошюра «В защиту Родины», потом брошюра «Стране Российской и ее защитнице Красной Армии - слава». Сами заголовки этих публикаций говорят о многом. Жиганов писал: «Никакие угрозы господ пораженцев никогда и нигде не заставят нас предать нашу Отчизну... Всей душой радуюсь, когда слышу о том, что наши русские войска гонят немецкую армию с русской земли»³⁴. Он утверждал, что в 1942 и 1943 гг. тысячи «белых эмигрантов» пришли в советское консульство в Шанхае за советским паспортом, чтобы таким образом выразить симпатии к борьбе Родины против гитлеровцев.

По сравнению с Шанхаем, в Маньчжурии, в Харбине осуществлялся гораздо более жесткий контроль за настроениями российских эмигрантов. С помощью круговой поруки и системы осведомителей был установлен бдительный полицейский надзор за их настроениями. Просоветски настроенных эмигрантов, а к ним зачастую причисляли тех, кто с симпатией относился к советскому народу, самоотверженно боровшемуся с немецко-фашистскими захватчиками, исключали из списков эмигрантов и лишали продовольственного пайка. Можно было стать жертвой полицейского произвола и оказаться в тюрьме. При повышенном военно-политическом интересе японских властей к нашим соотечественникам, они не признавались равноправными с китайцами, корейцами и представителями других азиатских народов, населявших Маньчжоу-Го. Российские эмигранты не имели права свободного передвижения по стране. Для поездки на отдых, к родным, на лечение они были обязаны испрашивать разрешение в Бюро, которое свои решения согласовывало с японской военной миссией. Полностью дезинформированные о том, что в действительности происходило на советско-германском фронте, испытывавшие жесткий полицейский надзор и экономические трудности, эмигранты были лишены возможности оказывать какую-либо помощь своим соотечественникам, высказывать симпатию героической борьбе родного народа за независимость Отечества.

Вместо многочисленных российских и иностранных орденов, полученных за преданное служение России, Николай Львович, как и все российские эмигранты, вынужден был надеть специальный нагрудный знак в виде белого эмалированного квадрата с учетным номером. Японские власти, с большим подозрением относившиеся к эмигрантам, ввели его, как и отличительные знаки в эмигрантских квартирах. Вполне понятно, что это новшество было воспринято нашими соотечественниками как оскорбление и уничтожение человеческого достоинства. В эмигрантских газетах, журналах печатались карикатуры с изображением выходцев из России с этим знаком. В витринах харбинских улиц появилась карикатура, на которой была изображена стоящая на задних лапах собака со знаком на шее, а рядом - эмигрант с таким же знаком на груди. Веденный японцами знак эмигранты называли не иначе, как собачий. Обеспокоенные подобной реакцией представители японской военной миссии срочно изменили форму знака, придали ему политическое содержание: на знаке в форме щита были изображены три флага - российский, японский и Маньчжоу-Го. Но суть от этого, конечно, не изменилась.

В апреле 1942 г. Н.Л.Гондатти заполнил анкету Главного бюро по делам российских эмигрантов, содержавшую 30 вопросов. В графе награды, а он был награжден несколькими российскими орденами, в том числе орденом Станислава 2-й ст., орденом Святого Владимира 4-й ст., орденом Святой Анны 1-й ст. и другими, Гондатти вписывает только один - орден Святого Александра Невского. Думается, это им было сделано преднамеренно. Ведь анкету Гондатти заполнял в драматический период Великой Отечественной войны, когда гитлеровцы,

Николай Львович Гондатти
1942 г.

японские власти и руководители российской эмиграции в один голос утверждали о скором и неизбежном поражении Красной армии. Гондатти, как русский патриот, не мог разделять этих настроений, сочувствуя соотечественникам и желая им победы, подобной той, которую русские воины одержали под началом великого князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере. К тому же в день заполнения анкеты - 18 апреля 1942 г. - исполнилось ровно 700 лет той славной победы русичей над тевтонами. Николай Львович хорошо знал историю России!

Единственным источником существования для Н.Л.Гондатти в годы войны являлась скромная учительская зарплата за преподавание в школе русского языка. Ко всем невзгодам прибавилось семейное горе - вслед за смертью дочери умерла его дражайшая супруга Маргарита Мечиславовна, с которой он прожил более 40 лет. Последние накопления Гондатти потратил на возведение памятников на могилах жены и дочери.

Положение Николая Львовича не являлось чем-то исключительным. Бывшие чины царской армии - генералы, старшие офицеры, которые не пошли на сотрудничество с японскими властями, влачили жалкое существование, работали дворниками, сторожами, вахтерами. Заслуженный генерал-майор М.Е.Обухов, участник Брусиловского прорыва, долгое время работал сторожем на градохарбинском кладбище, затем за гроши занимался переплетом бухгалтерских документов. Генерал-майор Алексеев, бывший адъютант знаменитого адмирала С.О.Макарова, работал управляющим домами у одного крупного домовладельца Харбина³⁵. Часть эмигрантов оказалась заложницей своей доверчивости. Когда шли ожесточенные бои под Сталинградом, руководители эмиграции получили от японских властей директиву: «всем бывшим чинам царской армии подготовиться к возвращению в Россию для занятия прежних должностей». Сигналом для выезда должно было быть падение Сталинграда. Но этого не случилось, а несчастные люди, распродавшие свое имущество, оказались на чемоданах³⁶.

Несмотря на огромные усилия японских властей и руководства эмиграции по мобилизации выходцев из России для борьбы против СССР, следует признать, что эффективность их оказалась низкой. Наши соотечественники не сыграли сколько-нибудь существенной роли в вооруженном сопротивлении частям Советской армии во время советско-японской войны 1945 г. Более того, в основной своей массе местные русские оказали ей серьезное содействие³⁷.

В первые же дни войны японские власти организовали отъезд на юг, за пределы Маньчжурии российских эмигрантов, в первую очередь крупных деятелей, сотрудничавших с японской военной миссией. Но изъявили желание уехать и записались лишь 120 человек, а к поезду прибыло и того меньше, всего человек 40³⁸. Сказались чувства симпатии рядовых эмигрантов к своей покинутой Родине. Справедливости ради следует подчеркнуть, что для значительной части наших соотечественников Родина-мать обернулась мстительной и жестокой мачехой. Однако это уже самостоятельная тема истории российской эмиграции.

Оказавшись в Харбине в октябре 1945 г., Вера Ивановна Чернышева - хабаровский архивист и историк, застала население города в праздничном, приподнятом настроении. Его переживали и выходцы из России, и китайцы, длительное время находившиеся под властью японской военной. Проходя по одной из улиц Харбина, Вера Ивановна набрела на букинистический магазинчик, принадлежавший российскому эмигранту. Среди выставленных книг она обратила внимание на отчеты Приамурского генерал-губернаторства за 1912 и 1913 гг., имевшие автограф генерал-губернатора Н.Л.Гондатти. На ее вопрос, откуда такие книги, хозяин магазина ответил, что на комиссию их принес... сам Гондатти. Через несколько дней Вера Ивановна встретила с Николаем Львовичем в магазине. «В первые минуты знакомства было молчание. Мы удивленно смотрели друг на друга», - вспоминала Чернышева. Еще бы не удивляться! Перед Верой Ивановной - советским историком - стоял живой генерал-губернатор Приамурского края, «он был бодр, подвижен». В свою очередь Николай Львович внимательно всматривался в молодую симпатичную женщину из другой жизни. Разговорились. Постепенно беседа приняла вполне дружественный характер. Гондатти хорошо помнил Хабаровск, расспрашивал о его улицах и старых зданиях. «Меня пытались ввести в контрреволюционное белогвардейское правительство братьев Меркуловых, японцы с оккупацией Маньчжурии хотели поставить во главе белой эмиграции, я категорически отказался, за что подвергался тюремному заключению», - посчитал необходимым подчеркнуть Николай Львович. «Он не злобил на советскую Россию и революцию», - заключила Вера Ивановна³⁹. На вопрос, почему оказался в Маньчжурии и осел здесь, почему по примеру многих не уехал в Австралию или в США, Николай Львович отвечал: «Да потому, что хотелось быть ближе к России, к тем местам, которые изучал и которым посвятил много сил и времени. И было отрадно осознавать, что мои труды по этнографии округа использовались советскими учеными...»⁴⁰. Возможно, при этом он умолчал и еще об одной, глубоко личной причине - здесь, в Харбине были могилы дочерей и жены, с которыми он не пожелал расстаться. Свое главное впечатление о встрече с Н.Л.Гондатти Вера Ивановна выразила следующим образом: «Это был человек высокого духа. Несмотря на его положение и преклонный возраст, он не выглядел ни жалким, ни униженным. Это был настоящий ученый человек, вызывавший к себе уважение»⁴¹. К огорчению В.И.Чернышевой вторая встреча не состоялась: Н.Л.Гондатти заболел. В августе 1946 г. на восемьдесят шестом году жизни Николай Львович Гондатти скончался в собственной постели.

На примере жизни и деятельности Н.Л.Гондатти, генерал-губернатора пограничного Приамурского края, можно сделать вывод, что в начале XX века царское правительство располагало высокообразованными, компетентными, широкомыслящими, талантливыми провинциальными администраторами, которые на местах верой и правдой отстаивали имперские интересы России.

Изучение деятельности Н.Л.Гондатти, как начальника обширного малоосвоенного края, испытывавшего мирную экономическую экспан-

сию сопредельных государств, убеждает в прозорливости, научной обоснованности его идей о будущем развитии дальневосточной окраины России. Тем очевиднее становятся интеллектуальные потери, понесенные в результате Октябрьских событий 1917 г. и гражданской войны, после окончания которых потребовались многие годы для выработки устойчивых представлений о необходимости комплексного развития российского Дальнего Востока. Идей, которые впервые были выдвинуты и обоснованы Н.Л.Гондатти еще в начале XX века.

История дальневосточной ветви российской эмиграции наглядно свидетельствует, что наряду с теми, кто сознательно выбрал жизнь на чужбине, были россияне, подобно Н.Л.Гондатти, тысячам других русских граждан, работавшим на КВЖД, которые невольным, непреднамеренно, оказались в эмиграции. Благодаря таким личностям, как Н.Л.Гондатти, российская эмиграция жила напряженной интеллектуальной жизнью, сохранила и развила русскую культуру за рубежом, познакомила с ней народы стран пребывания.

На долю наших соотечественников в эмиграции выпали большие нравственные, духовные, материальные испытания и потрясения. Несмотря на это, многие из них не сломались, остались российскими патриотами, подобно Николаю Львовичу Гондатти - человеку высокого несгибаемого духа.

¹ Аурилене Е.Е. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (возникновение, структура, роль в судьбе российской эмиграции) // Белая армия. Белое дело. - 1996. - № 1; Дубинина Н.И., Ципкип Ю.Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции // Отечественная история. - 1996. - № 1; Печерица В.Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. - Владивосток, 1994; и др.

² Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. - Вып. I. - Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 г. - СПб, 1911. - С.13.

³ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.849. Оп.1. Д.76. Л.6.

⁴ Приамурские ведомости (Хабаровск). - 1917. - 11 окт.

⁵ Станция носила имя Гондатти с 1912 по 1920 гг. Ныне - это г.Шимановск.

⁶ Гондатти Н.Л. Оседлое население реки Анадыра // Записки Приамурского отдела императорского русского географического общества (ИРГО). - Хабаровск, 1897. - Т. III. - Вып. I; Он же. Поездка из с.Маркова на р.Анадыре в бухту Провидения (Берингов пролив) // Записки Приамурского отдела ИРГО. - Хабаровск, 1898. - Т. IV. - Вып. I; и др.

⁷ ГАХК. Ф.849. Оп.1. Д.76. Л.37.

⁸ Приамурские ведомости. - 1914. - 28 июня.

⁹ ГАХК. Ф.830. Оп.3. Д.80. Л.79.

¹⁰ Чин III класса, в прошлом заведовал царскими конюшнями.

¹¹ Цит. по: Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС. - Хабаровск, 1979. - С.33.

¹² Вместе со всей Россией / По воспоминаниям и документам. - Хабаровск, 1988. - С.46.

¹³ Там же. - С.50.

¹⁴ ГАХК. Ф.849. Оп.1. Д.79. Л.21.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Кротова М.В. Харбин - аванпост русской промышленности, торговли и культуры в Маньчжурии (1898-1917 гг.). - СПб, 1996. - С.17.

¹⁷ Там же.

-
- ¹⁸ Кочубей О.И. Белоэмиграция в Китае: жизнь, судьбы, замыслы и дела // Приморье: вопросы истории и культуры. - Владивосток, 1995. - С.79.
- ¹⁹ ГАХК. Ф.830. Оп.3. Д.80. Л.38.
- ²⁰ Там же. Д.79. Л.21.
- ²¹ См.: Печерица В.Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. - С.111.
- ²² Рубеж (Харбин). - 1935. - № 35. - С.101.
- ²³ Белоусов С. Дважды перевербован // Проблемы Дальнего Востока. - 1991. - № 5. - С.135.
- ²⁴ Наш путь (Харбин). - 1936. - 28 февр.
- ²⁵ ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.5. Л.29.
- ²⁶ ГАХК. Ф.830. Оп.3. Д.80. Л.27.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Л.35.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Л.21.
- ³¹ Там же.
- ³² Скорее всего это был орден «Восходящее солнце» 1-й ст., о чем Гондатти написал в анкете.
- ³³ Белоусов С. Дважды перевербован. - С.142.
- ³⁴ Жиганов В.Д. Исповедь белого эмигранта // Дальний Восток. - 1994. - № 10. - С.13.
- ³⁵ ГАХК. Ф.849. Оп.1. Д.23. Л.4.
- ³⁶ Там же. Л.28.
- ³⁷ Мерецков К.А. На службе народу / Страницы воспоминаний. - М., 1971. - С.439.
- ³⁸ Мельников Ю. Русские фашисты в Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. - 1991. - № 3. - С.162.
- ³⁹ ГАХК. Ф.849. Оп.1. Д.76. Л.33.
- ⁴⁰ Там же. Д.60. Л.11.
- ⁴¹ Там же. Л.12.
-

О ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ ПРЕДТЕЧЬЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ

В последние годы заметно вырос интерес к дальневосточному Зарубежью, и литературному в частности. Ведь именно журналистика, документальная и документально-художественная проза, поэзия рубежа 1920х гг. сумели сохранить до нашего времени, конца XX века, атмосферу внутренней, духовной жизни людей, сразу почувствовавших чуждость человеческой природе надуманных и антигуманных идеалов большевизма и вставших к нему в оппозицию.

Общеизвестно, что возникновение русской эмиграции, в том числе и ее дальневосточной ветви, являлось прямым следствием поражения Белых армий в 1920-1922 гг. Но условия и обстоятельства формирования дальневосточного Зарубежья носили свой, особый характер, заметно отличаясь от западного Зарубежья. Дальневосточная эмиграция начала свою внутреннюю жизнь, по сути эмиграцию духовную, задолго до фактической и достаточно далеко от границ нашего государства, в Омске - «столице Сибири», в то время как форпостом западного Зарубежья была Одесса, приграничный порт.

В 1918-1919 гг. В Омске начали свое существование многочисленные антибольшевистские издания. Тогда же стали появляться первые документально-художественные и художественно-публицистические исследования происходившего в те годы трагического раскола нации на красных и белых, их непримиримого противостояния. Эти произведения, созданные в Сибири, а потом и на Дальнем Востоке не просто литераторами, а непосредственными свидетелями и участниками событий, создавали своеобразную почву, являясь осознанным выражением духовно-нравственных предпосылок последовавшего затем в отечественной культуре явления дальневосточной эмиграции. Оттуда же, из Омска, осенью 1919 г. начался гигантский исход на восток всех, кому были чужды и непонятны идеалы большевиков: терпящей поражение Белой армии; большой и лучшей части российской интеллигенции, духовно, нравственно и этически не принявшей большевистской иерархии ценностей человеческой жизни и культуры; а также многих тысяч простых людей, в основном крестьян, разоренных и пущенных по миру новой властью.

Чем жила эта часть России? Что давало ей силы и надежды? Как и в чем находили свое выражение представления о должном, нравственно-духовном уходящей на восток большой части российской интеллигенции?

Долгий, сопряженный с невероятными трудностями путь на восток «обетованный» огромной беженской массы, остатков Белой армии, а также достаточно продолжительное «сидение» и «собрание сил» в Приморье, тогдашней Дальневосточной республике, мысли и чаяния этой части россиян остались запечатленными свидетелями и участниками тех событий в не очень многочисленных, но до сих пор в большинстве своем еще не возвращенных отечественному читателю литературных произведениях, как прозаических, так и поэтических жанров¹ Эти произведения являются важными страницами истории русской культуры, необходимым звеном неразрывной цепи развития истории Отечества. Настало время поразмышлять над ними.

Не претендуя на всеохватность этой поистине грандиозной темы, обратим свой взор на одну из заметных фигур в культурной жизни Сибири и Дальнего Востока периода Белого движения. Именно с Омском и Владивостоком связаны начало и расцвет большой и активной журналистской, творческой и общественно-политической деятельности Всеволода Никаноровича Иванова (1888-1971), человека граждански смелого, обладавшего способностью быстро и точно ориентироваться в происходящем благодаря своему интеллекту и эрудиции, впоследствии более 20 лет находившегося в дальневосточном Зарубежье, а затем ставшего известным писателем-историком, прожившим весь послеэмигрантский период (1945-1971 гг.) в Хабаровске.

Литературное наследие Вс.Н.Иванова периода гражданской войны (1918-1922 гг.) дает уникальную возможность проникнуть в мир, так долго скрывавшийся от нас, в мир дум и чаяний большой и лучшей части интеллигенции. Эта уникальность объясняется еще и тем, что нашего внимания вполне заслуженно удостоится произведения, практически неизвестные современнику, так как они не переиздавались со времени их выхода в свет на рубеже 1920х гг. Эти произведения помогут по-новому, более истинно увидеть глубину трагизма мировидения одного из многих представителей нации, одного из образованнейших людей своего времени, выпускника Санкт-Петербургского университета 1912 г., натуры многогранной и одаренной.

Отбыв воинскую повинность в Тамбове, Иванов в 1913 г. вернулся в Петербургский университет, намереваясь заняться научной деятельностью. Из всех наук его влекла одна история, именно ее он считал первой наукой. Но в связи с началом Первой мировой войны был снова призван в армию. Демобилизовавшись в ноябре 1917 г. в Перми, Вс.Н.Иванов начинает активно сотрудничать в газетах, а с февраля 1918 г. становится преподавателем кафедры философии Пермского университета.

Первоначальное стремление Вс.Н.Иванова остаться «нейтральным» в условиях расколота общества вскоре опровергла сама жизнь. В июне 1919 г. Вс.Н.Иванов откликнулся на вызов в Омск своего наставника и давнего приятеля профессора Н.В.Устрялова и стал работать в Русском бюро печати - пропагандистском органе Российского правительства адмирала А.В.Колчака. С именем и личностью этого легендарного

**Всеволод Иванов с отцом и матерью.
г.Кострома. Конец 1890х гг.**

правителя Сибири связаны многие страницы жизни и творчества Вс.Н.Иванова.

В Омске в годы гражданской войны пересеклись судьбы многих русских писателей и деятелей культуры. Здесь выходили десятки газет самых разных политических партий и общественных движений: либерально-буржуазная «Заря», кадетская «Сибирская речь», демократические «Дело Сибири» и «Путь Сибири», белогвардейские «Вперед» и «Наша газета», а также газеты «Слово», «Русь» и другие. Фронтovou ежедневную газету «Вперед» издавал и редактировал журналист В.Янчевский, который в конце 1920х гг. пришел в нашу литературу как талантливый писатель Василий Ян. Его перу принадлежат созданные в 1930-1940е гг. известные многим замечательные романы о борьбе русского народа с татарским нашествием («Чингис-хан», «Батый») и другие произведения на исторические темы. А в те годы в его газете публиковали свои стихи Борис Четвериков, Георгий Маслов, Таисия Баженова, Вс.Н.Иванов. Так, после оставления белыми Петропавловска в номере 115 газеты «Вперед» от 22 августа 1919 г. было опубликовано стихотворение в прозе Вс.Н.Иванова «Петропавловск». «На небе серые тучи, на платье - серая пыль. И ветер серую бороду свою по земле волочет и к низеньким заборикам прижимается - дикий ветер степной»². Такими серыми строками открывается стихотворение. Эпитет «серый» рефреном проходит через все произведение. Серые тучи, серая пыль, серая борода ветра, серые глаза людей - все это в одном ряду. Мироздание, истинные человеческие ценности словно заволокло туманом, мглой, серостью. Люди утратили ориентир в жизни. Миром движет посредственность, недалекость. И только природа не изменяет себе. Образ дикого ветра степного несет в себе вечное, нетленное. Ведь неслучайно именно ветер шепчет: «Да, залечат...», «О прекрасном не кричат. Молчи...». Спасение мира - в защите от большевизма, несущего в себе угрозу человеческому началу, в самом человеке и мироздании вообще. Такова позиция лирического героя и автора этого стихотворения.

В те годы в Омске жили или бывали проездом А.Несмелов, К.Бальмонт, Д.Бурлюк. В демократических газетах Омска печатались Вс.Вяч.Иванов, Л.Мартынов, Н.Иванов (псевдоним - Н.Анов). Прозаик Ф.Березовский, поэт Н.Феоктистов, писатель Антон Сорокин, журналисты А.Громов, Вс.Н.Иванов, поэты Юрий Сопов, Георгий Маслов, Сергей Ауслендер - все они в той или иной мере общались друг с другом, несмотря на разницу общественно-политических позиций, часто собираясь в доме А.Сорокина. Одну из омских газет, «Нашу газету», начавшую выходить в середине августа 1919 г. и выступавшую против советской власти, редактировал Всеволод Никанорович Иванов. Эта работа стала серьезной журналистской школой для будущего писателя, являясь в то же время прекрасной возможностью для выражения своей духовно-нравственной и общественно-политической позиции в условиях нарушения эволюционности развития мира.

В первом номере «Нашей газетъ» от 16 августа 1919 г. в статье «От редакции» были изложены исходные позиции и цели нового издания: «Наша газета» родится в тяжелую, затянувшуюся над Россией ночь.

Ночь злодейств, мутящих даже заматерелые души каторжан. Ночь развала по планам немцев тысячелетием созданной русской державы. Ночь предательства и братоубийства, затмивших Каина и Иуду. Но рассвет неминуем и близок: Народ России прозрел, восстал и освободил уже от советской власти три четверти былого царства». Таким жестоко трагическим виделось настоящее России редактору «Нашей газеты». Но издатели печатного органа видели пути возрождения своей страны и звали за собой свой народ. «А путь исцеления - через Национальное Учредительное Собрание, которое одно может быстро залечить наши раны, утвердить порядок, дать возможность молиться каждому как хочет и умеет, передать землю нуждающимся в ней земледельцам и утвердить равные для всех законы, обеспечивающие права собственности и труда». Идеалы «Нашей газеты» под редакцией Вс.Н.Иванова вбирали в себя не только экономическую, материальную сторону развития России, но отдавали должное стороне духовной. В передовой статье от 30 октября 1919 г. под заголовком «Церковь и русский народ» прямо и открыто выражалась позиция «Нашей газеты» по отношению к религии и церкви как непререкаемому авторитету во все времена русской истории: «Русское государство слагалось и создавалось самим народом, правительством, армией и церковью. Церковные знамена и гимны сопутствовали всем важнейшим случаям нашей жизни. В начале XVIII века православная церковь помогла вновь собраться государству, рассыпавшемуся во время смуты под влиянием всякого рода государственных «воров»».

Как ученый-историк, Вс.Н.Иванов события настоящего оценивал исторически, утверждая идею преемственности и непрерывности развития. «Знамена церковные имеют за собой целые сотни лет истории, они принесли добро родной земле, они собрали ее воедино и защищали ее целостность. И в это тяжелое время совесть и разум народа снова обращаются к нашей церкви, к религии - к ее заповедям всего мира, устроющим правильную жизнь всякого государства. Как и прежде, так и ныне, вновь соберется наше государство, вновь наступит мир в стране, когда мы все обратимся к церкви и поймем, что без соблюдения ее предписаний у нас не наступит лучшей жизни».

С первых номеров «Наша газета» была адресована не только сознанию читателя, но и его душе. Начиная с седьмого номера, на третьей странице каждого последующего помещалась рубрика «Мысли мудрых», в сжатой форме отражавшая нравственную идею каждого номера и нравственные идеалы создателей газеты. Так, главным содержанием шестьдесят восьмого номера издания стали слова А.П.Чехова: «Призвание каждого человека - в духовной деятельности, в постоянном искании правды и смысла жизни».

Редакторская и журналистская работа в полной мере выявила духовный и нравственный потенциал Вс.Н.Иванова, его большие организаторские способности. Росла и география журналистской деятельности. К концу 1910х гг. как журналист Иванов известен не только в Перми и Омске, его публикации появляются в газетах Владивостока, Харбина. В 1920 г. во владивостокской газете «Русский край» вышел его очерк

«Кровь царя» о казни большевиками русского императора Николая II. Сегодня этот очерк воспринимается как крик души, израненной созерцанием творящихся на земле несправедливостей и жестокостей. «Уже теперь, через три года после этой беспримерной жертвы царей за Россию, начинает все ярче и ярче вставать сознание - да что же мы сделали?»³ В этом авторском «мы» - неразрывность писателя со своей страной, своим народом, совершившим несправедливый суд, готовность принять и на себя тяжкий груз ответственности за то страшное, что произошло в истории России. Этот очерк - не только попытка проанализировать прошлое, главное для автора - извлечь уроки на будущее. «Кровь русского императора будет поворотной осью к тому, о чем говорит не испорченный полунаукой русский рассудок и русская трезвая совесть, о чем говорит Волга и русские церкви - к неиссякаемой радости жизни, творчества, к той силе, о которой пророчествует Достоевский»⁴. Кстати заметим, Иванов довольно часто апеллировал к Ф.М.Достоевскому, который был одним из немногих духовных ориентиров Всеволода Никаноровича.

С большим уважением и нескрываемым почитанием относился Вс.Н.Иванов не только к некоторым из классиков. Были среди них и его современники. Известно, что в годы Гражданской войны Иванов примыкал к лагерю сторонников и почитателей политики и личности А.В.Колчака. «Светлой памяти адмирала Колчака» посвятил он «великой болью» свою книгу «В гражданской войне», вышедшую в 1921 г. в Харбине через несколько месяцев после казни адмирала. Сам автор определил жанр книги: записки журналиста. Но это записки не просто свидетеля, а активного участника тех грозных событий: «Как стая дантовских теней, пронеслись эти воспоминания, которые вызваны были Одиссеем из Аида, и, толпясь у ямы, жадно пили кровь. Кровь давала им способность речи. Не мертвы и тени наших воспоминаний: слишком много в них крови, они тоже не могут молчать»⁵. В этих записках-воспоминаниях омского журналиста Иванова, одного из многих русских интеллигентов, не принявших большевизм и отдавших свои силы, знания и талант борьбе с чуждыми человеку идеалами коммунистов, личная судьба редактора «Нашей газеты» переплетается с судьбами многих других людей, с кем столкнула его эта большая и страшная дорога на восток. В этой книге показан отрезок пути от Омска до Читы, показан без домислов и прикрас, в реальном, порой жутком свете. «И все это двигалось, шло, брело, ехало, туда, на обетованный восток. Что же их ждало на этом востоке, их, и воинов, и невоинов, но объединенных всех одним - противобольшевизмом?»⁶ Основными картинками, что запечатлелись в памяти журналиста на этом пути, стали голод и смерть, неразбериха и сыпной тиф, толпы беженцев и брошенные санитарные вагоны с больными тифом. «Потом, с увеличением числа мертвецов, им стали отводить целые вагоны. Я видел, как на какой-то станции трупы хладнокровно выбрасывались из такого вагона на сани. Трупы промерзли, и от ударов об дровни, как фосфорные, отлетали пальцы и кисти рук и оставались лежать среди рельс...»⁷. Порой обстоятельства требовали срочного вмешательства. «На небольшой станции я составил

телеграмму об потрясающем безобразии этом на имя Верховного»⁸. Но частные телеграммы не принимались, и усилия журналиста оказывались тщетными. «Что же тут винить «начальство», запретившее прием телеграмм? - Нет, скорее, тут она - эта неизменная дубоголовость всех наших чиновников, от века не могущих проявить никакой инициативы»⁹. Гражданственность, высокое чувство ответственности за происходящее вокруг и личной причастности характеризуют духовный и нравственный облик автора записок.

На этом долгом пути зоркий глаз журналиста подметил многое из того, что впоследствии станет объектом его художественного творчества. Это наблюдения над жизнью своих соотечественников, русским характером в разных его проявлениях в период глобальных социальных потрясений, государственным устройством жизни и целесообразностью этого устройства. Авторские оценки увиденного прерывают объективный рассказ. «Есть от чего в отчаянье прийти, от этой мистической русской неумелости организовать!»¹⁰ Горечь и боль за свою страну и свой народ звучит в этих словах. Но сердце журналиста не ожесточено, оно способно замечать добрые, бескорыстные поступки людей. Так, в Верхнеудинске их, оборванных, грязных, дамы-благотворительницы в белых халатах снабжали всем необходимым, нисколько не смущаясь. «О. Дамские Комитеты! Что бы было с Русью, коли бы не было на Руси дамских комитетов и их микроскопически-великих дел»¹¹.

Книга Иванова о Гражданской войне - не сухая хроника событий, а горячая публицистика. Голос автора звучит порой открыто и гневно, порой - задушевно и мягко. Это голос человека, искренне и глубоко любящего Россию и свой народ. И в те суровые дни и месяцы писатель не переставал мечтать и верить в счастливую жизнь в мире, созидании, достатке. Основания тому Иванов видел в самой жизни. По дороге в Томск, записывает автор, «ночевали по огромным селением, где дома, сложенные из темного кондового леса, напоминали собою картины Рериха. Двухэтажные дома чалдонов, сверкающие от масла желтые полы с разноцветными дерюгами, стеклянные горки с золочеными чашками и чайниками - все это являло вид необыкновенно утробной, сытой, медлительно тяжеловесной жизни»¹².

В этих записках Вс.Н.Иванов заявляет о себе как мастер-пейзажист, умелый бытописатель. При подъезде к Иркутску глазам автора открывается панорама жизни природы и человека, изначально тяготеющих к взаимной гармонии. «Солнце уже взошло, и аметистами спокойно сияли окружающие Иркутск сопки. Синью были налиты чаши долин, и на розово-хрустальном снегу такой чистенький, такой близкий, под сияющим золотом колоколен, на берегу лазоревой Ангары, лежал утренний Иркутск... Словно и не было гражданской войны, словно не было невозможности прямо скатиться туда с лесистых склонов, явиться в уют и налаженную жизнь города...»¹³. Но грезы художника далеки от реальной жизни. «Нет, нельзя, - обрывает свои фантазии автор, - и вот свидетели этого. Среди зеленых сосен, на девственном снегу, в только что захваченной в Иннокентьевской желтой теплой одежде раскидано восемь убитых - зарубленных. Один еще дышал и на его раскрытом

горле, как безжалостные розы, вскипали огромные пузыри ало-красной крови, чтобы сейчас же лопнуть и мелкими рубинами осыпать сияющий снег»¹⁴. Оксюморонность, лежащая в основе изображения событий и фактов Гражданской войны, усиливает ощущение дисгармонии мира, его противоестественности и несет в себе авторский протест против этой войны. «Перед нами воочию вставала Гражданская Война, не война двух фронтов, хотя и русских, - а война бродяжническая, сутолокошная, война всех против всех»¹⁵.

Неприятие жестокостей по отношению к человеческой личности, оттолкнувшее Вс.Н.Иванова от идеалов большевиков, побудило искать истину на других путях. После разгрома колчаковской армии Иванов с ее остатками отступает в Иркутск. Далее на пути на восток - Чита, где писатель сталкивается с атаманом Г.М.Семеновым и его окружением, о чем рассказывает в своем очерке-портрете «Семеновщина», опубликованном в 1921 г. владивостокской газетой «Русская армия».

Отступая с боями и без боев, остатки армии Колчака докатились до Приморья, где в ту пору возникла Дальневосточная республика. Здесь, во Владивостоке, с началом 1920х гг. в жизни Вс.Н.Иванова начинается новый во многих отношениях период.

Владивосток был в те годы довольно крупным центром русской культуры. Так же, как в расположенной на другом конце России Одессе, стоявшей у истоков западного русского Зарубежья, здесь процветала поэзия, возникали и тут же прогорали журналы и газеты. И Владивосток, и Одесса, несмотря на оккупацию, не хотели умирать. В начале 1918 г. в бухту Золотой Рог вошли сначала японский, потом английский крейсера. И до осени 1922 г. - времени, когда эмигрировал в Китай Вс.Н.Иванов - советской власти в Приморье как таковой не было: книги выходили по старой орфографии, Дальневосточная республика жила своей, обособленной, но бурной жизнью. Волею судеб в те годы там работали В.К.Арсеньев, Н.Асеев, С.Третьяков, В.Март, Вс.Н.Иванов и многие другие прозаики и поэты, в разное время потом «воссоединившиеся» с отечественной литературой.

Владивостокский период (1920-1922 гг.) занимает особое место в жизни и творчестве Вс.Н.Иванова. В эти годы он заявил о себе в полный голос не только как журналист, но и как публицист, поэт, общественный деятель. Журналист Вс.Н.Иванов издает во Владивостоке «Вечернюю газету», почти в каждом номере которой можно было встретить его статью по тем или иным актуальным проблемам политики, экономики, культуры. Одновременно он является уполномоченным Временного Приамурского правительства по информации (назначен 26 мая 1921 г.). 27 июля того же года владивостокская газета «Русский край» опубликовала его заявление на имя председателя этого правительства. Поводом стало письмо председателя совета управляющих Вс.Н.Иванову с просьбой отказаться от редактирования «Вечерней газеты», сохранив за собой должность уполномоченного по информации, так как «такое совместительство», по мнению автора письма, «может вызвать целый ряд недоразумений и дать повод к предположениям, что заметки и статьи «Вечерней газеты» инспирированы Прави-

тельством и что за содержание редактируемой Вами газеты, прямым или косвенным образом, является ответственным Правительство»¹⁶. При этом профессионализму журналиста Иванова и его организаторским способностям давалась достаточно высокая оценка: «Ваши организаторские способности, Ваша опытность в газетном деле являются настолько несомненными, что у Правительства не может быть другого более подходящего лица, которое с такими же, как Вы, успехами и знанием дела могло бы вести эту трудную и весьма ответственную работу»¹⁷. Эта характеристика говорит о том, что в среде дальневосточных журналистов начала 1920х гг. Вс.Н.Иванов был фигурой известной. В ответ на это письмо правительства журналист Иванов попросил освободить его от занимаемой должности уполномоченного по информации, что, в свою очередь, должно дать ему «большую свободу в действиях, как независимому журналисту»¹⁸. Но непросто было в период острых социальных столкновений большому журналисту оставаться в стороне от борьбы.

Как редактор «Вечерней газеты», Вс.Н.Иванов много писал сам. В период с 26 июня по 29 сентября 1922 г. им было опубликовано в своей газете 29 статей, заметок, очерков. Их тематика обширна. Здесь вопросы внутренней («Приамурское Временное Правительство», «Читинский официоз») и международной политики («Ямакава Кикую» - об отношениях России и Японии, «Советская дипломатия»), экономики («Живая сказка» - о голоде в России, «Собирание Руси» - о необходимости выравнивания экономического базиса страны), вопросы морали и нравственности («Потревоженные цари» - об ограблении царских могил в Петрограде, «Наша Речь» и бандиты) - о недопустимости пропаганды преступности). Не обходит Вс.Н.Иванов и острой в те годы проблемы об отношении к русской классической литературе. Об этом его статья «Суд русской литературы» (от 12 сентября 1922 г.).

Редактируя «Вечернюю газету» и активно выступая в ней, Вс.Н.Иванов продолжает публиковаться и в других изданиях. Попыткой внести свой вклад в необходимый, по мнению журналиста, процесс гуманизации общества стала его статья за отмену смертной казни «Казнь Египетская», помещенная в газете «Русский край» 17 ноября 1921 г.

Журналистская деятельность в полной мере выявила энциклопедичность знаний, формировавшееся писательское мастерство Вс.Н.Иванова. Везде, во всех его выступлениях главной темой оставалась Россия, ее настоящее и будущее, пропущенные через призму прошлого. Чтобы верно определить и выбрать дорогу в будущее, надо учиться у истории, у прошлого, считает Иванов. «Неотвратимы эти зовы к мудрому, славному и прекрасному прошлому, - а таковое было у нас, - все ярче и ярче звучат они в душах русских людей», - заявляет журналист в передовой статье «Наш съезд», что была опубликована «Вестником Съезда Несоциалистических Организаций Дальнего Востока» в 1921 г. во Владивостоке¹⁹.

Нелегким и непростым виделся Вс.Н.Иванову путь к разумному будущему России. « Неисчислимы жертвы, уже принесенные нами,

**Всеволод Никанорович Иванов (сидит в центре) среди
российских эмигрантов. г.Харбин 1930 г.**

неисчислимы и те, которые ждут нас впереди. Но мы верим в эту победу, как верим в творческую силу русского народа, который, освободившись от химер коммунизма, пойдет по дороге к свободе и закону, к благосостоянию и энергичной работе, к наслаждению бытием в искусстве и т.д. и т.д., и всеми путями - к одной России»²⁰.

В своих размышлениях 1920х гг. о судьбе России, ее настоящем и будущем, Вс.Н.Иванов предстает человеком, стоящим на уровне требований своего времени, обладающим государственным складом ума и чувством высокой гражданской ответственности за судьбу своей страны. Его журналистская деятельность в тезисной форме саккумулировала все главные проблемы последующего творчества писателя Иванова.

В воскресных приложениях к дальневосточной газете «Русский край» в 1921-1922 гг. часто можно было встретить стихотворения Вс.Н.Иванова, которые открывают новую грань его художественного дарования. В них автор предпринимает поэтическое исследование внутреннего мира человека в один из сложных периодов человеческой истории, в годы Гражданской войны, принесшей с собой разрушение истинных ценностей жизни²¹. Главной в поэзии для Иванова остается тема России, ее судьбы в один из трагических моментов отечественной истории, которая раскрывается им на разных уровнях: общегосударственном и личностном. Лирический герой поэзии Иванова - это русский интеллигент, человек умный и образованный, тонко чувствующий внутреннюю природу происходящего, душевно ранимый, а оттого беззащитный перед лицом творящихся жестокостей. Но в то же время лирический герой открыто и гневно не приемлет Гражданской войны как войны разрушающей и губительной для России. В этих стихотворениях многое из происходившего тогда воссоздано реально, жестко, с натуралистическими подробностями, передающими и через десятилетия весь ужас пережитого самим автором. Стихотворения, созданные Ивановым незадолго до эмиграции, передают всю многомерность, неоднозначность и драматизм мировосприятия поэта.

Вс.Н.Иванов хорошо знал и любил поэзию своего времени. Среди его поэтических кумиров - Николай Гумилев²², Вячеслав Иванов, Александр Блок, Андрей Белый. С поэтом Вячеславом Ивановым Всеволод Никанорович встречался в 1918 г. в Москве, о чем позднее рассказал в очерке «За зеленой лампой», написанном уже в эмиграции²³. Любовь и признание великим поэтам своей эпохи Вс.Н.Иванов сохранил и пронес в своем сердце через трудные годы отчуждения от отечественной литературы и российского читателя. Ярким тому подтверждением служит написанная им по случаю 10-летия со дня смерти А.Блока статья «Александр Блок», опубликованная в 1931 г. в эмигрантском журнале «Рубеж». Эта статья также неизвестна отечественному читателю. Свои размышления о личности и творчестве Блока Иванов завершает строками, которые хочется напомнить: «Едва ли у кого из русских писателей столь явственно видна вся эволюция духовной жизни России перед революцией. Блок не просто прожил, не просто просмотрел два страшных десятилетия XX века, - нет, он пережил, почувствовал их...

Революция задавила его годами, кровью, глухотой, но он провидел за ней какие-то новые, светлые, примиренные дали. Весь свой век он прожил с улицей и верил в конечном счете, что эту ужасную Растеряеву улицу ведет

В белом венчике из роз
Впереди Иисус Христос

Последнее его стихотворение, помеченное 1921 годом - «В альбом Пушкинского дома» - есть знак примиренности, верности старым русским традициям:

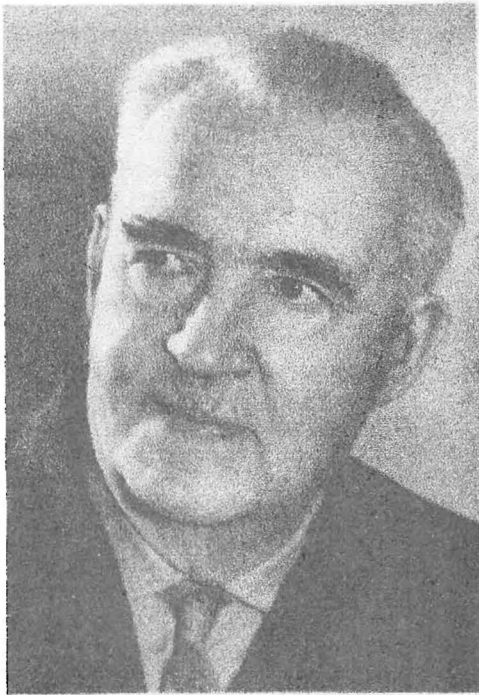
Имя Пушкинского дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый...
Не пустой для сердца звук...
Это -
Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой...
Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!..

«Все будет хорошо, - записывает Блок в 1918 году в своей 49-й книжке. Россия будет великой!.. Но как трудно ждать и как трудно дожидаться!..»

И великий поэт умер, не дождавшись в темном Петербурге, умер со старым, светлым именем Пушкина на последнем своем стихе.»²⁴

Конец статьи поистине провидческий для самого Иванова. Имя Пушкина было святым и для Вс.Н.Иванова. Это духовная опора и твердь его во все периоды жизни и творчества. Очень показательным, что последним, опубликованным Вс.Н.Ивановым при жизни, является историческое повествование «Александр Пушкин и его время» (Хабаровск, 1970). Разговор об этой книге может состояться отдельный и большой. Только, к сожалению, эта книга о Пушкине становится библиографической редкостью, так как не переиздавалась со времени ее выхода.

Разносторонняя деятельность Вс.Н.Иванова на Дальнем Востоке в целом отразила стремление автора разобраться во всей сумятице происходивших событий, определиться в своих позициях, взглядах на жизнь человека, ее истинных ценностях. Пришло время, когда писатель должен был сделать свой главный выбор в жизни: принять новую действительность или нет. В случае ее неприятия перспектива оставалась одна - эмиграция. В течении почти пяти трагических лет (1918-1922), которые мы сейчас называем также предтечей дальневосточной эмиграции, было время подумать о причинах поражений многих правительств и правителей на длинном пути от Волги до Владивостока. Этот путь от Перми до берегов Тихого океана и жизнь в течение двух лет во Владивостоке стали для Всеволода Никаноровича большой и суровой школой

Всeвoлoд Никанoрoвич Ивaнoв
пoслe вoзврaщeния в СССР.
Дaтa фoтoгрaфии нe извeстнa

№ 11

Настоящее удостоверение выдано
гр. Иванову Всеволоду
Федоровичу
в том, что он уполномочен Комите-
том „За возвращение на Родину“
вести работу, способствующую воз-
вращению из-за гра-
ницы в Советский
Союз перемещенных
лиц и эмигрантов из
числа граждан СССР.

Вместе с тем тов. Иванов В.Н.
является корреспондентом газеты и
редакции радиовещания Комитета
„За возвращение на Родину“.

Настоящее удостоверение дей-
ствительно по „31“ де-
каб. 1959 г.

Председатель Комитета
Генерал-майор С. В. Вишнеvский
(С. В. ВИШНЕВСКИЙ)

Удoстoверeниe Вc.Н.Ивaнoвa, вьдaннoe кoмитeтoм
«Зa вoзврaщeниe нa Рoдину»

жизни. Постигая действительность как историк, журналист, поэт и публицист, он не мог примириться с новой жизнью. Слишком высокой ценой платила Россия за те изменения, которые происходили на его глазах. Утрата духовности, разрыв преемственности, пренебрежение к индивидуальности каждой личности воспринимались им очень болезненно. Все это и предопределило последовавшее затем поистине историческое не только в личной судьбе Иванова, но и для судеб тысяч и тысяч россиян, событие. Имя ему - эмиграция.

22 октября 1922 г. на пароходе «Хузан-Мару» Вс.Н.Иванов покинул Владивосток, а вместе с ним и Родину, на двадцать с лишним лет эмигрировав в Китай (Харбин, Шанхай). Но поиск исторической истины продолжался им все последующие годы и в эмиграции (1922-1945 гг.), и после возвращения на Родину в 1945 г.

Подводя итог краткого обзора одной из многих страниц сложной и многомерной истории отечественной культуры периода Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, следует отметить, что лучшая часть российской интеллигенции, сама того не осознавая, внутренне готовила себя, накапливая духовный потенциал, к той высокой миссии сохранения корней и истоков великой русской культуры, которой служила все годы эмиграции. В это великое для всего человечества дело свой вклад внес и Всеволод Никанорович Иванов - натура цельная и самобытная.

¹ Произведения, предлагаемые автором в качестве приложений в конце статьи, публикуются впервые после их выхода в свет в конце 1910х - начале 1920х гг.

² См. Приложение 1.

³ Иванов Вс.Н. Огни в тумане: думы о русском опыте. - Харбин, 1932. - С.16.

⁴ Там же.

⁵ Иванов Вс.Н. В гражданской войне: записки омского журналиста. - Харбин, 1921. - С.128.

⁶ Там же. - С.72.

⁷ Там же. - С.52.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. - С.108.

¹¹ Там же. - С.124.

¹² Там же. - С.59.

¹³ Там же. - С.109.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. - С.96.

¹⁶ Русский край (Владивосток). - 1921. - 27 июля.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Иванов Вс.Н. Огни в тумане. - С.27.

²⁰ Там же.

²¹ См: приложение 2.

²² На смерть Н.С.Гумилева Вс.Н.Иванов откликнулся очень острой и гневной статьей «Н.С.Гумилев», публикуемой в приложении 3.

²³ Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих - художник-мыслитель. - М., 1991. - С.244-248.

²⁴ Иванов Вс.Н. Александр Блок // Рубеж (Харбин). - 1931. - № 35. - С.9.

Вс.Н.ИВАНОВ

ПЕТРОПАВЛОВСК

На небе серые тучи, на платье - серая пыль. И ветер серую бороду свою по земле волочет и к низеньким заборикам прижимается - дикий ветер степной.

Не сыны ль твои из степей идут? Видишь: маленькие кони гривы разметали; серые острые глаза хозяев смотрят сердито на запад. Они, сыны твои идут, степной ветер! Кровью своею, телами своими залечат алые кровоточащие раны Родины...

Шепчешь ты, ветер степной:

«Да, залечат»...

На небе серые тучи, на платье - серая пыль.

Подпрыгивает таратайка извозчика, а в ней измученное лицо в бледно-зеленой гимнастерке; на погоне звездочки... Каким плачем плакать мне, о, Господи? Прекраснейшему цветку моему как поклонюсь? Как расскажу о его муках, об его страданиях - не могу. Взгляни на его лицо - оно все тебе скажет.

Шепчешь ты, ветер степной:

«О прекрасном не кричат. Молчи»...

Дождик накрапывает. Серая пыль к земле прижалась. Из окон выглядывают обыватели и в глазах их читаешь страх:

«Идут красные!»

А на белой стене магазина кричит плакат:

- Все на борьбу с большевизмом!...

Дальше, дальше, ветер степной: через болота, реки, равнины, горы - на восток.

Громом пронесись:

- Все на борьбу с большевизмом!

И чтоб немного, на неделю, на месяц забыли все о себе - вспомнили сто миллионов умирающего от голода народа.

- Все на борьбу!...

Алым пламенем пышут пожарища, на Уральском хребте - красный флаг русского позора.

- Все на борьбу!...

Длинной змеей кирпичного цвета ползут к Уралу поезда, и сотни и тысячи людей гибнут...

Шепчет ветер степной: «Все на борьбу!»

И вот он уходит, уходит, уходит... на восток, на восток.

И гуль, гуль слышен и молнии чертит в темных тучах...

- Все на борьбу!...

Вперед (Омск). - 1919. - 22 авг.

Вс.Н.ИВАНОВ

МЕЖДОУСОБИЕ (сонет)

Свинцовых низких туч влекутся волоса
Над тусклым заревом осеннего заката.
Нагими трупами земля отцов проклята.
Малиновая их чеканит полоса.

Как капли дождика, всплывают голоса
В великой тишине, которой степь объята.
Дорогой неживой идут два разных брата,
И кровь, как зеркальце, в следах от колеса.

Один кривится весь усмешкой беспримерной,
Жестоко деловит в своей походке нервной
И пальцы в прорези жилета заложив.

Другой, сияющий, нагих благословляя,
Идет, бестрепетный, по времени без края,
Где нулеметр храпит в молчаньи Божьих нив.

Под Оханском. 1919 год.

Русский край (Владивосток). - 1921. - 9 июля.

Вс.Н.ИВАНОВ

ДЕМОКРАТИЯ

Народной глубины извечная стихия!
Для духа тонкого несносен зычный рев,
И рдяный дым от труб огромных городов,
И вопли бунтаря, и площади пустые.
Но в парке иногда, где зеркала стальные,
Недвижные пруды удвоят сон дерев, -
Как отдаленный хруст морских живых валов,
Твой сладостен отгул, моя Демократия.

Вот осень. Грязь блестит и листьев алый лет
Над статуей Весны свой каждый пляс ведет,
Пляс похоронный там, где умерла Природа.
Но гонги звучные и криков и огней,
И вопли города свидетели о ней, -
Об силе божеской живущего Народа.

Русский край (Литературно-художественное приложение к воскресному номеру). - 1921. - 23 окт.

Вс.Н.ИВАНОВ

ТРУПЫ

Их было несколько, погруженных в саних.
В раздробленном лице в крови белели зубы,
И рядом мертвый снег садился прямо в губы
И звездами сиял на восковых деснах.

Глаза раскрытые коснели в странных снах,
А в уши лили рев изогнутые трубы,
В которые трубят для .чувств привычных губы,
Семь грозных ангелов в лазоревых странах.

Одетые тепло, они лежали важно,
На яростном бегу, погибшие отважно,
И гибель их, как жизнь, казалась так проста.
Что взорами судьбы, как пыльца снежный лилий,
Стерта меж нами грань без роковых усилий,
Бессмертье породив из смертного креста.

Русский край. - 1922. - 29 янв.

Приложение 3

Вс.Н.ИВАНОВ

Н.С.ГУМИЛЕВ
(РАССТРЕЛЯН Н.С.ГУМИЛЕВ)

Одно понять - права лишь сила -
Так не права в кольце стальном
Хихикающая горилла
За председательским столом...
(Г.Маслов. Поэма «Кольцо»).

Советскую власть можно поздравить с новым серьезным завоеванием. Еще меньше одним пленительным человеком на русской земле. Еще больше простора осталось для творцов новой жизни, хамов с низкими лбами.

Конечно, он должен был умереть. Он не был творцом новой жизни. Он был певцом жизни вечной, прекрасной, такой, какова она есть на самом деле.

Недаром он говорил горьковатым, ассонирующим размером своих стихов:

Я вежлив с жизнью современною,
Но между нами есть преграда:
Все, что смешит ее, надменную,
Моя единая отрада...

Он уходил от этой надменной жизни. Когда Анну Ахматову, эту сладкозвучную, чахоточную поэтессу, спрашивали - где же ваш муж? - она отвечала:

-Он в Абиссинии, охотится на львов...

И это было так. Его жена зябко куталась в мягкую цветистую шаль, в своем уютном домике в Гатчине, среди белых, пушистых берез под голубым морозом, а маленький, некрасивый, с асимметричным лицом Гумилев искал в Абиссинии исполнения своих грез:

Победа, слава, подвиги - бедные
Слова, неизвестные ныне,
В душе звучат, как трубы медные,
Как голос Господа в пустыне... -

Но как горьковат ассонанс Гумилева, так есть известная горьковатость в этом порыве к созерцанию.

Поэт видит всю роскошь мира, в этом стремлении к экзотике - он не отрывается от мира, как такового: в экзотике ищет он только усугубления этого мира, который т.о., мог бы соответствовать его грезам. Как день переливается из опаловых, сине-зеленых, в алых пятнах утренних сумерек через золотой полдень, в отдохновительную прохладу поднимающихся туманов вечера, так и жизнь, сплошная и одинаковая, имеет в себе экзотику АКМЕ, имеет полдень, сладкий и нежащий, концентрирующий ее. Гумилеву надобен был этот полдень...

Темнокожие мулатки
И играют и поют.
И несетя запах сладкий
От готовящихся блюд...

Но он подходит к этому расцвету жизни чисто созерцательно. Недаром был он великолепным переводчиком неподвижных «Эмалей и Камей» Теофиля Готье, этого великолепного парнасца, имевшего наглое хладнокровие поэта выдавать, совместно с другими, золотую медаль другу ресторатору за то, что тот сумел сделать так, что в своих еженедельных дружеских обедах их кружок забывал, что Париж в это время был осажден, и главную заповедь этого великолепного ювелира поэт Гумилев передал так:

Искусство тем прекрасней,
Чем взятый материал
Бесстрастней -
Стих, мрамор, иль металл...

И в этой изумительной, холодной чеканности встает описание знаменитых «Капитанов»:

И. Взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Обивая ударами трости
Ключья пены с широких ботфорт.
Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыплется золото с кружев,
С розоватых, брабантских манжет...

Но все это было только далекими видениями. И недаром страдает металлический идол, стоящий на этажерке с фарфоровыми безделушками:

Он помнит головы курчавые,
Склоненные к его подножью,
Жрецов молитвы величавые,
Грозу в лесах, объятых дрожью...
Но видит, горестно смеющийся,
Всегда недвижные качели.
Где даме с грудью выдающейся
Пастух играет на свирели.

Гумилев гнался за этой подлинностью. И точно также, как он охотился в Абиссинии на львов, он отправился на Русско-Германскую войну. Георгиевский кавалер-солдат, георгиевский кавалер-офицер, - он следил смерть с холодной любопытной улыбкой, скандируя из Т.Готье запечатленные радости жизни:

Поэмы и старинные романсы,
Гашиша или рейнских вин,
Езда на лошади цыганской,
На дикой лошади равнин,
- Все на ладони этой слито,
Средь тонких линий чертежа,
Где ставит знаки Афродита,
Чтобы любовь прочла, дрожжа.

И его убили социалистические гориллы.

Русский край (Литературно-художественное приложение к воскресному номеру). - 1921. - 20 нояб.

ХРОНИКА • АРХИВЫ • ОБЪЯВЛЕНИЯ

ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ РУССКОЙ ХАРБИНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

В 1992-1993 гг. в государственном архиве Хабаровского края с секретного хранения на открытое были переданы печатные материалы, вывезенные архивистами в 1945 г. из Харбина, так называемые «эмигрантские фонды».

Данный фонд состоит из 224 газетных сшивов, 251 экземпляра журналов, 363 книг.

Книги самой разной тематики, но даже при беглом просмотре списка названий видно, что большую часть их составляют издания по истории, давней и недавней. Конечно, больше недавней - истории революции, Гражданской войны, Белого движения, эмиграции. Это и научные исследования, и мемуары, и художественная литература.

Достаточно большое количество литературы посвящено стране, приютившей беженцев из России - Китаю, Маньчжурии, и тем организациям, в которые объединились русские эмигранты. Самые ранние издания - «Душеполезное чтение», 1869; «Энциклопедия военных и морских наук», 1888-1897; «Царствование императора Александра III», 1894.

В фонде имеется ряд книг, посвященных Белому движению, личностям его руководителей. Например, «Очерк по истории белого движения на Дальнем Востоке», Вс.Л.Сергеев, Харбин, 1937; «Белое дело», в 6-ти томах, Берлин, 1926; «Белоповстанцы», Б.Филиппов, Шанхай, 1932; «В борьбе за Россию», Н.Устрялов, Харбин, 1920; «Барон П.Н.Врангель», Л.А. фон-Лампе, Берлин, 1938; «Легендарный барон», Н.Н.Князев, Харбин, 1942; «О себе». Г.М.Семенов, Харбин, 1938; «Атаман Семенов», Харбин, 1917.

Довольно широко представлена литература о казачестве. Это: «1-я Забайкальская казачья дивизия в великой Европейской войне 1914-1918 гг.», составитель генерал-майор И.Ф.Шильников, Харбин, 1923; «Правда о казаках (жизнь казака как она есть)», Г.В.Енборисов, Харбин, 1937; «Вестник казачьего Союза», Париж, 1926; «О деятельности казачьего Союза», Париж, б/д; «Забайкальские казаки», А.Л.Васильев, Чита, 1916; и другие книги.

Примечательна характеристика казачества, данная Вс.Л.Сергеевым в книге «Очерки по истории белого движения на Дальнем Востоке»: «Что такое казачество? Вольный дух, вечно про-

тестующий, вечно мятежный, не могущий вписаться в тесные рамки московской государственности, не имеющий ни философского, ни экономического обоснования, в казачестве проявил много созидательности и творческого таланта в построении вольной общественной жизни, основанной исключительно на самом широком народоправстве».

Книгу «Правда о казаках (жизнь казака как она есть)» автор - полковник Г.В.Енборисов - посвятил Г.М.Семенову. Своей задачей он поставил показать не столько историю казачества, хотя такая глава тоже есть в книге, сколько «познакомить с самим казаком по его существу, политическим взглядам, воинской повинности, правами, особыми обязанностями перед государством, его гражданским управлением и самой жизнью». Кроме того в книге рассматриваются быт казака; участие казаков в колонизации России; вред, нанесенный казачеству использованием их в карательных целях; что казак получал от государства, сколько земли он имел; строевой устав казаков; отдельно рассматривается сибирское казачество. Книга иллюстрирована фотографиями.

Продолжает армейско-казачью тему сборник, посвященный 120-летию со дня основания 1 Сибирского императора Александра I кадетского корпуса в г. Омске «Первый Сибирский кадетский корпус 1813-1933». Сборник издан бывшими кадетами этого корпуса в Харбине в 1943 г. Предваряет его краткий исторический очерк кадетского корпуса, написанный А.Баженовым, кадетом выпуска 1891 г.

Корпус был основан 1 мая 1813 г. Назывался он первоначально «Войсковое казачье училище», которое предназначалось для того, чтобы готовить офицеров, чиновников и учителей из казачьих детей. Описание истории корпуса доведено лишь до лишь до 1913 г.

В последующие 20 лет судьба корпуса была трагична. Во время Гражданской войны его перевели на Русский остров, а затем кадет вывезли в Шанхай, потом еще дальше - в Сербию. Об этих событиях повествует очерк «Шанхай - Сербия», помещенный в сборнике. Привлекает внимание материал, рассказывающий о генерале Л.Г.Корнилове и воспоминание князя Н.П.Гантимурова. Кроме того в сборнике есть много фотографий и стихов, написанных кадетами.

Существовавшему в Харбине Казачьему союзу принадлежал ряд книг из нашего фонда. В их числе четыре выпуска сборника «Вольная Сибирь», издававшегося Обществом сибиряков в Чехии (Сибирским отделом при институте изучения России в Праге) в 1920х гг. Очерки в сборниках посвящены общественно-экономическим проблемам Сибири. Первые разделы обращены к событиям уже историческим - предреволюционная Сибирь, революция, Временное Сибирское правительство и Сибирская Областная дума и т.д.

Вторые разделы рассматривают экономические проблемы более современные ко времени издания сборников: «Сибирская промышленность в 1924-1927 гг.»; «Золотопромышленность при большевиках»; «Туркестан-Сибирская магистраль и другие проектируемые пу-

ти в Западной Сибири»; «Вопросы переселения и колонизации Сибири».

В третьих разделах помещены отзывы на книги, обзоры современной сибирской печати.

Сборник за 1929 г полностью занят монографией С.Г.Сватикова «Россия и Сибирь (к истории сибирского областничества в XIX в.)».

Историческую тему продолжает журнал «Русская летопись», книга первая. -Париж, издание «Русский очаг», 1921. Своей задачей его издатели ставили «давать правдивый пересказ прошлых лет, пережитых нами в годы революции». Основой издания, которое должно было выходить по мере накопления материала, должна была стать летопись смутного времени России, составленная по воспоминаниям, документам и «несомненным» историческим данным, начиная с 1917 г. В книге первой, которая есть в архиве, большой интерес представляют воспоминания воспитателя царевича Алексея Петра Жильяра, тогда впервые напечатанные в русскоязычной прессе.

Воспоминания интересны тем, что это первые письменные свидетельства очевидца. Об убийстве царской семьи кроме того есть еще несколько книг: «Убийство царской семьи», И.Соколов, Берлин 1925; «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале», М.К.Дитерихс, Владивосток, 1922.

Обращают на себя внимание произведения генерала от кавалерии В.А.Кислицина, начальника Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, «Пантеон воинской доблести и чести», изданная в 1941 г., и «Пути русской молодежи», Харбин, 1944.

Обе книги были адресованы в первую очередь эмигрантской молодежи. В них рассказывается о прошлом России и людях, прославивших ее. Повествование построено таким образом, чтобы возбудить у молодежи любовь к Родине. В авторском предисловии написано: «Юноши наши и девушки! За часом уходит час, за днем - день...Все неотвязней мысль: если сам не вернусь, то пусть любовь мою к Родине, Императорской России-Матери, сохранят мои дети и, когда придет час, ей отдадут ее вместо меня.

Откройте же, юноши и девушки, ваши сердца, примите и сохраните то, что было самым священным для отцов ваших, дедов и прадедов - любовь к Императорской России».

Книги эти и слова, исключая, может быть, слово «Императорская» очень даже актуальны и для сегодняшней молодежи, которой явно не хватает здорового патриотизма.

Издание «Пантеон воинской доблести и чести» посвящено военной славе России. Повествование начинается с великого витязя земли русской - князя Святослава - и заканчивается военачальниками войн 1914 г. и Гражданской. Последняя глава рассказывает о Доме Романовых в изгнании. Ну а начало книги - дань обстоятельствам. Автор воспевает воинскую доблесть японской армии.

В книге «Пути русской молодежи» примечательна глава, которая называется «Великая русская женщина». Ее, пожалуй, можно распечатать и подарить каждой семье. Вот выдержки из этой главы:

«Русская женщина - гордость великих наших чудо-богатырей, она имеет свое историческое лицо и неопенимые заслуги перед Родиной».

«Русская женщина была, есть и будет неизменным солнцем земли русской... Счастлив тот, кто умеет понимать и ценить ажурные нюансы души и сердца благородной женщины России».

«В своем величавом, царственном образе русская женщина есть чудо природы, апофеоз естественной красоты, она сама идея, сама источник осмысленной жизни».

Из книг, освещающих литературу и искусство, интересен альбом «Русское искусство в Маньчжурской империи», изданный Харбинским симфоническим обществом в 1942 г. к десятилетию Маньчжурской империи. В это время там существовал большой симфонический оркестр, ставились балетные постановки, шли оперные и опереточные спектакли, процветала русская драма.

Часто участниками спектакле были не профессиональные актеры, а учащаяся работающая молодежь. Но благодаря тому, что руководили ими профессионалы, свято относившиеся к своему искусству, спектакли проходили на хорошем профессиональном уровне и имели большой успех. Как это было со спектаклями Е.И.Корнаковой-Бринер, бывшей артистки Московского художественного театра, поставленными силами студии драматического искусства. Ее фотография, наряду с фотографиями других представителей русского эмигрантского искусства, имеется в альбоме. В нем освещены: деятельность драматического театра, музыкальная жизнь, балет, хоровое искусство и деятельность Харбинского симфонического общества. Альбом хорошо иллюстрирован.

Художественная литература представлена поэтическими сборниками Марианны Колосовой, А.Соколова «Горные взлеты», «Гумилевским сборником», романом П.Н.Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени». «Гумилевский сборник», издан в Харбине в 1937 г. поэтами города «в память кровавой даты умерщвления большевиками Николая Степановича Гумилева (15 лет) 1921-1936 гг.» Вступительная статья написана атаманом Семеновым. Открывается сборник стихами Арсения Несмелова «Гумилеву». Далее помещены два стихотворения самого Гумилева («Наступление», «Смерть»), потом идут стихи харбинских поэтов о Гумилеве (А.Ачаир, Г.Мурашов, А.Несмелов, В.Перелешин, А.Хаиндрава, В.Обухов). Завершают сборник две статьи, разбиравшие творчество Гумилева: В.Обухова (П.Сухумского) «Посмертные стихи Н.Гумилева», Н.С. «О трех книгах Гумилева».

Тематика Марианны Колосовой (сборники выпущены в Харбине в 1930 г.) определена самим автором в таких строках:

Ждут освобождения миллионы
Русских угнетаемых людей.
Вот о чем стальные перезвоны
Динамитной лирики моей!

Все стихи посвящены борьбе и борцам за освобождение России от власти коммунистов. Автор скорбит о павших, соболезнует тем рус-

ским девушкам, чьи любимые погибли на поле брани. Не принимает позицию тех, кто смирился с участью эмигранта.

Что может быть святей и проще
Святых, родных, любимых мест,
Где над березовой рощей,
Сверкает на часовне крест?
Тускнеют, блекнут все химеры
Перед сиянием креста.
Я не сменю отцовской веры,
Она, как жизнь и смерть - проста.

Тоской по утраченной Родине, непримиримостью к тем, кто вытеснил ее и ее окружение из России проникнут весь сборник. Борьба породила поэта Марианну Колосову.

Среди ночных, чуть слышных шорохов
Работаю тихонько я...
Пусть не выдумаю пороха,
Но... порох выдумал меня!

Кроме названных книг литература и искусство русского Зарубежья в Китае широко представлены в журналах, особенно в журнале «Рубеж», который был еженедельным литературно-художественным изданием.

В нем есть реклама: «Все хорошо знают, что «Рубеж» - лучший еженедельный журнал в эмиграции». Вероятно это заявление было обоснованным. В «Рубеже» печатались романы русских и зарубежных авторов; стихи; статьи, освещавшие культурную жизнь Харбинской эмиграции; рецепты русской кухни; советы женщинам по уходу за собой и многое другое. Помещалось много фотографий.

Из авторов, печатавшихся в журнале, чаще всего встречаются имена Елены Инсаровой, Валерия Перелешина, Арсения Несмелова, Алексея Ачаира - поэзия; В.Улковского - репортажи на темы культуры («Алданов решил покончить с литературой». - 1933. - № 6; «Новые реликвии декабристов». - 1933. - № 7; о дневнике княгини Е.И.Трубецкой; «Тусклые будни служителей муз», о жизни русских писателей, музыкантов, артистов в Париже. - 1933. - № 12). Всего в архиве имеется 15 сшивов журнала с 1929 по 1945 гг.

Широко представлены в фонде журналы, посвященные казакам: «Казачество в Азии» (1934), «Зов казака» (1934), «Казаки» (1937), «Казачья лава» (1924), «Казак» (1933), «Казачий голос» (1938). «Сибирский казак» (1932), «Дальневосточный казак» (1934), «Казачий сборник» (1930), «Казачий быт (1925), «Терский казак» (1936-1939), «Кавказский казак» (1932-1938), «Казачий клич» (1938), «Вестник казачьей выставки» (1943), «Вольное казачество» (1932, 1937), «Россия и казачество» (1933, 1934), «Путь казачества» (1927, 1928) и другие.

Все эти печатные материалы помогут историкам, литераторам, всем тем, чьи исследования посвящены русской эмиграции.

ХРОНИКА

В г.Томске в издательстве Томского государственного университета вышла книга Н.С.Ларькова «Начало Гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть». В ней автор исследует характер и особенности военно-политических событий на территории Сибири в период с конца 1917 по май 1918 гг. В монографии показана роль военнослужащих Русской армии в установлении советской власти в крае, освещены процессы ликвидации старой армии в сибирских военных округах и создания на ее обломках красных и белых вооруженных формирований, раскрывается механизм эскалации вооруженной борьбы в Сибири, рассматриваются социально-психологические и морально-нравственные аспекты борьбы за власть. Книга является первой частью научного исследования, посвященного «анатомии» Гражданской войны в Сибири, и легла в основу докторской диссертации, защищенной автором в сентябре 1996 г. Заявки на монографию просьба направлять по адресу: 634050, г.Томск, пр.Ленина, 36. Томский госуниверситет, кафедра истории России, Ларькову Н.С.

* * *

В мае 1996 г. в Сыктывкарском государственном университете состоялась успешная защита М.В.Таскаевым диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Антибольшевистское движение в Коми крае (1917-1925 гг.)». В своем отзыве на работу официальный оппонент профессор В.И.Голдин (г.Архангельск) в частности отметил, что «диссертация М.В.Таскаева - одна из первых попыток рассмотреть проблемы политической истории России этого периода на низовом - уездном и волостном уровне, что позволяет неизмеримо глубже понять умонастроения и действия масс, групп населения, отдельных людей». Автором осуществлена подробная персонификация исследуемых проблем и событий.

* * *

В сентябре 1996 г. в Российском государственном гуманитарном университете (г.Москва) прошла успешная защита кандидатской диссертации В.Ф.Ершовым на тему «Российская военная эмиграция в 1921-1939 гг.» Данная работа посвящена малоисследованной истории российской военной эмиграции, являвшейся составной частью общей темы русского Зарубежья. Оказавшиеся за рубежом военнослужащие

бывшей императорской армии, военные чиновники, инженеры образовали одну из важнейших социально-политических и культурных составляющих эмиграции 1920-1930х гг. Большинство из них принимали участие в вооруженной борьбе против большевизма на территории России. Автор диссертации, детально рассматривая историю военной эмиграции, раскрывает процесс формирования спектра политических позиций российских эмигрантов, ставит и решает проблему степени реальной опасности военной эмиграции для советского режима, исследует систему военного образования и военно-политических доктрин эмиграции 1920-1930х гг.

* * *

В г.Санкт-Петербурге в издательской группе «Нестор» вышел в свет биографический справочник «История «белой» Сибири в лицах» (под ред. проф., акад. АГН Р.В.Дегтяревой, доц. С.П.Звягина, проф. С.Н.Полторака). В книге предпринята попытка представить широкой читательской аудитории биографии ряда руководителей и членов белогвардейских правительств Сибири. Издание основано на использовании обширного архивного материала, газетных публикаций тех лет, мемуаров, исследований отечественных и зарубежных историков.

* * *

В г.Кемерово 4-5 февраля 1997 г. состоялась Вторая научная конференция по проблеме «История Белой Сибири». Ее организаторами выступили местное отделение Омского юридического института МВД РФ, областные государственный архив, краеведческий музей и научная библиотека им В.Д.Федорова. Свои исследовательские материалы на конференцию представил довольно большой отряд историков, работающих в российских научных центрах от Санкт-Петербурга до Владивостока, на Украине и в Казахстане. Однако для личного участия прибыть из-за финансовых трудностей смогли лишь немногие. Тем не менее прочитанные доклады и сообщения, их обсуждение в прениях явились несомненным вкладом и изучение истории Белого движения в Сибири. Особый интерес у собравшихся вызвали выступления проф. М.В.Шиловского (г.Новосибирск) по проблеме политической ориентации членов Директории; доц. Н.И.Наумовой (г.Томск), рассказавшей о месте, которое отводилось югославам в политике правительства А.В.Колчака; доц. Ю.П.Горелова (г.Кемерово) о постановке госпитального дела в Белой армии на территории края; доц. Н.И.Дмитриева (г.Екатеринбург), раскрывшего неизвестную страницу нового железнодорожного строительства в Белой Сибири; проф. А.Л.Посадкова (г.Новосибирск), поднявшего вопрос о деятельности Совещания по делам печати при совете министров Российского правительства А.В.Колчака. Результаты исследований ученых нашли отражение в виде тезисов конференции, изданных организаторами к началу научного собрания, что само по себе в наше время встречается весьма нечасто и за что следует прежде всего поблагодарить С.П.Звягина и В.А.Сергиенко.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Профессор С.Н.Полтораки обращается ко всем ученым - специалистам по истории Гражданской войны и частным лицам с просьбой помочь отыскать следы офицера Белой армии **ХВОРОСТОВА ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА**, служившего в годы Гражданской войны адъютантом генерала А.И.Деникина.

О нем известно, что до Первой мировой войны он учился в Петербурге в лесотехнической академии. С 1914 г. - на фронте. Из России эмигрировал в 1920 г. через Крым. Возможно проживал в Париже.

Всем, кто может чем-нибудь помочь, просьба позвонить в г.Санкт-Петербург внучатой племяннице В.М.Хворостова - Лидии Петровне Квартальной по тел. 247-77-70 или написать по адресу:

195251, г.Санкт - Петербург - 251, до востребования. Полтораку Сергею Николаевичу.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРАХ

ДЕРБУШ Ольга Анатольевна, научный сотрудник Омского государственного историко-краеведческого музея, аспирантка кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, занимается изучением истории Гражданской войны и крестьянских выступлений в первые годы советской власти.

ДОРОНИН Юрий Петрович, старший преподаватель кафедры общественных наук Качинского высшего военного авиационного училища летчиков (г.Волгоград), адъюнкт Военного университета МО РФ, занимается историей воздушного флота Белых армий в годы Гражданской войны, автор ряда публикаций и докладов на конференциях.

ДУБИНИНА Нина Ивановна, доктор исторических наук, профессор Хабаровского государственного педагогического университета, специалист по проблемам российской эмиграции в Маньчжурии, автор более 40 научных публикаций, в том числе двух монографий.

МАЛЫШЕВА Светлана Юрьевна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры историографии и источниковедения Казанского государственного университета, занимается историографическими исследованиями Гражданской войны в России, партии социалистов-революционеров, российского Зарубежья, автор ряда научных публикаций.

СОЛОВЬЕВА Надежда Анатольевна, ведущий археограф государственного архива Хабаровского края (г.Хабаровск), автор ряда научных публикаций и докладов.

ТАСКАЕВ Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела отечественной истории института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г.Сыктывкар), занимается историей антибольшевистского движения в Коми крае, автор более 30 научных публикаций.

ШУШПАНОВ Сергей Георгиевич, корреспондент государственного информационного агентства «Башинформ» (г.Уфа), автор ряда публикаций по истории Белого движения в Башкирии.

ЯКИМОВА Светлана Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Хабаровского государственного педагогического университета, специалист по проблемам Восточной литературной эмиграции, автор многих научных публикаций.

Издательская координационная группа

«НЕСТОР»

**при кафедре истории Санкт-Петербургского
государственного технического университета:**

**Приглашает к участию в заочных научных конференциях
по темам:**

Седьмая: Актуальные вопросы отечественной историографии

Срок предоставления тезисов - до 1 июня 1997 г.

Восьмая: Местные архивы об истории регионов России

Срок предоставления тезисов - до 1 октября 1997 г.

**Девятая: История и историки высшей школы России: уроки,
проблемы, идеи. Срок предоставления тезисов - до 1 декабря
1997 г.**

Объем тезисов - 3 стр. Машинописного текста через 1,5 интервала,
сноски в конце; текст и сведения об авторе - в одном экз.;

**Принимает авторские материалы (0,5-1,5 п.л.) для публикации на
страницах исторического журнала «Клио»;**

**Осуществляет выпуск малым тиражом монографий по самым
низким в России ценам (срок издания 3-4 месяца).**

Адрес для писем: 195251, г. Санкт-Петербург-251.

До востребования, Полтораку Сергею Николаевичу.

БЕЛАЯ АРМИЯ БЕЛОЕ ДЕЛО.

Исторический научно-популярный альманах № 3.

Ответственный редактор Дмитриева Т.В.

Художник Сакнынь Ю.П.

Подготовлено к печати: 12.04.97г. Формат 70x108 1/16
Бумага кн.журн. Ризография ЗАО УМЦ УПИ
Уч.-изд.л.14.2 Тираж 800 экз. Дог.№ 100-37

620002,г.Екатеринбург,ул.Мира,17

